

АНДРЕЙ
КАМИНСКИЙ

КРОВАВЫЙ
29

"Парк динозавров"

Annotation

Моя версия популярной франшизы. Сюжетная линия схожа с классической: на далеком тропическом острове эксцентричный миллионер Джон Хэммонд задумал создать зоопарк из генетически воссозданных доисторических животных. Но, как и по классике, "что-то пошло не так..."

Кровавый "Парк динозавров"

Индийский океан, к юго-западу от Суматры, 1998 год.

Агунг не сразу понял, что его разбудило. Проснувшись, словно от толчка, он какое-то время неподвижно лежал на дощатом полу, усталом влажным, уже начавшим гнить, тростником, напряженно вслушиваясь в ночные звуки. Они были донельзя привычными: из-за хлипких стен доносился негромкий плеск волн, легонько покачивавших баган; морской ветер шелестел высушенными солнцем стеблями, устлавшими крышу; издали доносился крик одиночной чайки. Рядом с Агунгом негромко сопел Гема, чье тощее тело прикрывала лишь грязная набедренная повязка.

Что это?

Снаружи послышался плеск — чуть громче, чем можно было ожидать от случайной волны или обычной рыбы. Следом баган качнуло — тоже куда сильнее, чем от простого волнения. Да и откуда бы взяться волнам — весь день стояла совершенно ясная погода, также как и все время с тех пор, как они, покинув родную деревню, вышли в открытое море. Выбрав подходящее место, рыбаки поставили баган и ночью приступали к рыбалке. Завтра начиналась вторая неделя их пребывания здесь: днем они сгружали улов по приходившим из деревни лодкам, а ночью вновь приступили к лову, приманивая рыбу на свет. Сам Агунг первую неделю дежурил с Гемой, пока, наконец, на четвертую ночь их не сменили на ловле Буана и Тирто.

Вспомнив о товарищах, Агунг понял и что его разбудило. Лампа по-прежнему горела: ее свет пробивался сквозь прорехи в стенах хижины. Однако снизу уже не доносилось негромких разговоров рыбаков, коротавших ночной лов за пересказом немудреных сплетен родной деревни. Агунг как-то сразу понял, что внизу никого нет.

Баган качнуло снова — так что Гемма, доселе мирно храпевший, беспокойно заворочался, что-то бормоча под нос. Агунг с завистью уставился на него: только что он и сам столь же мирно спал, видя на редкость приятный сон. Перед ним всплыло лицо молоденькой девушки из сновидения — ради нее рыбак отправился в этот рейд, надеясь заработать достаточно, чтобы начать разговор с родителями избранницы. Его товарищу, судя по блуждавшей на его лице улыбке, снилось что-то похожее, поэтому Агунг решил пока не будить его, разобравшись во всем сам. На четвереньках рыбак вылез из небольшой хижины, стоявшей на бамбуковом каркасе, в свою очередь покоившемся на обширном плоту. Под ним была натянута большая сеть, в которую, привлеченные светом лампы, целыми косяками шли тембанги, джапухи, селары, а также кальмары и каракатицы.

Но сейчас сети не было — от нее остались только жалкие обрывки, испачканные кровью и рыбьей чешуей. Опытный взгляд бывалого рыбака сразу определил, что весь улов, — немалый, судя по всему, — пошел насмарку. Но кто мог сожрать столько рыбы. Акула? Гребнистый крокодил? Но куда тогда делись Буана и Тирто, хорошо знакомые со всеми чудовищами моря?

Мысли Агунга, еще не успевшего испугаться, прервал очередной толчок, куда сильнее чем прежде, сотрясший баган до основания. Агунг едва не свалился в воду, в последний миг успев ухватиться за ближайший шест. В тот же миг в его уши ударил истошный крик, полный ужаса и боли. Хижина на багане затряслась так, что казалось вот-вот рассыпется по пруту, когда что-то темное вырвалось из хижины и исчезло в воде. Агунг успел увидеть искаженное

страхом и болью лицо Гемы, его вытаращенные глаза, струйку крови, вытекавшую из прокушенной губы. Увлекаемый неведомой силой, мужчина исчез в бурлящей пене, оставив на воде лишь сор из пробитого пола.

— Бисмилляхи рахмани рахим, — путая молитвы к Аллаху с призыванием духовохранителей родной деревни, Агунг пятился назад, совершая жесты, отвращающие злых духов. Ничего иного для своего спасения, парализованный ужасом рыбак придумать уже не успел: позади него вдруг послышалось громкое шипение и, Агунг, обернувшись, увидел поднимавшееся из воды невообразимое существо. Оно и вправду напоминало огромную змею, но острые зубы в распахнутой пасти выглядели, скорей, как крокодильи. Вслед за извивающейся шеей из воды поднялось и массивное тело, напоминающее кита или огромного тюленя, которому прикрутили змеиное туловище. Холодные глаза уставились на Агунга и тут же, с быстротой атакующей кобры, тварь нанесла удар. Невыразимо сильная боль пронзила все тело, когда острые зубы впились в живот Агунга. Истошно крича и пытаясь вырваться, мужчина опрокинул керосиновую лампу, а в следующий миг баган вспыхнул ярким пламенем. Его жаркое дыхание опалило волосы обезумевшего от ужаса рыбака, когда его с невероятной силой рвануло вниз и над головой Агунга сомкнулись морские волны. Он еще видел зарево, мерцавшее сквозь водную толщу, когда мощные челюсти выпустили его, чтобы тут же ухватить снова, уже за голову. Последние всполохи угасавшего сознания еще ощущали, как Агунга проталкивало в раздувавшееся как у змеи горло, прежде чем все поглотила тьма.

Предыстория

Южная Родезия, к северо-западу от Солсбери, 1978 год

Тем утром Дженни разбудил голос отца — слишком громкий и непривычно злой для него. По интонациям девочка поняла, что на ферме кто-то чужой — со своими работниками или членами семьи Роджер Стемпер не говорил в таком тоне.

— Нет, черт возьми, я никуда не уеду! Эту ферму построил еще мой дед, я прожил на ней всю жизнь и никогда не отдам ее чертовым террам!

Ему отвечал незнакомый голос, говоривший слишком тихо, чтобы Дженни могла разобрать слова.

— Мистер, не тратьте мое время! — рявкнул отец, — вы хотели предупредить меня об опасности — вы это сделали. Можете возвращаться в Солсбери и передать Яну Смигу, что я сам смогу постоять за свою семью, если его хваленые «Скауты» не справляются.

Дженни, соскочив с кровати, подбежала к окну, затянутому противомоскитной сеткой и осторожно выглянула наружу. Ее отец — высокий мужчина в бежевых шортах и рубашке с короткими рукавами, — спорил с усатым человеком в камуфлированной форме, зеленом берете с серебряной эмблемой и ботинках на высокой шнуровке. Через плечо его был переброшен ручной пулемет, с бедра свисал мачете. Чуть поодаль стоял джип, где сидело несколько человек, экипированных схожим образом.

Разговор, судя по всему, подходил к концу — Дженни хорошо знала, как упрям может быть ее отец. В конце концов, чужак, пожав плечами, развернулся к джипу.

— Надеюсь, вы не пожалеете мистер Стемпер, — напоследок сказал он.

— Можете быть уверены, джентльмены, — бросил ему в спину Роджер. Заурчал мотор и джип, выбрасывая облака черного дыма, устремился по узкой дороге, петлявшей меж хлопковых полей, провожаемый взглядами черных работников.

— Чего они хотели, Роджер? — миссис Стемпер, изящная светловолосая женщина в белом платье, подошла к мужу, вместе с ним смотря вслед удаляющемуся джипу.

— Не бери в голову, — пожал плечами отец, — чертовы паникеры. Пойдем в дом.

За спиной Дженни стукнула дверь и она, обернувшись, увидела средних лет негритянку в строгом костюме английской горничной. Темные глаза с укоризной посмотрели на виновато потупившуюся девочку.

— Завтрак уже готов, а вы еще не одеты, мисси, — покачала головой женщина, — нкосикази будет сердиться, если вы не спуститесь вовремя.

— Одну минуту, Джозефина! — девочка кубарем скатилась с кровати, подбегая к стулу за которым лежала ее одежда, — обернуться не успеете.

После того, как Джозефина помогла юной хозяйке одеться, они спустились на веранду. Там уже собралось все семейство — сам Роджер Стемпер, его жена Мередит и старший брат Дженни, четырнадцатилетний Роберт, такой же рыжий и веснушчатый, как и сестра. Сновавшие между верандой и кухней слуги ставили на стол тарелки с тыквенным пюре и яишницей с беконом. Опасения Мэри оказались напрасны — опоздания Дженни никто не заметил, все еще обсуждая визит Скаутов.

— Может, стоило поехать с ними? — осторожно спросила Мередит, — все так меняется.

— Даже слышать не хочу, — передернул плечами Роджер, — никому не удастся

прогнать меня с моей земли. Если эти чертовы каффиры сунутся на ферму, у меня хватит свинцовых пилюль, чтобы вылечить каждого от дури.

— Правильно папа, — поддержал его Роберт, — я им задам.

Дженни слушала все это вполуха — рядом с верандой уже слонялась черная девочка лет восьми, бросая в ее сторону нетерпеливые взгляды. Торопливо доев завтрак и, чуть ли не залпом выпив чашку обжигающего чая с молоком, Дженни выскочила во двор.

— Не заходи далеко! — только и успела крикнуть ей вслед Мередит.

— Хорошо мама, — ответила девочка, подбегая к изведшейся в ожидании подружке. Мэри, дочь Джозефины, была на два года старше Дженни, однако с дочерью хозяйки, держалась как младшая, будучи ведомой во всех их детских проказах. Весело смеясь, девочки побежали в усеянное хлопком поле, провожаемые добродушно-насмешливыми возгласами черных работников.

— Опять в прятки? — спросила Мэри, когда они отбежали достаточно далеко от дома.

— Надоело! — мотнула головой Дженни, — пойдем к реке!

— Далек, — возразила Мэри, — лучше в прятки.

— Трусиха!

— И ничего не трусиха, — надулась Мэри, — спорим, я добегу первая?

— Дженни, будь на виду! — крикнула мать. Девочка заговорщески приложила палец к губам и нырнула в заросли хлопка.

— Догоняй! — напоследок крикнула она Мэри. Смеясь и дурачась, девочки пробежали через хлопковое поле, то и дело прячась друг от друга среди зеленых стеблей, усеянных пушистыми цветками. Увлечшись игрой, они и не заметили, сколько времени прошло: солнце стояло уже высоко, когда подружки вышли к апельсиновым рощам. Уборка еще не началась и ветви деревьев гнулись от оранжевых шаров, висевших столь низко, что девочки то и дело останавливались, чтобы полакомиться сочным плодом. Наконец, перепачканные сладким соком, они вышли к Сангани, одному из притоков Замбези. Там где высокий берег образовывал небольшой обрыв, возвышаясь над всеми остальными деревьями, рос исполинский баобаб. В свое время дед Роджера Стемпера не стал выкорчевывать этого великана, оставив как своего рода достопримечательность. Развесистые ветви простирались над небольшим омутом с темно-зеленой водой.

— Глянь, что у меня есть! — хитро улыбнулась Дженни, доставая из-за пазухи увесистый кусок «мраморной» говядины, еще одной гордости фермы Стемпер.

— Стянула еще вечером, — ответила она на невысказанный вопрос Мэри, — смотри!

Вцепившись пальцами в чешуйчатую кору, она нависла над омутом и, размахнувшись, швырнула мясо в реку. До воды бекон так и не долетел — что-то длинное, напоминающее поросшее серо-зеленой тиной бревно, плюхнулось в воду из прибрежных зарослей. Перед глазами девочек мелькнул покрытый бронированными щитками бок и гребнистый хвост. Громко щелкнули зубастые челюсти, когда большой крокодил ухватил кусок мяса и сходу заглотил его.

— Видела!? — гордо сказала Дженни, — это я его нашла!

— Нашла?

— Слышала, как старый Гома говорил другим, что видел здесь крокодила. Они болтали об этом вечером, когда шли с работы, а я сидела в своей комнате с открытым окном и все слышала. Они собирались сказать отцу, чтобы тот убил крокодила, но я захотела увидеть его первой. Хочешь сама покормить?

Она протянула Мэри еще один кусок мяса, но маленькая африканка только помотала головой, со страхом глядя на чудовище. От кончика носа до кончика хвоста в крокодиле было не меньше пятнадцати футов.

— Трусиха! — с чувством превосходства сказала Дженни и швырнула второй кусок мяса в воду. Снова щелкнула зубастая пасть и крокодил, проглотив очередную подачку, развернулся, с нехорошим интересом взглянув на девчонок.

— Извини, — с сожалением развела руками Дженни, — больше нет.

— Пойдем домой! — взмолилась Мэри, — мы уже слишком долго гуляем. Тебе и так влетит за мясо, а уж если узнают, где мы были...

— Не ной, плакса, — презрительно бросила Дженни, — никто ничего не узна...

Ее слова прервал грохот выстрелов, раздавшийся со стороны фермы, а вслед за ним — громкий взрыв. Крокодил, услышав эти звуки, с молниеносной быстротой исчез под водой, а девочки, испуганно переглянувшись, со всех ногкинулись к дому.

О том, что произошло нечто ужасное, девочки поняли еще на хлопковом поле — тут и там валялись страшно изуродованные тела чернокожих работников. Замирая от ужаса, Дженни и Мэри на четвереньках, прячась меж зарослей, подобрались к дому.

Возле веранды толпилось не менее трех десятков негров — в основном молодых, немногим старше Роберта. Все террористы носили свою неофициальную «форму» — выцветшие джинсы и джинсовые же куртки с отпоротыми рукавами. Несколько человек, выглядевшие старше остальных, прикрывали глаза черными очками, а один носил еще и вычурные, «ковбойские» сапоги. Большинство было вооружено автоматами Калашникова, лишь несколько, самых молодых, имели охотничьи ружья. Двое террористов держали еще и гранатометы — и, судя по всему, именно они сыграли решающую роль во время штурма дома, ныне горевшего сразу в пяти местах.

Отца Дженни узнала не сразу — он лежал на ступенях веранды, но разум девочки просто отказывался понимать, что изуродованный кусок мяса, с чудом уцелевшим клоком рыжих волос на разможенной голове — это Роджер Стемпер. Его сын прожил чуть дольше — обнаженный, обожженный, с отрубленными пальцами и гениталиями, Роберт еще корчился в петле, переброшенной через массивную балку. Перед верандой, в окровавленной пыли, лежала Джозефина — с задранном подолом и безобразной дырой между ног. Над ней уже роились крупные зеленые мухи.

А Мередит Стемпер была еще жива — вмиг поседевшая, стоявшая в разорванном платье, женщина стояла на веранде, среди перевернутой мебели, сжимая в руках карабин мужа. Судя по всему, мужчин застали врасплох — и только хозяйка успела добраться до оружия. Несколько трупов в джинсовых куртках уже валялись перед верандой, в то время как Мередит упрямо жала на курок, хотя вместо выстрелов раздавались лишь бесполезные щелчки — женщина давно расстреляла все патроны.

Самый старший из «терров», усмехнувшись, поднял автомат, готовясь полоснуть женщину очередь, но несколько черных юнцов остановили его протестующими возгласами. Особенно усердствовал один, он даже шагнул вперед, жестами убеждая главного опустить оружие. Этот бандит отличался от остальных: если большинство террористов были из шона, то их соратник не походил ни на шона, ни на матабеле, ни на какую иную народность Южной Африки. Еще молодой парень, этот «каффир» был на голову выше самых высоких шона. Необычайно темная кожа также отличала его от местных, также как и на редкость уродливое лицо, — его черты, несомненно, негритянские, несли примесь и некой

иной крови. Иссиня-черные локоны, выющиеся словно змеи, ниспадали на широченную грудную клетку, поросшую густыми волосами. Прямо по центру, впрочем, они были выбриты, открывая татуировку — череп, вписанный во что-то вроде четырехконечной звезды, с необычайно удлиненным одним из лучей.

Ощупывая белую женщину похотливым взглядом, он шагнул на веранду. Мередит замахнулась бесполезным карабином, но террорист небрежно вырвал оружие из ее рук. В тот же миг, женщина, выхватив из-за пояса длинный нож, кинулась на черного бандита. Тот отшатнулся с быстротой змеи и удар ножа, в более сильных руках пронзивший бы ему сердце, лишь оставил глубокую рану, расщепляющую странный символ.

С криком боли и злости террорист отшатнулся, зажав ладонью кровоточащий шрам. Мэредит вновь вскинула нож, но на этот раз негодяй оказался проворнее — перехватил женскую руку и вывернул ее так, что острие ножа оказалось направлено в живот матери Дженни. Глаза Мередит широко распахнулись, когда черный, гортанно выкрикнув некое слово, вонзил нож в тело женщины, медленно проворачивая лезвие. Когда он отдернул руку, из образовавшегося широкого разреза выпали внутренности.

Оглушительный визг ударил по ушам Дженни — лишь спустя миг она осознала, что кричит она сама, выпрямившись в полный рост и тыча пальцем в развернувшегося на визг убийцу. «Каффир» недоуменно уставился на растрепанную рыжеволосую девчонку, а потом расплылся в похотливой улыбке, миготом отразившись и на лицах его соратников. Не меньше десятка «терров» разом кинулись к испуганным девочкам.

— Беги!!! — стоявшая рядом Мэри дернула Дженни за рукав и та, опомнившись, опрометью кинулась назад в заросли. Позади нее уже слышалось улюлюканье погони

Петля между зарослями девочки быстро отбили друг от друга, разбегаясь в разные стороны. Мэри не повезло — ее поймали почти сразу. В уши Дженни ударил душераздирающий вопль и, обернувшись, она увидела как ее подружка отчаянно бьется в руках хохочущего террориста, а второй, неторопливо снимая с пояса нож, подходит ближе. Острая сталь нестерпимо ярко блеснула на солнце и маленькая головка в черных кудряшках покатила среди кустов. Дженни, заскулив от ужаса, припустилась бегом, прижимаясь как можно ниже. Позади хлопнуло несколько выстрелов и ближайший куст дернулся от удара пули, но это лишь прибавило Дженни скорости. Ей повезло, что в отличие от чужаков, они с Мэри излазили на плантации каждый куст, и теперь, пробираясь знакомыми местами, она все же исхитрилась оторваться от потерявших ее из виду преследователей. Тяжело дыша, девочка влетела под полог апельсиновой рощи, лихорадочно оглядываясь. Позади нее уже слышался громкий топот — и Дженни наугад ломанулась меж ближайших деревьев.

Внезапно она выбежала на берег Сангани, рядом с тем самым баобабом, возле которого они с Мэри были утром. Затравленно оглянулась — позади уже слышался треск и азартные крики. В отчаянии Дженни кинулась к дереву: там, где течение размыло обрыв, образовалось нечто вроде неглубокой норы, прикрытой могучими корнями. Цепляясь за них, девочка забилась в укрытие, распугивая крупных лягушек и молясь о том, чтобы не наткнуться на змею. Сжавшись в комочек, она замерла, дрожа и стараясь не дышать.

Сверху послышалось несколько фраз на ломаном английском и досадливое цоканье языком. Раздался выстрел — кто-то явно пытался спугнуть добычу. Затем голоса удалились и Дженни уже понадеялась, что преследователи потеряли ее след, когда сверху раздался громкий смех и перед ней выросла ухмыляющаяся харя в черных очках. Держась одной рукой за корни, второй рукой террорист собирался схватить Дженни за волосы.

Дальнейшее произошло так быстро, что Дженни не успела сообразить, в чем дело: раздался громкий плеск, лицо негра исказилось от боли и что-то с невероятной силой дернуло его вниз. Дженни высунулась и в ужасе отпрянула обратно: в реке клокотал кровавый котел, где мелькали то искаженное ужасом черное лицо, то гребнистый хвост и зубастая пасть. Сверху слышалась беспорядочная стрельба — другие террористы пытались отбить соратника у крокодила. И вдруг Дженни услышала стрекот вертолетных лопастей, за ним новые выстрелы — и новые команды, ничем не напоминавшие гортанные выкрики негров. Грохнуло несколько взрывов, затем — треск веток, воинственные крики и вопли каффигов, застигнутых врасплох новым врагом.

Все эти звуки все больше отдалялись от Дженни, пока, наконец, не наступила тишина. Ободренная ею, девочка осторожно вылезла из своего укрытия, цепляясь за корни и карабкаясь вверх. В воде под баобабом расплывалось кровавое пятно, плавали обрывки джинсов. Крокодила нигде не было видно — также как и людей.

Кто-то осторожно кашлянул за спиной Дженни и она резко обернулась, готовая встретить новую опасность. На берегу стоял высокий мужчина в уже знакомой ей камуфляжной форме и зеленом берете с серебряной эмблемой. С худого загорелого лица сочувственно смотрели серые глаза, под тонким, с горбиной носом, топорщились золотистые усы.

— Бедняжка, — произнес он, — хочешь домой?

— У меня больше нет дома, — всхлипнув, сказала Дженни. Она не сопротивлялась, когда мужчина, подойдя к девочке, осторожно взял ее на руки. Обхватив шею скаута, Дженни уткнулась в его плечо и, наконец, дала волю слезам.

Северная Аляска, формация Принс-Крик, 1998 год.

Алан Грант, опасно балансируя на шаткой металлической лестнице, одной рукой вцепился в каменистую землю, а второй сосредоточенно бил киркой. Пласты земли ссыпались вниз по склону, где их подхватывали студенты, набравшие целые ведра отложений с крутых берегов. С ведрами они спускались к реке, где, точно золотоискатели, промывали содержимое сквозь мелкие сита, избавляясь от песка и грязи. После первичной обработки намытый материал относили в полевую лабораторию, устроенную в большом автофургоне. Там уже под микроскопом, по чайной ложечке, просматривались килограммы породы, в надежде отыскать в скоплениях мусора зубы и кости динозавров. За всю экспедицию, таким образом, найдено больше сотни образцов — в основном элементы зубов, позвонков, длинных костей скелета и черепов разных доисторических животных.

Раскопки велись на протяжении почти трехсот футов, вдоль поросших скудной растительностью берегов реки Колвилл. В тундре давно наступило лето, но по меркам Гранта, привыкшего к раскопкам в «нижних» штатах, здесь и сейчас царил полярный холод, заставлявший его наряжаться в теплый свитер, штаны с войлочной подкладкой и инуиатские сапоги из шкуры горного барана — теплые и удобные для здешней погоды. Вдобавок в лицо бил холодный ветер, то и дело срывавшийся дождем с мокрым снегом, от которого не защищала и куртка с капюшоном.

Впрочем, сейчас Грант едва замечал мерзкую погоду, полностью поглощенный своим занятием. Он знал, что семьдесят миллионов лет здешние места выглядели более приятно. Там где сейчас протекала река Колвилл в доисторические времена находилось северо-восточное побережье Ларамидии — узкого континента, протянувшегося от Аляски до Мексики. Будущий Северный Ледовитый океан уходил далеко на юг узким заливом, по берегам которого росли широколиственные и хвойные леса. Их зеленью питались травоядные гадрозавры и цератопсы, на которых охотились рыскавшие в окрестных зарослях плотоядные динозавры. Разрозненные фрагменты того исчезнувшего мира Грант и пытался сейчас извлечь из-под земли, чтобы сложить более-менее непротиворечивую картину прошлого.

Увлечшись, Грант ударил чуть сильнее и чуть не свалился, подхватывая очередной земляной ком: наметанный взгляд сразу отметил чужеродные вкрапления. Прижимая к груди драгоценную находку, палеонтолог скатился вниз по склону.

— Дай сюда! — он чуть ли не вырвал сито из рук студента, торопливо опуская в него ком и осторожно разминая его пальцами. Опустив сито в воду, Грант тщательно просеял его, избавляясь от земли и песка. Боясь спугнуть удачу, он жадно вглядывался в находку, молясь, чтобы она не оказалась очередной пустышкой.

Хрупкие, наподобие птичьих, косточки, — обычная находка для Колвилла, берега которого с незапамятных времен служат гнездовьем для сапсанов, кречетов и беркутов. Но эти фрагменты черепа, с искрошившейся челюстной костью, не больше пяти сантиметров в длину и не толще пальца, явно принадлежали не птице. На кости просматривались зубы — ряд маленьких крупинок с характерным наклоном к центру. Грант слишком находил слишком много подобных останков на раскопках в Монтане и Колорадо, чтобы не узнать их сейчас. И, словно подтверждая его догадку, в земляных комьях белели и осколки яичной

скорлупы.

— Наконец-то! — выдохнул Грант.

Одной рукой удерживая сито, он торопливо взбирался по склону. Над берегом реки был раскинут лагерь экспедиции — несколько брезентовых палаток, принятых в обиходе у кочевавших по берегам Конвилла инупиатов, еще полвека назад сменивших тупики — палатки из шкур тюленей и оленей карибу — на более современные жилища. Несколько аборигенов, работавших при экспедиции, присутствовали здесь и сейчас: в парках и сапогах из звериных шкур, окруженные лохматыми маламугами. Отогнав приветствовавших его громким лаем собак и небрежно кивнув инупиатам, палеонтолог почти бежал к стоявшему в центре лагеря автофургону.

— Доктор Грант, — кинулся ему навстречу один из студентов, — вам звонили из Фонда Хаммонда.

— Я им перезвоню, Джимми, — небрежно отмахнулся Алан, ныряя в дверь фургона.

— Что-то случилось? — сидевшая за длинным деревянным столом Элли оторвалась от ванночки с кислотой, предназначенной для растворения почвы, прилипшей к хрупким останкам. Другие косточки, уже очищенные и аккуратно разложенные в керамических блюдечках, занимали весь стол, помеченные ярлычками с надписями. Воздух в фургоне пропитывал резкий запах уксуса.

— Так что случилось? — повторила девушка, — сияешь так, будто выиграл в лотерею.

— В некотором роде, так оно и есть, — сказал Грант, — вот, посмотри, что я тебе принес.

Он торжественно поставил перед ней сито и девушка, едва взглянув в него, изумленно распахнула глаза. Она перевела взгляд на Гранта: тот смотрел на девушку со снисходительной улыбкой триумфатора.

— Ради одного этого стоило отправиться в эту экспедицию, — сказал ученый, — займись очисткой этих костей.

— Сейчас же все сделаю, — заверила Элли, принимая из рук его рук сито и устанавливая его на стол, как-то сумев не задеть ни одну из хрупких находок. Грант невольно засмотрелся за ее уверенными движениями — несмотря на молодость, аспирантка Элли Сэттлер считалась опытным палеонтологом, побывавшим в нескольких экспедициях. В отличие от Гранта она была уроженкой здешних мест, по материнской линии ведя свой род еще от тех русских поселенцев, кто остался в насиженных местах и после продажи Аляски, смешавшись с местными жителями. Родство с последними, впрочем, просматривалось лишь в характерном разрезе глаз да высоких скулах — по мужской линии Элли передались гены шведских поселенцев, от которых Элли получила высокий рост, русые волосы и серые глаза. Более привычная к здешним температурам, она и сейчас была одета лишь в синюю рубаху и обтягивавшие джинсы, выгодно подчеркивавшие широкие бедра. Впрочем, эта деталь ее внешности, могла иметь не только скандинавское, но и русское происхождение — далеко не единственное, что досталось Элли от предков. Ее бабушка еще говорила по-русски, научив языку и внучку. Это неожиданно пригодилось два года назад, когда Элли Сэттлер, студентка пятого курса, вместе с группой американских палеонтологов, отправилась в Россию, приняв участие в палеонтологической экспедиции близ реки Каканаут на Чукотке. Там же девушка стала невольным переводчиком для Алана Гранта. Ее близость с чернобородым палеонтологом, совсем не похожим на кабинетных теоретиков (которых сам Грант язвительно называл «охотниками за динозаврами за чашкой чая») очень скоро вышла за

рамки рабочих отношений. Разница в возрасте — сейчас Алану было сорок шесть, а Элли двадцать четыре, — не мешала им чувствовать себя хорошо вместе, объединенными не только телесной связью, но и искренним интересом к делу, которым они занимались.

Элли быстро и умело промыла осколки скорлупы, очистила кости в ванночках с кислотой и достала их пинцетом, разложив по склянкам. Закончив с этим, она обернулась к Гранту, как раз, чтобы увидеть, как он достает большую бутылку виски, сберегавшуюся в надежде на такой случай. На небольшом шатком столике уже стояла тарелка с немудреной закуской из копченой рыбы и полосками вяленой оленины. Здесь же стояли и большие стаканы со льдом, а также початая бутылка «Колы».

— Садись! — сказал Грант, плюхаясь на продавленный диван, — есть что праздновать.

Он разлил виски по бокалам, добавил колы для Элли и залпом выпил. Элли последовала его примеру: она хорошо знала, сколь важной для Гранта является эта находка. Будучи одним из ярких сторонников концепции «теплокровных динозавров», Алан с некоторых пор возлагал особые надежды на раскопки в полярных краях: именно поэтому, когда Музей природы и науки, где работал Грант, начал сотрудничать с Университетом Аляски, Алан с радостью вызвался вести раскопки в Принс-Крик. Во времена динозавров, конечно, климат здесь был куда теплее, но все же оставался слишком прохладным для крупных существ, не умевших поддерживать постоянную температуру тела. Находки динозавров на берегах Колвилла, вроде как, подтверждали теорию теплокровности, однако оставался непроясненным вопрос — жили ли животные тут постоянно или это были сезонные миграции? Последнего мнения придерживались оппоненты Гранта, с которыми ему не раз доводилось схлестываться в научных диспутах. Подтвердить гипотезу Гранта могли находки в здешних краях детенышей или яиц динозавров. Сегодняшняя находка как раз и доказывала, что как минимум некоторые виды динозавров не просто жили, но и успешно приносили потомство за Полярным кругом. Из чего, в свою очередь, следовало, что эти виды, скорее всего, оставались в высоких широтах круглый год: ведь у них попросту не было времени на то, чтобы дожидаться, пока новорожденные динозаврики подрастут и окрепнут для дальней миграции. А это становилось практически неопровержимым доказательством теплокровности этих созданий.

— Тиранозавр или какой-то родственный вид, — говорил Грант, прихлебывая виски, — пока маловато данных. Так или иначе, находка на редкость удачная. Мы до сих не нашли даже детенышей травоядных динозавров, а ведь их должно было быть намного больше, чем хищников, как и в целом по популяции.

Эллик кивнула, понимая, что Грант имеет в виду. Если судить на основании данных, полученных при изучении популяций разных видов животных в природных заповедниках Африки и Индии, то выходит, что примерно на каждые четыре сотни травоядных животных приходится всего один плотоядный хищник. То есть стадо в десять тысяч утконосых гадрозавров может прокормить всего двадцать пять тиранозавров. Так что вероятность того, что при раскопках им попадутся останки крупного хищного динозавра, не говоря уже об их детенышах, была крайне низкой.

— Теперь ясно, что они размножались здесь, — заметила Элли, — и весьма интенсивно, если мы так быстро нашли этот скелет.

— Полярная ночь уже тогда располагала к размножению, — усмехнулся Грант, с явным намеком посмотрев на Элли. Девушка, уже изрядно захмелев, не стала строить недотрогу — как и тогда, на Чукотке, когда, отмечая с русскими окончание экспедиции, они в итоге

оказались вдвоем в гостиничном номере Гранта. Вот и сейчас, девушка оставила свой стакан, давая Алану привлечь ее к себе и сливаясь с палеонтологом в жарком поцелуе. На миг Элли отстранилась, стянув через голову свитер, и Алан прильнул к ней, целуя полные груди и плоский живот, спускаясь все ниже, наслаждаясь гладкостью кожи. Чтобы облегчить ему задачу, Элли откинулась на спину, пока Грант, приподняв бедра, стягивал штаны. Элли подалась, вперед, накрывая лицо Алана светлыми волосами, издав громкий стон, когда мужчина вошел в нее.

Подобные моменты, не менее чем удачные находки, полностью смиряли Гранта с суровым климатом Аляски и общей спартанской обстановкой.

Алан проснулся от странного звука, доносящегося снаружи. Звук становился все громче, перекрывая ожесточенный лай собак и взволнованные крики. Кто-то ожесточенно заколотил в предусмотрительно закрытую на засов дверь.

— Доктор Грант!

— Я слышу! — крикнул в ответ палеонтолог, вскакивая с дивана и натягивая на себя одежду, — сейчас подойду.

— Что это? — вскинулась Элли, нащупывая на полу разбросанную одежду.

— Вертолет!

Распахнув дверь, Грант убедился в собственной правоте — посреди лагеря стоял большой вертолет, с черно-синей эмблемой «InGen» на дверце. Навстречу Гранту, широко улыбаясь, спешил невысокий старичок, с лицом румяного Санта-Клауса. Рядом с ним, настороженно зыркая по сторонам, шли двое верзил в черных костюмах, с подозрительно оттопыривавшимися лапами.

— Честно говоря, за тридцать тысяч долларов в год можно было найти жилье получше.

Грант почти забыл, каким коротышкой был Джон Хэммонд: заняв единственный в фургоне стул, он не доставал ногами до пола, болтая ими в воздухе. Было в нем что-то детское, несмотря на то, что, как помнил Грант, его возраст перевалил далеко за семьдесят. Морщинистое лицо и седая борода делала Хэммонда похожим на жизнерадостного гнома, однако Грант знал сколь обманчиво это впечатление. «ИнДжин» считалась одной из крупнейших компаний, работающих в области биотехнологий и ее владелец неоднократно разоблачался в СМИ за свои, мягко говоря, неоднозначные методы работы — от ввоза запрещенных технологий в страны Третьего мира до сотрудничества с международным криминалом. Несколько раз Хэммонда пытались привлечь к ответственности разные службы — от Агентства по охране окружающей среды до ЦРУ, — но всякий раз коммерсанту удавалось выходить сухим из воды. Алан Грант не мог определиться с тем как он относится к Хэммонду: с одной стороны палеонтологу, безусловно, импонировала его искренняя увлеченность динозаврами, с другой — претила та бесцеремонность, с которой бизнесмен вмешивался в исследовательский процесс. Чутье подсказывало Гранту, что сегодня будет что-то похожее.

— Все ваши вложения идут на оснащение для наших экспедиций, — возразил Грант, — сами можете убедиться, сколь основательно мы подошли к этому вопросу. Что же до личного комфорта...мы с Элли давно привыкли к спартанской обстановке.

— О, в этом я уверен, — Хэммонд расхохотался как мальчишка, — я уже слышал, как хорошо вы сработались друг с другом.

Он подмигнул Элли и та, слегка покраснев, постаралась как можно непринужденней застегнуть верхние две пуговицы от рубашки.

— Результативность наших исследований вы можете всегда проверить, — продолжал Грант, — достаточно направить запрос в Университет Аляски или Музей природы и науки...

— Грант как вам не стыдно! — Хэммонд протестующее всплеснул руками, — неужели вы думаете, что я вам не доверяю!? Мне прекрасно известно о ваших исследованиях, я несколько не сомневаюсь, что все до последнего цента, что выделил мой Фонд, пойдет на дело. И все же... разве вам бы не хотелось работать с большим комфортом? Особенно, вы, дорогая Элли, — женщины обычно более чувствительны к таким вещам.

— Уверю, вас мистер Хэммонд, — возразила Элли, — меня все устраивает.

— Или комфорт или результат, — пожал плечами Грант, — мы предпочитаем второе.

— Зачем же делать столь неприятный выбор? — рассмеялся Хэммонд, — когда можно прекрасно совместить. Собственно, ради этого я и приехал сюда.

Он сделал перерыв, многозначительно глянув на недопитую бутылку виски и Грант тут же налил Хэммонду полный стакан.

— И себе налейте, — кивнул Хэммонд, — есть повод, не сомневайтесь. Вы знаете, что у меня есть остров? В Индийском океане, к юго-западу от Суматры.

— Нет, я ничего не слышал об этом, — Грант сделал большой глоток, — боюсь, я вообще мало чего знаю о тамошних местах.

— Про этот остров вы могли знать, — Хэммонд залпом выпил и, поморщившись, ухватил с блюда шматок оленины, — одно время о нем много писали в газетах. Его местное название я не помню, но в западном мире он известен как Остров Черепа.

— Да, я читал, — кивнул Грант, — но, насколько мне известно, этот остров является частным владением. Какой-то английский лорд... не помню, как его звали.

— Пенворд, — сказал Хэммонд, — сэр Даррен Пенворд. Его семья владела островом с 1833 года. Этаким кусочек средневековья посреди Индийского океана. Но времена меняются и то, что проходило в 19 веке смотрится не уместно в конце двадцатого. К тому же содержание острова требует немалых вложений, а у Пенворда, как и у многих британских аристократов с деньгами сейчас не густо. Поэтому лет десять назад он и продал мне этот остров за... впрочем, не важно. Я планирую устроить там заповедник. Биологический заповедник, с уникальными видами животных. Джунгли, водопады, пляжи и все такое...

— Все это конечно весьма интересно, — Грант умудрился вклиниться в этот словесный поток, — но я не могу понять, какое это отношение имеет к...

— Собственно, к этому я и подвожу вас, — продолжал Хэммонд, — на нашем острове возникла проблема. Совсем небольшая, чисто технические накладки, но инвесторы обеспокоены. Мой юристконсульт Дональд Дженнаро настаивает на независимой экспертной группе, которая могла бы дать авторитетное суждение.

— Но я не думаю, что мы...

— Вас я тоже хотел бы видеть среди экспертов, — как ни в чем не бывало, продолжал Хэммонд, — уверен, вам у нас понравится.

— Возможно, когда мы закончим здесь работу, то...

— Знаете, что я подумал, — сказал Хэммонд, будто эта идея только что пришла ему в голову, — все это можно организовать в этот уик-энд. Как раз на остров приезжают эксперты: доктор Ян Малькольм, математик из Остина; Сара Хардинг, зоопсихолог из Принстона, одна лондонская журналистка. Вы в этой компании окажетесь как нельзя кстати.

— Благодарю за приглашение, мистер Хэммонд, но, боюсь, это невозможно. Буквально

вчера был найден скелет детеныша тираннозавра и я...

— Всего лишь уик-энд, — продолжал Хэммонд с вызывающей раздражение бодрой старческой настойчивостью, — ну, может еще пару дней. Мне меньше всего хотелось бы отрывать вас от работы, я знаю, насколько она важна, уверяю вас. Но это займет совсем немного времени и к тому же это действительно по вашей части.

— Но я и вправду не могу...

— В компенсацию за полученные неудобства, — продолжал Хэммонд, — я готов пойти вам навстречу. Обычный гонорар консультанта, работающего в выходные, составляет двадцать тысяч долларов в день, но я вам я буду платить по пятьдесят тысяч. За четыре дня вы получите двести тысяч долларов. А если к вам присоединится и ваша очаровательная ассистентка, ее гонорар будет таким же.

Алан переглянулся с Элли и понял, что она сделала те же нехитрые подсчеты, что и он. Названная Хэммондом сумма обеспечит их дальнейшие экспедиции еще лет на пять.

— Что же, — Грант улыбнулся, разливая остатки виски, — после двух месяцев на Аляске, я буду не прочь провести уикэнд в тропиках.

Пенворд-Холл, окрестности Вончестера, Северная Англия

Вновь щелкнул хлыст и пламя факелов дрогнуло от пронесшегося по залу сдавленного стоны. Послышался негромкий смешок и стройная фигура неуловимым движением переместилась вправо, выбирая место для нового удара.

Экзекуция происходила в небольшом зале, умело декорированном под «старину». Нигде не было видно и следа электрического освещения — вместо них зал озаряли ярко горевшие факелы, размещенные на стенах через равные промежутки. Пламя освещало и размещенное на специальных подставках оружие — мечи, шпаги, винтовки, пистолеты. Чуть выше на стенах тянулась череда портретов мужчин, облаченных то в средневековые доспехи, то в костюмы викторианской эпохи. Определенная схожесть в чертах лиц указывала на родство изображенных на портретов.

Это же родство угадывалось и у мужчины, повисшего в дверном проеме на переброшенных через балку цепях. На скованных кандалами руках с каждым ударом кнута вздувались могучие мускулы. Голую спину, бедра и ягодицы покрывали кровотокающие полосы и уже наливавшиеся черным кровоподтеки.

За спиной истязаемого, играя длинным хлыстом, расхаживала молодая женщина. Из одежды она носила лишь высокие, до середины бедра, сапоги, в остальном же она расхаживала голой не стыдясь отлично сложенного тела. Обильный пот блестел на округлых грудях, плоском животе и длинных сильных ногах. Эту женщину сложно было назвать классически красивой: слишком маленький носик, рассыпанные по лицу веснушки и немного искривленные передние зубы. Но сочетание зеленых глаз, чувственного рта, алебастрово-белой кожи и копны золотисто-рыжих волос всегда производили неотразимое впечатление на мужчин.

Впрочем, Даррен Пенворд ценил в Дженни Стемпер не только внешность.

— Вам достаточно, сэр? — Дженни медленно распустила кнут на всю длину, высматривая пока нетронутый участок кожи, — или охота еще?

— Еще!!! — выдохнул сэр Пенворд и в тот же миг хлыст, словно обжигающая болью змея обвился вокруг талии, опоясывая его кроваво-красным обручем. Вновь и вновь кнут жалил его тело, пока Пенворд, выпучив глаза и до боли прокусив губу, изо всех сил сдерживался от крика. Дженни и сама увлеклась этой экзекуцией — зеленые глаза блестели, как у пантеры, зубы скалились в азартной ухмылке. В какой-то момент, она, отшвырнув в сторону кнут, подошла к стоявшему на коленях лорду и, сноровисто расстегнув кандалы, встала перед ним, расставив ноги и пригибая коротко стриженую голову к своей промежности. Пенворд ухватившись руками за гладкие бедра, поднял Дженни в воздух, губами и языком впиваясь в истекавшие влагой розовые лепестки. Удерживая на весу протяжно застонавшую девушку, Пенворд притиснул ее к стене и, опустив ее ниже, наконец, вошел меж обхвативших его талию ног.

Сейчас Даррен Пенворд, уже накинув черный халат с золотыми драконами, сидел в кресле у камина. Это был мужчина шести футов ростом, широкоплечий и сильный. Несмотря на смуглую кожу, он походил на скандинава — по семейной легенде основателем рода был один из вождей викингов. Прищурился серые глаза, Пенворд с удовольствием рассматривал Дженни, которая, так и не удосужившись прикрыть тело одеждой, сидела в

кресле напротив, потягивая красное вино из семейных погребов Пенворд-Холла.

— Надеюсь, ты вызвал меня сюда не только затем, чтобы я еще раз полюбовалась на твое родовое гнездо, — сказала она, — у меня полно дел, а путь до Вончестера неблизок. Все, что произошло сегодня, мы могли бы повторить и в твоём лондонском особняке.

— Разумеется, у меня были причины, — Пенворд недовольно посмотрел на девушку, — причем куда более весомые, чем любые твои дела. То, что я предлагаю, наконец-то сделает тебе имя.

— Имя у меня есть, — огрызнулась Дженни, у которой враз испортилось настроение, — и от этого имени шарахаются все редакторы Лондона.

— От того, что я тебе предлагаю они шарахаться не будут, — заверил Пенворд, допивая виски и вставая с кресла, — одевайся и идем со мной. Я кое-что тебе покажу.

...Обширный загон, в закрытой части зоопарка с трех сторон окружала высокая ограда из стальных прутьев. С четвертой стороны к загону примыкала каменная стена, где зиял черный вход в небольшую пещеру. Напротив нее виднелась небольшая калитка, также сваренная из массивных прутьев. Пол загона покрывал желтый песок, на котором валялись голые кости.

— И что теперь? — девушка подняла недоуменный взгляд на Даррена Пенворда, — зачем ты меня сюда привел?

— Сейчас увидишь, — усмехнулся аристократ и, посмотрев поверх головы Дженни, громко крикнул кому-то, — давай, заводи!

Служащий зоопарка, — коротко стриженный мужчина в белой форме, — подвез к загону тележку, на которой лежал теленок со связанными ногами. Мужчин положил его в небольшой отсек, развязал ноги, закрыл дверцу и нажал на кнопку на стене. Перегородка, отделяющая секцию от клетки, поднялась, и служащий длинной палкой, заостренной на конце, вытолкнул испуганного теленка внутрь загона.

— Ну и ..., - Дженни осеклась на полуслове, когда из норы вдруг раздалось жуткое шипение. В черном зеве пещеры что-то зашевелилось — и Дженни изумленно вскрикнула при виде неспешно выходящего чудовища. Величиной оно не уступало самым большим крокодилам, но крокодилом эта тварь явно не являлась: поджарое тело, покрытое серо-бурыми чешуйками, плоская голова и зубастая пасть, из которой по-змеиному выбрасывался раздвоенный язык. Длинный хвост, в отличие от крокодилов, совершенно лишенный гребня, непрестанно ходил из стороны в сторону. Недвижные глаза рептилии уставились на теленка и внезапно чудовище, с быстротой атакующей змеи, метнулось вперед. Жалобное мычание оборвалось, когда ужасная пасть вцепилась в горло несчастного животного, разом вырвав ему гортань, а вооруженная острыми когтями лапа, выпустила теленку кишки. Вырывая куски кровоточащего мяса и внутренностей, безобразная тварь жадно пожирала телячью тушу. Дженни перевела взгляд на Пенворда — тот смотрел на чудовище с умилением матери, наблюдающей как ест ее ребенок.

— Что это за тварь? — спросила девушка у сэра Пенворда, — это то же чудище, что я уже видела в зоопарке? С этого острова, как его...

— Комодо, — кивнул Пенворд, — нет, это не он. Комодский дракон редко превышает десять футов в длину, а в этом, как ты видишь, по меньшей мере, двадцать.

— Так что же это за чудовище?

— Палеонтологи называют его мегалания, — пожал плечами Пенворд, — еще его именуют наземным крокодилком. Это тоже варан, но он куда больше комодского.

— Палеонтологи?

— Ну да, — кивнул лорд, — считается, что эта ящерица вымерла в Австралии, где она обитала, еще сорок тысяч лет назад.

— И что эта, якобы вымершая, тварь делает здесь?

— Это, — усмехнулся Пенворд, — уже совсем другая история. Давай вернемся в гостиную, и я расскажу тебе о месте, где водятся куда более чудные создания. Поверь, репортаж оттуда прославит тебя на весь мир.

Дженни скептически хмыкнула, стараясь не слишком выдавать внезапно вспыхнувшую надежду. Хотя минуло уже почти двадцать лет с тех пор, как она покинула Африку, девушка до сих пор не чувствовала себя «своей» в Англии. После того, как семью Дженни вырезали боевики ЗАНУ, осиротевшую девочку приютил дядя из Вончестера. Особой теплоты и племяннице он не питал, воспитанием толком не занимался, так что Дженни оказалась предоставлена самой себе. К счастью, у нее открылся талант к журналистике — с шестнадцати лет ее короткие заметки публиковали в «Вончестерских новостях». Первый большой репортаж Дженни сделала как раз из зоопарка Пенворда, где ей удалось взять расширенный комментарий у владельца поместья. Заинтересовавшись юной журналисткой, Пенворд предложил продолжить знакомство в менее официальной обстановке, на что Дженни охотно согласилась, быстро сообразив, что значит дружба со столь влиятельным человеком. Именно связи Пенворда помогли Дженни поступить на факультет политики и экономики в Кембридже. Закончив учебу, девушка около года работала в Лондоне, где и получила первую зарубежную командировку — одно солидное издание отправило ее, как уроженку Африки, в ЮАР, где как раз закончилась эпоха апартеида, что широко освещалось во всем мире.

Вот только репортаж совершенно не устроил редактора. В той среде, куда попала Дженни, принято было писать с придыханием о Нельсоне Манделле, клеймить позором «расистский режим Претории» и в самых радужных тонах описывать будущее Южной Африки. Дженни же, с ранних лет столкнувшись с методами борьбы черных революционеров, писала о том, что видела — и реалии жизни в «освобожденной ЮАР» настолько не совпадали с мнением прогрессивной общественности, что хлесткие, красочные, но совсем не политкорректные репортажи Дженни были приняты в штыки всеми светилами лондонской журналистики. Особенно их возмутило ее интервью с бывшим военным министром ЮАР Магнусом Маланом, заявившим, что принцип «правления большинства» оказался «как минимум преждевременным». Также Дженни разместила интервью и с МангосутуБутелези, главой бантустана Квазулу, резко критиковавшим новые власти. И хотя одновременно Дженни сделала и ряд интервью с деятелями АНК, ее материал все равно подвергся жесточайшей критике. Ее обвиняли в предвзятости, незрелости, зашоренности, чрезмерном радикализме и много в чем еще. В итоге статья была снята с публикации, а самой Дженни пришлось вернуться в Вончестер, где, по старому знакомству ей удалось разместить статью в «Вончестерских новостях». Тогда же она возобновила знакомство и с Дарреном Пенвордом — к тому времени уже разведшимся с молодой женой, не выдержавшей экстравагантных пристрастий супруга. Дженни же они не пугали — даже не потому, что ей стали нравиться эти игры, но и потому, что связи Пенворда помогли ей вернуться в Лондон и время от времени публиковаться в крупных изданиях. Однако уже сложившаяся репутация играла против Дженни, мешая ей продвигаться дальше.

Сейчас же, судя по словам Пенворда, она получала шанс, наконец, осуществить

долгожданный прорыв в своей журналистской карьере.

— Ты, наверное, не знаешь, но у меня есть остров в Индийском океане, — начал Пенворд, снова усаживаясь в кресло у камина.

— У вашей семьи столько всего по всему миру, — пожала плечами Дженни, — неудивительно, что среди этих владений затесался и остров-другой.

— Уже не затесался, — усмехнулся Пенворд, — десять лет назад я продал этот остров американскому миллиардеру, Джону Хэммонду...»ИнДжин», может, слышала?

— Краем уха, — призналась Дженни, — какие-то генетические исследования, верно? Я не особо знакома с этой темой.

— Я, в общем, тоже, — сказал Пенворд, — также как и Хэммонд. Но, когда у тебя много денег, найти знающих людей не проблема. Собственно, так и поступил Хэммонд — у него на острове сейчас работает сильная команда. Результатом их усилий, среди прочего, стал красавчик, которого ты видела внизу.

— Этот Хэммонд что, держит в своей команде доктора Франкенштейна, раз тот помог ему сотворить эдакого монстра?

В нем как раз нет ничего особенного, — сказал Пенворд, — разыскать и извлечь генетический материал мегалании не так уж сложно, также как и с тем, чтобы найти яйцеклетку для оплодотворения — комодский дракон в этом плане идеальный вариант. Но на Острове Черепа есть куда более интересные существа.

— Более интересных, чем ящерица в двадцать футов? — с сомнением спросила Дженни.

Пенворд коротко объяснил. Ошарашенная Дженни уставилась на него, не в силах поверить в сказанное и в то же время осознавая, что если это правда, то это действительно станет лучшим репортажем в любой журналистской карьере.

— Я сам узнал почти случайно, — продолжал Пенворд, — этот остров многим снабжается из Индонезии, а у меня хватает знакомых в Джакарте. Хэммонд ничего не отрицал, но старался преуменьшить масштаб своей работы. Я сделал вид, что поверил ему, а он подарил мне мегаланию, решив, что этого будет достаточно, чтобы откупиться.

— Ради чего ему вообще оправдываться? — спросила Дженни, — если остров теперь его?

— Все не так просто, — сказал Пенворд, — в нашем договоре есть пункты, что, в случае какого-нибудь форс-мажора, сделка аннулируется — и остров вернется ко мне.

— Вместе со всем, что Хэммонд вывел? — подхватила Дженни.

— Вероятнее всего, — пожал плечами Пенворд, — в любом случае, я не больше могу ему доверять. Сейчас ему не очень хорошо — азиатский финансовый кризис здорово спутал планы его инвесторов, а также поставил под угрозу связи Острова с Индонезией. Хэммонд думает, что огласка ему поможет — поэтому он зовет экспертов и даже СМИ — хочет, чтобы они как следует расхвалили его проект. Это поможет ему привлечь новых инвесторов и успокоить старых, ну и вообще привлечет внимание, — Пенворд поморщился, — Хэммонд, прежде всего шоумен, и норовит из всего сделать цирк.

— А я...

— Ты напишешь статью об Острове, — кивнул Пенворд, — но это не будет не хвалебный, а критический очерк, как ты умеешь. Поводов для критики там будет более чем достаточно. У Хэммонда хватает недоброжелателей по всему миру и некоторые из них — мои хорошие знакомые. Если сумеем грамотно все разыграть — Хэммонд в конце концов сам сочтет за благо вернуть мне Остров Черепа.

— И как я на него попаду? — скептически спросила Дженни.

— Здесь проблем не будет, — усмехнулся Пенворд, — ты отправишься с Диего-Гарсии — у меня есть знакомые среди тамошних военных. Вместе с тобой отправится и Сара Хардинг, зоопсихолог. Уж о ней ты должна была слышать.

— Та чокнутая зоозащитница? — поморщилась Дженни, — и еще одна радетельница за права угнетенных?

— Идеальное прикрытие, — сказал Пенворд, — Хэммонд надеется заткнуть ей рот деньгами, но не понимает, что для Сары нет большего оскорбления, чем попытка ее купить. А то, что Хэммонд хочет использовать столь уникальных животных для наживы взбесило ее еще больше. И она сможет поднять шум вокруг этой истории не хуже тебя.

— В чем ее интерес мне понятно, — сказала Дженни, — а что насчет меня?

— Ты напишешь репортаж века, получишь гонорар в пятьдесят тысяч фунтов, а кроме того, — Пенворд прищурился, — я куплю тебе свое СМИ — газету или даже телестудию. Уж там точно никто не заткнет тебе рот.

Сказать по правде, Дженни с самого начала собиралась ехать и торговалась, по сути, продолжая, по сути все ту же игру, что и за все время пребывания в Пенворд-Холле. Сам Пенворд сильнобы разочаровался, если она согласилась сразу.

— Совсем другое дело, — кивнула Дженни, — такого репортажа мир еще не видел.

— Нисколько в этом не сомневаюсь, — улыбнулся Пенворд.

Индийский океан, безымянный риф

Это была большая базальтовая скала, поросшая водорослями и кораллами. Встречные течения завихряясь вокруг выступавших из воды зубьев, одновременно служили и благоприятной средой для огромного количества морских обитателей. Крабы и мелкая рыба кормились меж коралловых полипов, их самих ели рыбы побольше, а на вершине здешней пищевой цепочки находились всевозможные акулы и меч-рыбы, изящные и смертоносные, словно серебристые рапиры. В воздухе огромными стаями кружили чайки и альбатросы: обезумев от жадности и пронзительно крича, они ныряли и ныряли за добычей, не в силах остановиться перед рыбным изобилием.

Эти места могли бы стать настоящей Меккой для рыболовов-спортсменов всего мира подобно окрестностям Большого Барьерного Рифа или подветренной стороны Новой Шотландии. Однако удаленность от морских путей и мало-мальски значимых центров цивилизации, мешала рифу стать по-настоящему популярным местом у любителей рыбалки. Прибывший же сюда корабль, хоть и был оснащен всеми необходимыми принадлежностями, изначально предназначался вовсе не для рыбной ловли. В сорока футах от рифа стояло судно, словно сошедшее с хроник полувековой давности: десантный катер, подобный тем, на которых американцы и англичане воевали на Тихом океане. Позже некоторые из этих судов продали Индонезийской Республике. Один из таких катеров, списанных по старости, достался Даррену Пенворду, а от него — Джону Хэммонду. Командовал катером, с жутковатым названием «Орка», отставной капитан Куинт Хупер, которому подчинялось еще десяток моряков — тоже из бывших военных. Сам Куинт подчинялся крепкому черноволосому мужчине, лет тридцати, одетому лишь в камуфляжные штаны да поношенные кроссовки.

Шон Кортни стоял на носу судна, напряженно вглядываясь в прозрачную синюю глубину. Перед его глазами проносились самые разные рыбы — от серебристых скумбрий до огромных голубых тунцов. С сожалением покачав головой, — какая рыбалка пропадает — Шон, не оборачиваясь, скомандовал.

— Бросайте приманку!

Двое мужчин сдернули брезент, под которым лежала окровавленная туша свиньи. Шон полоснул ее ножом по животу, поддел под ребра большой крюк, крепившийся к длинному тросу, и швырнул тушу за борт. Позволив свинье отплыть футов на двадцать, Кортни наступил ногой на веревку, после чего взял оружие — армейскую винтовку, с привинченным глушителем и сделанный по заказу гранатомет, напоминающий длинную серую трубу. Поставив их рядом со стоявшим у борта небольшим ящиком, Кортни вновь уставился на воду, где от медленно тонувшей туши расплывалось кровавое пятно.

— Думаешь, эта тварь здесь? — спросил Куинт. Шон кивнул.

— Ему нужно что-то жрать, — сказал он, — представь, сколько мяса поглощает такая махина. У берега неуютно: шумно, грязно и меньше добычи. Здесь же — словно накрытый стол.

— Но почему ты решил, что он явится именно сегодня?

— Охотничье чутье, — усмехнулся Шон, — в Африке оно еще ни разу меня не подводило. Как следом за львом крадутся шакалы, так и здесь за крупным хищником, всегда

идут мелкие падалышки.

Словно в подтверждение его слов у борта появилась голубая акула — опасная и изящная рыба, около восьми футов длиной, кружила вокруг свиньи, словно примериваясь. Кортни вскинул винтовку и послал ей несколько пуль в голову. Акула, вздрогнула и замерла, ковыляюще подергивая хвостом.

— Кто-нибудь, дайте багор, — крикнул Кортни и, когда один из моряков сунул ему требуемое орудие, мужчина свесился с борта, цепляя оглушенную рыбину и подтаскивая ее поближе. Сорвав с пояса нож, Кортни молниеносным движением распорол акуле брюхо. Рыбьи потроха вывалились в воду, расплываясь кроваво-красным облаком, и акула, словно придя в себя, заметалась, хватая каждый кусок, проплывавший мимо пасти. Она жадно глотала собственные внутренности, не замечая, что они снова вываливались из распоротого брюха. Спустя миг рядом с выпотрошенной рыбиной появилась другая — на этот раз коричневая, не более четырех футов длиной. Она вцепилась в бок выпотрошенной жертвы, трясая головой и пытаясь оторвать кусок. Вскоре появилась другая акула, потом еще и еще. Некоторые рыбы пытались терзать свиную тушу — Шон выстрелил в них несколько раз и на раненных акул кинулись их собратья. Вскоре вода превратилась в клокочущий кровью котел, в котором, мелькали остроконечные плавники, бьющие по воде хвосты и оскаленные пасти.

Внезапно судно качнуло с такой силой, что Кортни едва удержался, ухватившись за поручень. Акулы кинулись наутек, преследуемые возносящейся из глубины исполинской, совершенно невообразимой тенью.

— Это он! — рявкнул Кортни, — все по местам!

Присев на корточки, он распахнул ящик, в котором обнаружили четыре цилиндра с литровую молочную бутылку. Шон достал из кармана упаковку со здоровенными иглами, прикрутил одну из них к цилиндру и засунул его в «трубу». Приложил гранатомет к плечу и выдвинул телескопический прицел. В следующий миг беловатое облачко вылетело из ружья, и шприц — ракета, заряженный снотворным «МОРО-709», мелькнул в воздухе, вонзившись в выступивший из воды чешуйчатый бок.

— Есть! — крикнул Шон.

Водяной столб, окрашенный красным, взметнулся из воды — а вслед за ним вознеслась длинная шея с похожей на змеиную головой. Глаза чудовища были размером с бильярдный шар, острые зубы походили на кинжалы. Вода серебряными каскадами стекала по покрытому серо-зеленой чешуей телу. Зубастая пасть исторгла оглушительное шипение и огромная тварь устремилась на катер.

Шон спешно перезарядил гранатомет, но прежде чем он успел выстрелить, чудовище нырнуло под воду. Испуганные моряки заозирались, когда страшный удар сотряс корпус. «Только бы не пробоина» — мелькнуло в голове у Шона. Один из моряков, не удержавшись, упал за борт и тут же, с ужасающим криком, вновь вознесся над судном вместе с казавшейся бесконечной шеей. Поперек туловища человека удерживала пасть морского чудовища. Острые зубы разом перекусили тело и тварь, подбросив вверх хлыщущие кровью останки, быстро заглотала их, раздувая горло, словно огромная змея. В тот же миг Шон послал монстра второй снаряд, вонзившийся у основания длинной шеи. Тварь издала жуткое шипение и, цепляясь лапами за борт, запрыгнула в опасно накренившийся катер. Еще один мужчина, оказавшийся недостаточно проворным, оказался раздавлен колоссальной тушей, пока тварь, щелкая пастью, пыталась ухватить разбежавшихся мужчин. Грохнул выстрел, другой — и тварь, вскинув голову, вновь зашипела, на этот раз уже от боли.

— Не стрелять!!! — заорал Кортни, лихорадочно привинчивая на третий цилиндр новый колпачок с иглой. Тварь, судя по всему, осознала, кто ее главный обидчик — с быстротой змеи ударила огромная голова, отбросив Шона к борту. Его затылок ударился о металл, перед глазами поплыли разноцветные круги, сквозь которые охотник с трудом различил распахнувшуюся перед ним пасть, нереально огромную, словно в кошмарном сне. В лицо пахло омерзительным смрадом и эта вонь привела Шона в сознание. За миг до того, как острые зубы сомкнулись бы на нем, Шон спустил курок — и уже третий шприц вонзился в десну исполинского ящера. Тройной дозы оказалось слишком много даже для столь огромной твари: остекленевшие глаза подернулись полупрозрачной пленкой, огромная пасть захлопнулась и чудовище отрубилось прямо на палубе. Шон выпрямился, угрюмо созерцая свой трофей. Из-под распластанных по палубе исполинских лап, пачкая кроссовки Кортни, растекалась лужа крови от раздавленного моряка.

— Чтобы тебя черти взяли, Джон Хэммонд! — проворчал Шон и, повернувшись к остальным, громко крикнул, — эй, чтобы вас там! Тащите сюда троссы и помогите поднять эту тварь на борт. Да пошевеливайтесь — нужно успеть на остров до темноты.

Перелет

Спустя два дня после визита Хэммонда, Алан Грант и Элли Сэтлер также засобирались в дорогу. Присланный «ИнДжин» вертолет перевез их в Джуно, на аэропорте которого их уже ждал сияющий глянец самолет марки «Грумман». Рассевшись по креслам, Элли быстро задремала, а Грант, от нечего делать, принялся листать присланные Хэммондом документы». Сначала палеонтолог рассмотрел топографическую карту острова, напоминавшего неправильный четырехугольник. Левый нижний «угол» представлял собой длинный узкий полуостров, отделенный от остальной суши двумя изогнутыми волнистыми линиями, надо полагать, схематично изображавшими некую преграду. Весь полуостров густо усеивали темные квадраты и прямоугольники, судя по всему, изображавшие какие-то постройки. Между ними проходила длинная линия, похожая на дорогу. Она выходила за пределы загадочной преграды и, прижимаясь к западному берегу острова, шла на север, оканчиваясь возле расположенной в северо-западной части острова горы, помеченной изображением черепа. Здесь же приводились и врезки, где крупным планом давались разнообразные строения: так у западного склона, ближе к побережью, Грант опознал очертания бассейнов и круглые закорючки, обозначающие зеленые насаждения. Все это было обнесено высокими заграждениями, отделявшими курорт от остального острова.

С севера к горе примыкало большое озеро, несколько заливов, которого огораживало что-то вроде дамб. Из озера вытекала река: она текла на восток, пока не упиралась в расположенный в центре острова скальный массив. Здесь тоже синело некое пятно — не то еще одно озеро, не то водохранилище. Из него река поворачивала на юг, пока не впадала в океан неподалеку от юго-западного полуострова. По правому берегу реки также тянулась ограда, помеченная значками с изображением маленькой молнии. Грант долго не мог понять, что это означает, пока не понял, что по ограде пропущен электрический ток. Интересно, что пространство за оградой было помечено менее детально — в основном зеленый фон, с редкими коричневыми пятнами, тут и там пронизанный синими ниточками. Грант сообразил, что там простирается «дикая природа» — леса и редкие горы, с небольшими речками. Впрочем, имелись там и зеленые прямоугольники, судя по всему, обозначающие возделанные поля.

Самое интересное находилось внутри пространства между рекой и западным побережьем. Эта часть острова была разделена на большие неровные участки, отделенные друг от друга сетью дорог и помеченные непонятными шифрами из серии букв и цифр. Всего таких участков было десять. Между их границами и дорогами пролегли забетонированные рвы, с внешней части каждого из которых имелась ограда помеченная значком с молнией. Сами дороги при этом приподнимались над общим уровнем, что давало возможность видеть, что делается за оградой. Тут и там виднелись некие постройки — бетонные, с толстыми стенами. На проекции сбоку они были похожи на бункеры с маленькими окошками — вроде дотов нацистов в старых фильмах о войне. Подобные же укрепления виднелись и вдоль реки и в скальном массиве в центре острова.

Грант поломал голову над увиденным, но, так и не придя к какому-то выводу, перешел к другим документам. Ими оказались справки — географические и исторические. Так, например, еще одна карта показывала нахождение острова в Индийском океане: посередине между Суматрой и архипелагом Чагос, но значительно южнее обоих. Судя по приведенным

на карте цифрам, площадь острова была около 715 квадратных километров. О внутренней географии острова Грант уже имел некоторое представление, поэтому он сразу перешел к исторической справке.

Первым европейцем, посетившим остров, был Фрэнсис Кортни, английский капер, в 1666 отнесенный в эти края штормом. Первое, что он увидел посреди моря, была исполинская гора, что в частых на острове туманах и впрямь походила на череп. Высадившись чтобы набрать воды и разжиться какой-нибудь провизией, Кортни обнаружил на острове племя чернокожих, необычайно высокого роста. Это Кортни отмечал особо, указывая, что что эти аборигены «наверное самые высокие люди в сотворенном Богом мире». Также он отметил необычайно густой волосяной покров дикарей и их уродливые лица.

Дикари оказались не только высокими, но и на редкость агрессивными, так что после ожесточенной стычки, Кортни счел за благо покинуть остров. Все что он успел сделать — это набрать воды и составить описание. Среди прочего, он отметил странное сооружение, перерезающее юго-западный полуостров — высокая стена, сложенная из массивных базальтовых блоков, плотно пригнанных друг к другу. По мнению Кортни, встреченные им островитяне никак не могли возвести ничего подобного.

Несколько раз еще сюда навевывались корабли разных держав, но из-за удаленности острова и жестокости его жителей, никто так и не сумел укрепиться на нем. Несколько европейских моряков, попавших в плен, были жестоко убиты и съедены, что выяснилось при попытке выволить пленников. Европейцы не оставались в долгу: сжигая деревни, они спешно убивали всех, кто попадался под руку, и спешно покидали зловещий остров.

В 1823 году на остров явился сэр Ричард Пенворд, барон Вончестера. Ветеран наполеоновских и колониальных войн, он собрал настоящую армию из отборных головорезов со всей Европы. Именно они, вторгшись на остров, после пяти лет ожесточенной войны, сломили сопротивление черных великанов, истребив три четверти населения. Остатки свирепого племени были выселены на острова Чагос, где они и смешались с завезенными туда ранее черными рабами. На самом же острове на основанных Пенвордом плантациях кокосов и сахарного тростника с тех пор работали выходцы из Индии. В 1864 году рабство на острове отменили, но в целом для индийских рабочих ничего не изменилось: ими, словно феодальные владыки, правили потомки Ричарда Пенворда. Так продолжалось до 1941 года, когда азиаты восстали, в надежде на японское вторжение. Пенворд, заручившись поддержкой британского командования, опасавшегося наихудшего развития событий, депортировал всех своих работников в Индию. Назад они уже не вернулись, пожелав остаться на исторической родине, и Джозеф Пенворд, лишившись почти всех рабочих рук, решил устроить на Острове Черепа заповедник для остатков эндемичной фауны. Впрочем, из-за финансовых трудностей он вскоре забросил эту затею, а его наследник Даррен Пенворд продал остров Джону Хэммонду. О том же, что здесь происходило дальше, ничего не говорилось.

Рядом с Грантом заворочалась, просыпаясь, Элли и он, наконец, оторвавшись от бумаг, выглянул в иллюминатор. Самолет шел на посадку в аэропорту Шото в Монтане. Когда же самолет сел в него вошел Джон Хэммонд вместе с коренастым мужчиной лет тридцати пяти в костюме от Армани и очках в металлической оправе.

— Дональд Дженнаро, мой юристконсульт, — представил его Хэммонд, — впрочем, вы, кажется, уже знакомы?

— Только по телефону, — усмехнулся Грант, пожимая руку юристу. При виде Элли Дженнаро заметно оживился:

— А вы, оказывается, женщина.

— Такое случается, — сухо ответила Элли. Хэммонд повернулся к Дженнаро:

— Вы, конечно, знаете, чем занимаются доктор Грант и доктор Сэттлер. Они палеонтологи. Они выкапывают динозавров. — И он захохотал, видимо, найдя в этом что-то смешное.

— Прошу вас занять свои места, — сказала стюардесса, закрывая дверь.

Самолет сразу же тронулся с места. Хэммонд сообщил, что через четыре часа они будут в Далласе, где самолет дозаправится, а оттуда они полетят на Гавайи, где им потребуется забрать еще кого-то, потом в Сингапур, а оттуда — прямо на Остров Черепа.

— А сколько времени мы пробудем на острове? — спросил Грант.

— Это зависит от многих обстоятельств, — пожал плечами Дженнаро.

— Этот ваш остров, — спросил Грант, — это какая-то тайна?

— В некотором роде, — ответил Хэммонд. — Мы старались, чтобы никто о нем не узнал до того дня, когда он предстанет перед восхищенной публикой.

Сильные и независимые

С небес послышался рев моторов и транспортный самолет королевских ВВС, вынырнув из-за туч, опустился на взлетную полосу. С обеих сторон от нее стояли ангары — местами занятые другими самолетами, местами пустовавшие, — а также иные строения, весь вид которых выдавал их военное предназначение. Над стоявшим чуть наособицу двухэтажным зданием реяли американский и британский флаги.

Дженни, одетая в узкие джинсы, легкую куртку и ботинки на высокой шнуровке, обернулась к пилоту.

— Благодарю за полет командер.

Летчик козырнул двумя пальцами в ответ, после чего Дженни, подхватив с полу переносную видеокамеру, вышла из самолета. На взлетной полосе народу почти не имелось — сейчас на базе было что-то вроде пересменки. Это полностью устраивало девушку: Пенворд, договорившись со своими знакомыми среди военных, устроил этот перелет, но предупредил, что журналистку не должны видеть многие. Аристократ также заверил, что Дженни встретит надежный человек.

Самолет уже заруливал в ангар и Дженни осталась одна. Впрочем, нет: оглянувшись по сторонам, она заметила у взлетной полосы армейский джип. У открытой двери стоял молодой человек в форме, махавший рукой девушке.

— Мисс Стемпер? — спросил он, когда Дженни подошла.

— Она самая, — кивнула девушка.

— Лейтенант Джеффри Лайонс. Мне поручено сопроводить вас к восточному причалу. Надо поспешить, если мы хотим успеть до темноты.

Дженни посмотрела в небо — солнце уже клонилось к закату.

— Пожалуй, вы правы, — она мило улыбнулась лейтенанту, тут же залившемуся румянцем. На пальце не было обручального кольца — интересно, как часто они видят здесь женщин?

Заурчал мотор и джип, проехав мимо многочисленных ангаров, выехал за ворота. За ними открылся лес из кокосовых пальм и каких-то незнакомых Дженни растений. Сквозь них пролегла прямая, как стрела, заасфальтированная дорога.

— Раньше здесь были плантации, — пояснил Лайонс, — до тех пор пока...

Он промолчал, но Дженни и так знала, что он хотел сказать. Раньше здесь были плантации и на них работали чернокожие рабы, — как из Африки, так и с того самого острова, на который она направлялась. Когда, в разгар Холодной войны, острова понадобились англичанам и американцам под военную базу, местных просто выселили с архипелага, предоставив им на выбор Сейшельские острова или Маврикий. Последний, кстати, до сих пор претендовал на архипелаг Чагос, неоднократно поднимая этот вопрос в ООН. При этом представитель островного государства особенно упирал на тяжкую долю изгнанников, чуть ли не в одночасье лишившихся собственного дома. Но Великобритания, которой по-прежнему принадлежал архипелаг Чагос, заручившись поддержкой США, раз за разом отклоняла эти претензии.

— Говорят, что теперь эти бедолаги могут вернуться на свой остров, — говорил Лайонс, — вы ведь за этим туда едете? Чтобы написать в газете?

— Именно, — кивнула Дженни, — новый хозяин Острова Черепа, сказал, что

рассмотрит возможность возвращения его жителей на историческую родину.

— Это правильно, — довольно кивнул лейтенант, — их дом там, а не здесь.

Дженни не стала спорить, хотя и не была уверена, что островитяне и вправду считают Остров Черепа своим домом. Слишком много времени прошло после их изгнания, слишком много мест жительства они сменили, чтобы крепко ассоциировать себя с каким-то определенным местом. Девушка, конечно, понимала, зачем Хэммонд поднял эту тему — представляя себя радетелем за возвращение островитян, он мог заручиться поддержкой либеральной прессы со всего мира, а заодно и обзавестись новыми аргументами против поползновений Индонезии или Австралии. Единственное, что оставалось неясным: как такая филантропия согласуется с проектами самого Хэммонда. Впрочем, именно это Дженни и собиралась узнать на месте.

Дорога шла по атоллу, то, примыкая вплотную к лагуне, то углубляясь в заросли пальм. Остров напоминал неправильной формы подкову: на одной ее части находилось большинство военных строений, а на другой — цель Дженни.

Восточная часть острова выглядела менее населенной — и более заросшей лесом. Уже смеркалось, когда джип, наконец, выехал на открытое место — узкая полоска пляжа, покрытая ослепительно белым песком. На него, с ленивым шумом набегали волны Индийского океана. У самого берега покачивалась моторная лодка, в которой сидели трое человек. На двоих, — рослых чернокожих мужчин, — Дженни почти не обратила внимания, зато третья заслуживала куда большего интереса: стройная мускулистая женщина, лет тридцати, с коротко стриженными черными волосами. Из одежды она носила лишь обтягивавшую футболку, подчеркивавшую ее полную грудь, и джинсовые шорты, обрезанные чуть выше колен.

Темные глаза испытующе взглянули на Дженни.

— Мисс Стемпер? — спросила она и, дождавшись кивка, продолжила, — я Сара Хардинг. Садитесь в лодку — мы должны успеть на катер до темноты.

Дженни уселась в лодку и та, взревев мотором, начала лавировать между рифов.

— Счастливого пути! — крикнул вслед лейтенант Лаойнс, садясь в джип. Дженни помахала ему на прощание и повернулась к морю. Впереди уже маячила темная масса, мерцавшая редкими огоньками. Вскоре она обернулась большим катером, с борта которого кто-то уже сбросил лестницу. Лодка ткнулась в борт судна и свесившийся сверху высокий парень, с кожей цвета эбенового дерева, помог женщинам подняться.

— К сожалению, тут только одна каюта, — сказала Сара, — если вас не смущает, что мы будем жить вдвоем.

— Несколько, — мотнула головой Дженни, — главное чтобы было, где прилечь — я несколько утомилась с дороги.

— Идите за мной, — кивнула Хардинг.

На палубе находилось еще с десятков мужчин — Дженни заметила пару людей относительно европейского облика, тогда как остальные были сплошь чернокожими, похожими на тех, кого она видела в лодке. Все они, несмотря на явную африканскую примесь, имели черты и какой-то иной расы — по все видимости тех самых аборигенов Острова Черепа. Их отличал небывало высокий рост, густые волосы по всему телу и звероподобные черты лиц. Смутные, тревожные воспоминания зароились в голове Дженни, но оформиться во что-то более определенное они не успели — Сара уже заводила ее в небольшую каюту с одним иллюминатором. Обстановка выглядела довольно скромно —

одна кровать; небольшой стол; полка с книгами. На столе стояла бутылка с виски и несколько стаканов, меж которых лежали бинокль и кольт.

— Чувствуй себя как дома, — сказала Сара, разливая виски по стаканам, — будешь?

Она протянула стакан Дженни и та, поморщившись, залпом опрокинула.

— Кровать, к сожалению, только одна, — сказала Сара, — но я выпалась днем. Располагайся, а я побуду на палубе.

— Долго до острова? — спросила Дженни. Сара пожала плечами.

— Если идти всю ночь, наверное, к утру будем.

Дженни припомнила все, что она знает о своей попутчице. Сара Хардинг считалась видным специалистом в области зоопсихологии: начав студенткой Чикагского университета на государственном обеспечении, сейчас, в тридцать три года, она уже числилась профессором Принстона. Работала она в основном в Африке, в полевых условиях, изучая львов и гиен. О ее выносливости ходили легенды: однажды ее «лендровер» сломался, и Сара прошла в одиночку двадцать миль через саванну, отгоняя львов камнями. Не все ее выводы принимались в научном мире: так одна из ее работ о гиенах была раскритикована за «перенос феминистических воззрений в природный мир». За это же она стала любимицей либеральной прессы — Дженни читала несколько восторженных статей, причем одна была написана обозревателем «Гардиан», сделавшим репортаж прямо с места работы Сары Хардинг в кенийской саванне. Дженни также знала, что в последнее время Сара отошла от одной зоозащиты, расширив свою деятельность и на освещение разных проблем африканских стран.

— Странно, что у вас общего с Пенвордом? — вырвалось у Дженни.

— А что не так? — спросила Хардинг, доставая из пачки сигарету и черкая зажигалкой. Комнату наполнил резкий запах курева.

— Вы слишком уж из разных миров.

— Это ты о том, что я левая? — непринужденно спросила Сара, пуская кольца дыма в открытый иллюминатор, — мы действительно на многие вещи смотрим по-разному, но я не могу не признать заслуги Даррена Пенворда в деле охраны природы.

— Да, я писала о его Фонде Африки.

— А я читала тебя, — рассмеялась Сара, — и не только об охране природы. Твой репортаж — лучшее, что когда-либо читала о Южной Африке.

— Вот уж не думала, что тебе понравится, — усмехнулась Дженни

— Я не согласна с твоей оценкой того, что там происходит, — пожала плечами Сара Хардинг, — но мне нравятся те, кто плывет против течения. И ты, по крайней мере, была в гуще событий — в отличие от этих либеральных слизняков, предпочитающих восхищаться борцами за свободу из безопасного Лондона.

— В гуще это точно, — помрачнела Дженни, вспомнив детство, — в самой трясине.

Сара испытующе посмотрела на нее, словно ожидая продолжения, но не так и не дождавшись, продолжила сама.

— Как бы то ни было, сейчас мы на одной стороне, — сказала она, — мне не нравится та гнусь, что затеял Хэммонд. Его подачи не нужны ни мне, ни народу Острова — его настоящее название, кстати, Тангорак. Пенворд пообещал, что когда остров вернется к нему, он разрешит его жителям вернуться и даже даст провозгласить независимость — при сохранении всей своей собственности, разумеется. Конечно, народу Острова эта собственность пригодилась бы куда больше, но собственная государственность все равно

лучше, чем участь услуги при очередной афере Хэммонда.

Дженни не особо верила в благородные мотивы Пенворда, но, в конце концов, у него могли быть и иные резоны для подобного решения.

— Может, хочешь принять душ? — внезапно сменила тему Сара, — вон там.

Она кивнула в сторону небольшой двери и Дженни, подумав, кивнула. Зайдя в душевую, она увидела лейку, а на стене два крана — удивительно, но здесь имелась даже горячая вода. На скользкой полке лежал кусок мыла и потрепанная губка. Быстро скинув одежду, Дженни включила воду и начала намыливаться, мурлыча под нос «Rhodesians never die», думая о том, что ей предстоит впереди. Пока вроде все складывалось неплохо...

Позади хлопнула дверь и, обернувшись, Дженни увидела Сару, держащую в руках полотенце. Темные глаза беззастенчиво оглядели обнаженную Дженни.

— Я подумала, может понадобится, — сказала она, протягивая полотенце. Дженни заметила, что она не смотрит ей в глаза.

— Спасибо, — сказала она, беря полотенце, — я уже скоро.

Она чуть ли силой не вытолкнула Сару — той явно не хотелось выходить из душевой. Ее голодный взгляд не оставлял сомнений в ее намерениях — также как и в сексуальной ориентации. Дженни криво усмехнулась: ну, а что еще ожидать от дамочки с подобными убеждениями?

Когда журналистка вернулась в каюту, Сары в ней не было — зато койку уже расстелили. В иное время Дженни бы поостереглась засыпать с такой соседкой, но ей так хотелось спать. Опрокинув еще стакан виски, она завалилась в койку и сразу заснула.

Проснувшись же она, почувствовав рядом горячее обнаженное тело.

— Что...Сара?

— Это виски сморило и меня, — слышался вкрадчивый шепот над ухом, — так неудобно. Ты же не возражаешь, если мы разделим одну кровать на двоих?

— Нет, но... — ошарашенная Дженни замолчала, когда нахальная ладонь по-хозяйски прошла по ее груди и опустилась на живот. С губ Дженни уже готовы были сорваться слова протеста, когда ей вдруг заткнули рот поцелуем. Тут же рука Сары скользнула ей между ног, умело массируя лоно. У Дженни был небольшой опыт лесбийской связи, к тому же, после встречи в замке Пенворда, у нее ни с кем не было секса, а Сара действовала хоть и напористо, но совсем не грубо, даже нежно. Давало о себе знать и выпитое виски. Выгибаясь всем телом, Дженни отвечала на жадные поцелуи, одновременно раздвигая ноги, чтобы облегчить доступ бесцеремонным пальцам. Сара принялась целовать ее груди, спустилась к животу, потом еще ниже. Умелый язык скользнул в увлажнившуюся щель Дженни и та, издав громкий сон, запустила пальцы в жесткие волосы, стискивая бедрами голову неожиданной любовницы.

Понять хаос (Малькольм)

В Далласе на борт самолета взошел высокий худой человек.

— О, доктор Малкольм, — Хэммонд, не без труда изобразил улыбку.

— Привет, Джон, — усмехнулся Малкольм, — да, твой вечный оппонент снова с тобой.

Со словами «Ян Малкольм, математик», он представился остальным. Алан знал это имя и раньше: Малкольм был самым ярким представителем плеяды молодых математиков, открыто заявивших, что их интересует «истинное устройство мира». Все эти ученые работали с нелинейными уравнениями в той области математики, что носила пафосное название «теория хаоса». Все они подчеркивали свое отличие от коллег более старшего поколения, по мнению Малькольма и его единомышленников, погрязших в отвлеченных понятиях, вместо того, чтобы оперировать явлениями реального мира. Свой разрыв с прошлым математической науки, они подчеркивали нарочито экстравагантной манерой одеваться и говорить, ведя себя словно звезды рока. Малькольм был характерным представителем этой когорты: с длинными черными волосами, да и одетый во все черное — черная рубашка, брюки, черные носки и ботинки.

— Не жарковато ли вам в черном? — обратилась к нему Элли.

Сама девушка к тому времени переделалась в джинсовые шорты и белую блузку.

— У вас отличные ноги мисс, — последовал ответ. — я готов любоваться ими все время нашего полета. Но при этом вынужден возразить: мой наряд куда лучше вашего подходит для этой погоды. Вспомните об излучении абсолютно черного тела: черный — наилучший цвет для жары. Поэтому я ношу только два цвета: черный и серый. Эти цвета годятся на все случаи жизни и они хорошо сочетаются друг с другом, поэтому не страшно по ошибке надеть серые носки с черными брюками.

— Но вам не кажется скучным носить только два цвета?

— Я считаю, что это освобождает, — пожал плечами Малкольм, — не хочу все время думать, что я надена утром. Что может быть скучнее моды? Разве только профессиональный спорт. Пара десятков взрослых мужчин, пинающих набитый воздухом кожаный шар, пока остальная часть человечества платит за то, чтобы им похлопать.

— Доктор Малкольм, — пояснил Хэммонд, — человек твердых принципов.

— И немного не в себе, — бодро добавил Малкольм. — Но в мире ужасных данностей, где мы имеем несчастье проживать, по-другому не получается. К сожалению, об этих данностях никто не думает. Прискорбно, но факт: в обществе информации никто не думает. Мы хотели избавиться от бумаги, а получилось, что мы избавились от мысли. Следствием чего, в частности, и стало появление этого острова.

— О, Ян, не начинай, — поморщился Хэммонд.

— Мне бы не хотелось нагнетать панику, — сказал Малкольм. — но у вас действительно серьезные проблемы.

— У нас нет проблем, — быстро ответил Хэммонд.

— Я всегда говорил, что этот остров неперспективен, — Малкольм потянулся за своим портфелем из кожи. — И сейчас, я полагаю, вы все знаете, каков будет неизбежный результат. Вам придется все это прикрыть.

— Прикрыть! — в гневе Хэммонд встал. — Ну, это просто смешно!

Малкольм пожал плечами.

— Я привез копии моего отчета, — сказал он. — Можете на них взглянуть. Это отчет о консультации, которую я проводил для «Ин-Джин». Вычисления тут сложноваты, но я могу помочь с ними разобраться.

— Это ты его пригласил, — обернулся Хэммонд к Дженнаро, — вот сам и разбирайся с его ерундой. Поверь, когда мы прибудем на остров, ты сам увидишь, насколько все это смехотворно. А мне нужно сделать несколько звонков.

С этими словам Хэммонд вышел в соседний отсек. Малькольм пожал плечами и передал портфель Дженнаро.

— Лететь нам долго, — сказал Ян, — по крайней мере, мой отчет вас хоть как-то займет.

Самолет пронзал ночь, направляясь на юго-запад. Стюардесса принесла закуски и бокалы с шампанским. Грант подкрепившись, задремал, сквозь сон слыша негромкую беседу Хэммонда и Дженнаро.

— Из вашего отчета вытекает, что остров обречен на неудачу? — слышался голос Дженнаро.

— Правильно.

— Из-за теории хаоса?

— Из-за поведения системы в фазовом пространстве.

— А можно по-английски?

— Конечно, — ответил Малкольм. — Давайте решим, с чего начать. Вы знаете, что такое нелинейное уравнение?

— Нет.

— А странные аттракторы?

— Нет.

— Хорошо, — сказал Малкольм, — тогда начнем с самого начала. Долгое время физика описывала типы движения, которые можно предсказать и предугадать. Движение планет по орбите, маятники, пружины, катящиеся шарики и так далее. Данное движение предметов выражается линейными уравнениями.

— Пока вроде понятно, — кивнул Дженнаро.

— Но существует и другой вид движения, с трудом поддающийся физике. Собственно, наука этот тип движения не изучала, поскольку считая его принадлежащими к сфере случайности. Вода, льющаяся из сосуда. Движение воздуха над крылом самолета. Кровь, проходящая через сердце. Эти явления выражаются нелинейными уравнениями, решить которые почти невозможно. Однако, около двадцати лет назад появилась теория, объясняющая все эти явления. Она называется теорией хаоса, как дань известной формуле: «классическая наука заканчивается там, где начинается хаос». Теория хаоса оказалась применима буквально ко всем сферам, как человеческой деятельности, так и природных явлений. Физиологи начали исследование хаотических процессов, происходящих в человеческом сердце после внезапной смерти. Экологи принялись анализировать хаотические колебания популяции шелковичных червей. Экономисты пытались осмыслить процесс финансового и биржевого краха. Ну, а математики строили новые теории относительно «закономерности» произвольных усложненных геометрических фигур. Вся совокупность этих процессов, а также другие родственные явления, получили общее название «феномены хаоса» или просто «хаос».

— Как не странно, я все еще понимаю, — сказал Дженнаро.

— В двух словах это «эффект бабочки». Бабочка машет крыльями в Японии, вызывая снежную лавину в Перу. Впрочем, — послышался негромкий смешок, — мне больше нравится иное сравнение: «движение женских ножек по Уолл-стрит стало причиной биржевого кризиса осенью 1987 года».

Грант как-то сразу понял, что Малькольм говорил это, обращаясь к Элли. Какой-бы то ревности он не испытывал: во-первых, их отношения, никак не оформленные, как правило, не выходили за пределы экспедиций, а во-вторых, математик был явно не во вкусе Элли. Легкий флирт поможет им скоротать эту дорогу. Алан не мог винить Элли в том, что она заинтересовалась словами Малькольма — он и сам с интересом слушал Яна.

— Значит, хаос — это все случайное и непредсказуемое? — спросил Дженнаро.

— Нет, — ответил Малкольм. — есть скрытые закономерности внутри комплексного многообразия поведения системы. Иногда говорят, что хаос является более высокой формой порядка, однако более правильно считать хаос другой формой порядка. В любой динамической системе за порядком в обычном его понимании неизбежно следует хаос, а за хаосом — снова порядок. Простой пример: дым от сигары поднимающийся в виде упорядоченного столба под влиянием внешней среды принимает все более причудливые очертания, а его движения становятся хаотичными. Движение от порядка к хаосу и обратно является сущностью вселенной, какие бы проявления ее мы не изучали. Вот почему столь широки возможности теории хаоса: с ее помощью можно изучать что угодно: уровни цен на бирже, поведение разбушевавшейся толпы, электрическую активность мозга при эпилепсии. Любой вид комплексной системы, где имеют место беспорядок и непредсказуемость. Мы можем найти порядок, лежащий в ее основе.

— Более-менее понятно, — ответил Дженнаро.

— Приведу еще один пример, относительно близкий к вашей сфере деятельности. Допустим, у нас имеется начинающий трейдер, решивший, что для успеха на рынке он должен научиться предсказывать движения цен. После исследования вопроса он пришел к выводу, что рынок есть нечто, что повторяет само себя раз от раза различными способами. И если он сможет выучить характерные фигуры и циклы, большая прибыль сама потечет в его карман. Наш трейдер начинает преследовать эту цель, используя доступную литературу, благо таковой хватает. Однако, несмотря на громадное количество методов предсказания в книгах, торговых системах и программных продуктах, в течение года около 75 процентов трейдеров, пытающихся играть в предсказателей, теряют деньги. Если взять более длительный период наблюдения — то и все 95 процентов. Вера в возможность предсказывать ценовые колебания создает искаженное представление о рынках, которые есть нелинейные динамические системы, одной из характеристик которых является «чувствительность к начальным условиям». Именно это делает рыночный механизм столь трудным для предсказания. Мельчайшие различия растут и превращаются в доминирующие, множество ошибок и неточностей в описании ситуации накапливаются с течением времени вследствие общей сложности системы и точное предсказание становится невозможным. К чему же приводит ложная уверенность в предсказуемости рыночных процессов мы можем наблюдать неподалеку от тех мест, куда мы сейчас направляемся. Малейшие колебания биржевых котировок — и на ровном месте рушится стабильнейший режим Юго-Восточной Азии, вызывая беспорядки, в ходе которых жгут магазины и полицейские участки, убивают людей.

— Понятно.

— Проект Хэммонда из той же серии, — продолжал Малкольм, — кажущаяся простой система — животные в среде зоопарка, — неизбежно поведет себя непредсказуемо. Живая природа еще сложнее любого рынка, она зависит от множества хаотических факторов, предсказать которые невозможно.

— Но, может, стоит сначала осмотреть остров, увидеть, что там сделано?

— Нет. В этом нет никакой необходимости. Детали несущественны. Теория говорит о том, что поведение острова скоро станет непредсказуемым.

— А вы уверены в вашей теории?

— Конечно, — сказал Малкольм. — Абсолютно уверен. — Он откинулся на спинку кресла. — С этим островом не все в порядке. Вас ждет катастрофа.

На этом разговор закончился, а раздавшееся вскоре негромкое сопение дало понять Гранту, что Малькольм отошел ко сну. Грант устроился поудобнее и тоже заснул.

Долгожданная встреча

Пробуждение ото сна оказалось достаточно приятным: сквозь сон Дженни почувствовала на своем теле осторожные ласки. Усмехнувшись про себя, журналистка сладко, до хруста суставов, потянулась и, не раскрывая глаз, слегка раздвинула ноги, облегчая доступ губам и пальцам ненасытной лесбиянки.

Чуть позже, расслабленная и довольная, Дженни лежала рядом с Сарой. Белоснежная как у многих рыжих, кожа журналистки представляла волнующий контраст с загорелым почти до черноты мускулистым телом американки.

— Для уроженки Африки ты слишком бледная, — Хардинг провела ладонью по ее бедру, — но мне так даже больше нравится.

— Я не люблю солнца, — поморщилась Дженни, — что мне больше всего нравится в Англии — это ее туманы.

— Ну, тогда там, куда мы плывем, тебе тоже понравится, — усмехнулась Сара, — на аборигенном наречии Тангорак как раз и означает «Облачный остров».

— Кстати, Пенворд мне так и не сказал, — вспомнила Дженни, — почему мы отправились таким кружным путем. Почему не поехали с остальной группой?

— Во-первых, не таким уж кружным, — пояснила Сара, — тебе из Англии, а мне из Африки — будет куда быстрее, чем если бы мы ехали через Америку, как остальные. Не говоря уже об островитянах — было бы совсем глупо отправлять их через США, когда от Сейшел или Маврикия буквально рукой подать. Во-вторых, сам Пенворд не хотел, чтобы мы ехали с Хэммондом — его люди опекали бы нас с момента появления на острове, позволив увидеть лишь то, что им нужно. Пенворд же хочет, чтобы мы сначала как можно больше увидели сами. Именно поэтому, кстати, мы и не отправились к западному причалу, где нас должны встретить сотрудники Хэммонда. Вместо этого мы сделаем крюк и оплывем остров с северо-востока — как раз вдоль той стороны, что остается почти бесхозной. Просто чтобы показать, что Хэммонд заботится далеко не обо всем острове, как он собирается врать прессе. Обогнув весь остров, мы высадимся там же где и остальные, придумав что-нибудь убедительное по поводу опоздания.

— И долго нам плыть? — спросила Дженни.

— Откровенно говоря, мы уже приплыли, — с невинным видом сказала Сара, — как раз идем вдоль северного берега Тангорака.

— Что?! — Дженни вскинулась, возмущенно глядя на Сару, — и ты молчала!!!

— Хотела сделать тебе сюрприз, — усмехнулась Сара.

Быстро одевшись, Дженни перекусила найденными в каюте пресными галетами, запив их заваренным Сарой, скверным, но горячим кофе, после чего быстро выскочила на палубу. Утром здесь оказалось куда больше народу — не менее двадцати человек занимались разными делами, причем, похоже, на палубу вышли не все. Впрочем, Дженни почти не смотрела на них, жадно уставившись на простирившийся примерно в полумиле от корабля берег, поросший густыми джунглями и затянутый туманной дымкой. До англичанки донесся отдаленный шум прибоя — там, где пенные валы с грохотом разбивались о прибрежные скалы. Дженни подошла к борту и, перегнувшись, увидела под кормой бурлящую воду, в которой мелькали остроконечные акулы плавники.

— Течение очень сильное, — послышался сзади незнакомый голос, со странным

гортанным акцентом, — никто и не пытался обустроить тут нормальный причал. Так что эти берега почти не освоены — а значит и заметить нас некому.

Дженни обернулась — за ее спиной стояла Сара, а подле нее — чернокожий мужчина, столь поразительного облика, что Дженни чуть не решила, что Сара прихватила с собой из Африки одну из горилл. Сходство усиливалось на редкость грубыми чертами лица, делавшими незнакомца еще более похожим на обезьяну — пусть даже у обезьяны сложно представить такую роскошную бороду, завитую черными кудряшками. Но не борода поразила Дженни в этом человеке, а рост: по меньшей мере восемь футов. На широченные плечи и мощную грудную клетку спадали длинные вьющиеся волосы. А по центру груди красовалась татуировка, по сей день являвшаяся Дженни в ночных кошмарах: череп, вписанный в четырехконечную звезду, с необычайно удлинненным северо-восточным лучом. От правого соска и почти до пупка татуировку наискось пересекал большой шрам.

Внезапная догадка озарила Дженни сопоставившую этот рисунок с виденными ею ранее картами острова. Ей стали понятны и странно знакомые лица моряков, без сомнения, принадлежавших к тому же народу, что и этот великан. Дженни вспомнила как год назад пресса, освещавшая свержение заирского диктатора Мобуту, взхлеб писала об одном из командиров повстанческой коалиции, прославившегося высоким ростом и невероятной жестокостью. Иные писаки даже окрестили его «Королем Конго». Припомнились ей и слухи о связях Сары с африканскими «борцами за свободу».

Должно быть, мысли Дженни тут же отразились и на ее лице, потому что Сара с искренней тревогой спросила.

— Что-то не так?

— Этот зверь, — сдавленным от ненависти голосом произнесла Дженни, — эта тварь была в банде, что вырезала мою семью! Этот шрам оставила ему моя мать!

На лице Сары появилась крайняя степень недоумения, тогда как на роже боевика появилось сначала понимание, а потом — садистское удовлетворение.

— Ты та самая девка, — густым басом сказал черный великан, — что тогда удрала от нас. Тебя спасли Скауты — они перебили почти весь наш отряд: я сам едва оторвался от них. Что же, самое время вернуть должок.

Ни Сара, ни Дженни не успели ничего предпринять: с быстротой, неожиданной для такого гиганта, черный великан метнулся к девушке. Огромная лапа стиснула горло Дженни, журналистка почувствовала, как невероятная сила подбрасывает ее в воздух, а в следующий миг над головой девушки сомкнулись морские волны.

Прибытие

В Гонолулу они взяли на борт еще одного пассажира по имени Деннис Недри. Толстый и неопрятный, он жевал шоколад, из-за чего пальцы у него были липкими, а к цветастой гавайской рубашке пристали клочки обертки. Недри пробормотал, что он работает с компьютерами, и ни с кем не поздоровавшись за руку, сел в свободное место, прильнув к иллюминатору. Впрочем, перед этим он успел украдкой мазнуть сальным взглядом по ногам Элли и этот вороватый взгляд вызвал у Гранта куда большее раздражение, чем откровенный флирт Малькольма.

Из-за поджимавших сроков Гавайев они толком и не увидели — также как и Сингапура, где самолет еще раз заправился. После того, как позади осталась Суматра, внизу простерлась бескрайняя гладь Индийского океана. А спустя некоторое время появился и сам остров. Первое, что увидел Грант в иллюминаторе, была исполинская гора, словно выроставшая из моря. Над ее склонами клубился туман, придававший острову таинственный и зловещий вид.

— Вот она, Гора-Череп, — сказал Хэммонд. Присмотревшись, Грант понял, почему горе дали такое название — в верхней части массива виднелось два исполинских углубления, при известной доле фантазии и впрямь схожих с огромными глазами. Чуть ниже курились небольшие дымки.

— Остров имеет вулканическое происхождение, свидетельство чего можно увидеть повсюду, — сказал Хэммонд. — Возле гор множество мест выхода подземных испарений. Из-за этого, а также из-за множества течений на острове очень туманно. В этом тумане возникают разные оптические иллюзии — вблизи гора выглядит не так страшно.

Самолет сделал круг над островом, заходя на посадку. Перед глазами Гранта мелькнул знакомый ему по топографической карте полуостров. На миг он испугался, что в тумане пилот не справится с управлением, но тут же через плывущие внизу белесые клубы проступила посадочная полоса. Спустя миг колеса застучали о землю.

Двое коротко стриженных крепких мужчин встретили спустившихся с трапа гостей, проводя их к стоящему рядом вертолету. Пилотом был хмурый молодой человек также с короткой стрижкой. Перекинувшись парой слов с Хэммондом, он завел мотор и вертолет, зарокотав лопастями, вскоре взмыл в воздух. Вскоре он устремился к северной части острова. На мгновение перед Грантом мелькнула стена — исполинское сооружение, футов в двадцать, сложенное из блоков зеленоватого камня. Большого Гранту рассмотреть не удалось — вертолет несся вдоль западного побережья, держась тянувшейся параллельно морю дороги и стремительно приближаясь к горе. Вскоре макушка черепа, также как и «глазницы» остались где-то наверху — сейчас вертолет подлетал к небольшой площадке, устроенной на одном из уступов. Вокруг него плавали клубы тумана.

— Туман здесь обычно не такой густой, — обеспокоенно сказал Хэммонд, — поэтому мы и не можем сесть внизу. Так высоко я еще не...

Его слова были прерваны голосом пилота:

— Начинаем снижение. Держитесь крепче!

Вертолет начал снижаться, и они оказались в гуще тумана. В наушники Грант слышал повторяющиеся электронные позывные, но видимости не было никакой. Грант взглянул вниз и увидел под вертолетом гигантский ярко флуоресцирующий крест. Пилот скорректировал курс, и вертолет коснулся посадочной полосы. Шум лопастей стал тише и постепенно замер.

Грант облегченно вздохнул и отстегнул ремень безопасности.

— Мы должны быстро спуститься, — сказал Хэммонд, — на этой горе бывают часто сильные завихрения ветра и...ну вот, все в порядке

Грант увидел, что к вертолету бежит рыжеволосый человек в бейсбольной кепке. Подбежав, тот распахнул дверь и сказал:

— Привет, я Эд Реджис. Добро пожаловать всем на Остров Черепа. Пожалуйста, будьте осторожны при спуске.

Они спускались с горы по узкой извилистой тропинке. Воздух был сырым и промозглым. По мере того как они продвигались вниз, туман рассеивался и Грант уже мог рассмотреть пейзаж. Он напоминал ему тихоокеанский северо-запад.

— Это верно, — сказал Эд Реджис. — Экологически это лиственный тропический лес. Но такой микроклимат здесь только на этой горе. Большая часть острова — тропики.

На склонах виднелись большие здания, со странными пирамидальными крышами, утопающие в густой зелени. К ним вели вырубленные в скалах ступени, выглядевшие более удобно для спуска, чем та тропа, по которой шли гости острова. К одному из таких зданий поднималась прозрачная труба, в которой двигалось вверх нечто похожее на лифт. В нем стоял какой-то человек — Гранту даже показалось, что он помахал прибывшим.

Наконец, они вышли из тумана и перед глазами Гранта предстал остров. Реджис был прав: большую его часть покрывал тропический лес. Слева, у подножья горы, словно драгоценный камень в грубой оправе, блестела недвижная гладь озера. А за ним, сколько хватало глаз, тянулись казавшиеся бескрайними джунгли.

Гранту бросился в глаза одинокий ствол дерева, поднимающийся над пальмами. Веток на нем не было, один только искривленный ствол. Затем ствол пошевелился и развернулся в сторону пришельцев. И Грант понял, что перед ним вовсе не дерево.

Он смотрел на грациозно изогнутую шею невероятного создания, поднятую вверх на сорок футов.

Он смотрел на динозавра.

«Парк динозавров»

— О боже, — выдохнула за его спиной Элли.

Грант не видел ее лица, но был уверен, что оно выглядит также глупо как и у него — с радостным изумлением он рассматривал исполинское животное. В голове прокручивалось все, что он когда-либо знал: брахиозавры, род завроподовых динозавров, живших на территории современной Северной Америки в конце юрского периода; впервые останки найдены американским палеонтологом Элмером Риггсом. Однако все эти сухие описания, также как и выставленные в музеях кости, не могли передать и десятой части красоты и мощи этого великолепного создания. В книгах их всегда изображали огромными, неповоротливыми существами, а в движениях этого длинношеего животного были грация и достоинство. Брахиозавр настороженно посмотрел на них и издал низкий трубный звук, совсем как слон. Мгновенно из листвы показалась вторая голова, затем третья, четвертая.

— Похоже, им не очень нужны болота, — счастливо сказала Элли за спиной Гранта.

— Многое из того, что думали раньше, теперь придется пересмотреть, — пробормотал палеонтолог, не в силах оторвать взгляда от могучих гигантов, неспешно ошипывающих кроны деревьев. Он заметил, что одно животное отличалось от остальных: иная форма головы, более тонкая и длинная шея. Если брахиозавры напоминали исполинских жирафов, то и дело встававших на задние ноги, чтобы издавать свой трубный глас, то это существо напоминало огромную змею, продетую через не менее огромного слона. Это животное держало голову ниже, чем брахиозавры и вообще держалось особняком.

— Диплодок! — воскликнула за его спиной Элли и Грант кивнул, не в силах оторваться.

Дональд Дженнаро также был поражен до глубины души, но его изумление было иного свойства. Если Грантом и Элли сейчас владела неутолимая жажда познания, то его ошеломляли коммерческие перспективы проекта, подлинный масштаб которого он осознал только сейчас. Безграничные возможности генной инженерии, все, что раньше он считал лишь громкими словами, призванными обеспечить успех сделок, предстало перед ним в своем ужасающем могуществе, воплотившись в громадных как дом существах.

«На этом острове мы сделаем состояние!»

Адвокат покосился на Яна Малькольма — тот тоже был изумлен, но к его удивлению, добавилась и явная примесь тревоги. Математик выглядел как человек, давно ждавший некоего неприятного сюрприза и все же застигнутый врасплох масштабом этой неприятности.

— Как я понимаю, это не механические игрушки, — сказал он, поворачиваясь к Хэммонду, — выглядят совсем как настоящие.

— Они и есть настоящие, — пожал плечами Хэммонд, — почему бы им не быть таковыми.

Словно подтверждая его слова, вновь раздался трубный звук. Сначала затрубил один ящер, затем к нему присоединились и другие.

— Это их призывный сигнал, — сказал Эд Реджис. — Приветствуют наше появление на острове.

— Вы еще успеете насмотреться, — усмехнулся Хэммонд, — у меня для вас предусмотрена обширная программа, которая, смею думать, ответит на все ваши вопросы. Ну, а пока позвольте вас оставить. Мистер Реджис проводит вас до гостиницы.

С этими словами он завернул за ближайшую скалу и исчез из виду.

— Прошу за мной, — засуетился Реджис.

Все последовали за Эдом Реджисом, в зеленый туннель пальмовой аллеи, ведущей под уклон к подножию горы. Над дорогой, по которой они шли, висело нечто вроде транспаранта, на котором яркими буквами было выведено:

«Добро пожаловать в Парк динозавров».

Малькольм и Дженнаро шли рядом с Реджисом, осыпая его вопросами. Недри плелся сзади, выходя равнодушным ко всему — но пару раз Грант перехватил липкий взгляд, брошенный им на Элли. Сама же девушка словно не замечала этого, все еще находясь под впечатлением от увиденного.

— Как, черт побери, Хэммонду это удалось? — спрашивала она у Гранта.

— Не знаю, — покачал головой палеонтолог, — я не припомню, чтобы кому бы то ни было удавалось извлечь ДНК динозавра. В окаменелостях его просто не может быть.

— Но если останки сохранились в вечной мерзлоте или мумифицировались, — начала Элли.

— Да, это выход, — кивнул Грант, — кстати, я теперь понимаю, почему Фонд Хэммонда финансировал раскопки только в холодных краях — у нас на Аляске и в других местах — от Чукотки до Швеции. В холодном климате больше вероятности сохранения мягких тканей, содержащих ДНК. Но такие находки крайне редки — и уж точно их недостаточно, чтобы создать стадо, вроде того, что мы видели — а я подозреваю, что видели мы далеко не все.

— А может, существует способ, о котором мы не подумали? — спросила Элли.

— Какой, например?

Девушка пожалала плечами.

За разговорами они не заметили, как спустились к обширной террасе у подножия горы. Отовсюду слышалось журчание стекавших со склонов ручьев, настоящими водопадами, спадавшими в живописные пруды. От некоторых водоемов шел пар — видимо и тут имелись выходы вулканических испарений. Всюду росли огромные папоротники.

— Потрясающие, правда? — сказал Эд Реджис. — Представляете, когда опускается туман, то тут создается эффект доисторического ландшафта. Это настоящие юрские папоротники.

Элли скептически хмыкнула. Нет, Реджис не солгал: Элли специализировалась на палеоботанике и сразу узнала *Serenna veriformans* — вид папоротника, который часто находят в виде окаменелостей. Ему более двухсот миллионов лет, и сохранился он только во влажных, тропических лесах Бразилии и Колумбии. Однако тот, кто решил высадить этот папоротник вокруг бассейна, похоже, не знал, что в спорах растения содержится смертельно ядовитый алкалоид бета-карболин. Одно лишь прикосновение к красивым плетям папоротника могло вызвать недомогание, а если бы ребенок, нарвав листочков, засунул их в рот, то точно бы умер.

Подобная беспечность многое говорила о создателях парка — и Элли теперь лучше понимала опасения Малькольма. Она шепотом поделилась своими наблюдениями с Грантом и тот мрачно кивнул, соглашаясь с ученицей.

Впереди появились здания с пирамидообразными крышами, вроде тех, что они видели с вершины Горы Черепа. Меж них высилось строение, напоминающее огромную коробку из стекла и металла.

— Гостиница «Сафари»! — пояснил Реджис, — здесь вы все будете жить во время пребывания в Парке.

Номер Гранта и Элли был выдержан в бежевых тонах, а плетеная мебель отличалась буйством разных оттенков зеленого, напоминающим о джунглях. Зайдя в номер, Элли отправилась в душ, а Грант решил посмотреть спальню. В ней он увидел прямо над кроватью стеклянный потолок пирамидальной формы. У тех, кто будет здесь жить, подумал Алан, наверняка возникнет ощущение, что они спят в спальном мешке под открытым ночным небом, усеянном звездами. К сожалению, подобный эффект был возможен только ночью, а днем, из-за того, что стеклянный свод поддерживали прочные балки, на кровати лежала некрасивая полосатая тень.

Шум воды затих и Элли вышла из душа, замотав голову цветастым полотенцем.

— Я пока мылась, вспомнила кое-что, — сказала девушка, — когда мы спускались, помните? Видели забор, когда мы заходили на территорию?

Грант кивнул. Отель был окружен со всех сторон стальной оградой. Толщина прутьев достигала сантиметров двух-трех, а высота — четырех метров. Ограда была красиво обсажена кустами, ее выкрасили в черный цвет под кованый чугун, однако никакие ухищрения не могли скрыть толщину и высоту крепких прутьев.

— Не похоже на обычный курорт, — задумчиво сказала Элли. — Лично мне отель напоминает крепость.

— Не беспокойся, сейчас все узнаем, — пообещал Грант, глядя на часы. — Экскурсия начинается через полчаса и... А это еще что?

Снаружи послышался шум вертолетных лопастей, а вслед за ними — какой-то шум. Переглянувшись, Грант и Элли быстро вышли из номера.

У главного здания гостиницы стоял Дженнаро. Он кричал так, что голос его перекрывал шум вертолета, а на шее выступили вены.

— Повторите! Что вы сделали? Кого вы позвали?

— Ну, успокойся уже — растерянно приговаривал Хэммонд.

— Вы что, с ума сошли?! — взвизгнул Дженнаро.

— Это мой остров, — перебил его Хэммонд. — И я буду приглашать кого захочу.

— На вашем острове работает комиссия по расследованию. Инвесторы озабочены тем, что ситуация у вас вышла из-под контроля. Мы считаем, что здесь очень опасно...

— Здесь безопасно, — повторял Хэммонд. — я лично продемонстрирую это...

— Да... И не забудьте посадить их обратно на вертолет, — сердито сказал Дженнаро.

— Невозможно, — ответил Хэммонд, показывая на облака. — Вертолет улетел.

— Неужели вы, черт побери, не понимаете, что подвергаете бессмысленному риску... —

— Тихо, тихо, — успокаивающе сказал Хэммонд. — Потом продолжим, а то ребят напугаем.

Грант обернулся и увидел, как из пальмовой аллеи, которой они явились сюда, в сопровождении Эда Реджиса, выходят двое подростков. Точнее подростком смотрелся только один из новых гостей: щуплый мальчик в очках, лет четырнадцати. Он выглядел несколько скованно, настороженно поглядывая на собравшихся перед гостиницей взрослых. Но никакой робости не чувствовалось в шедшей впереди девушке, старше парня года на три. Из одежды она носила короткие, — куда короче, чем у Элли, — джинсовые шорты и белую блузку, завязанную на плоском животе с кубиками пресса. Стянутые в хвост светлые волосы выбивались из-под бейсболки, длинные ноги в кроссовках «Nike» ступали по земле упругим

спортивным шагом.

— Матерь Божья! — чуть слышно простонал Дженнаро.

Девушка улыбнулась, сверкнув белоснежными зубами, и помахала всем рукой.

— Привет, дедуля! — крикнула она. — Вот и мы!

Король Конго и женщина-гиена

— Не стоило ее убивать!

Расстроенная Сара расселась в своей каюте, прихлебывая виски прямо из горла, и куря одну за другой сигареты. Время от времени она бросала растерянные взгляды на усевшегося на входе черного великана, — даже в сидячем положении Джон Рокотомонанга, по прозвищу «Король Конго», занял весь дверной проем. На коленях у него лежал автомат, казавшийся игрушечным в могучих лапищах

— Сучка не оставила мне выбора, — проворчал он, — оставь я ее в живых и все на острове сразу узнали бы, кто я такой.

— Все так не кстати, — пробормотала Сара, — даже не представляю, что скажет Пенворд.

— Упала за борт, — Джон пожал огромными плечами, — обычное дело. Или тебя волнуют чувства чертова лорда? Мы прибыли сюда не для того, чтобы помочь одному богатому белому говнюку отобрать у другого говнюка то, что принадлежит моему народу.

В негромком голосе прорезались угрожающие нотки.

— Не надо меня стыдить, — с вызовом ответила Сара, — я не меньше твоего хочу восстановить справедливость. И все же — вдруг она спаслась?

— В таком течении? — усмехнулся Джон, — в море полном акул? Забудь о ней.

— А что она там говорила про свою семью?

— Забудь и про это, — поморщился великан, — дело давнее.

— Так это правда?

— Да, — кивнул «Король Конго», — была война. А ты хорошо знаешь, что в Африке на войне никто не выбирает средств.

Сара кивнула: да, она знала. Ведь на одной из таких войн они и познакомились.

Заповедник Вирунга, Заир, 1995 год

Конголезский тропический лес — сырое и мрачное место, навевающее гнетущие мысли даже на местных уроженцев. Кроны могучих деревьев уходят, казалось, в самое небо, а в стволах может разместиться целый дом; их толстые, покрытые мхом корни тянутся на многие десятки метров. Сара, привыкшая к несколько иной Африке — необозримому континенту просторных саван и великих рек, — чувствовала здесь неуютно: как в очень темном соборе, куда никогда не проникали солнечные лучи. Впрочем, позже ей на ум пришла иная аналогия — с невероятно горячим, темным чревом в котором постоянно зарождаются все новые виды живых организмов, ожесточенно убивающих и пожирающих друг друга.

И среди всех здешних тварей, самым страшным чудовищем все равно оказывался человек.

Они не успели углубиться в лес и на пару километров, когда лесное чрево исторгло этих чудовищ — черные силуэты, с лихорадочно поблескивающими белками глаз, скалящих зубы в издевательских ухмылках. Все они носили форму заирской жандармерии, однако Сара быстро сообразила, что нападавшие не относятся ни к одному из народов Конго. «Интерахамве» — вооружённое ополчение племени хуту, печально прославившегося зверскими расправами в Руанде. После того как истребляемое ими племя тутси вернуло

власть, которую они испокон веков осуществляли над низкорослыми и темнокожими хуту, настал черед интерахамве бежать из страны. Заирский диктатор Мобуту Сесе Секо позволил хуту расселиться у своих восточных границ и с тех пор вооруженные банды терроризировали, убивали и насиловали всех тутси, что поселились здесь еще раньше.

Никто не стал открывать огонь: пусть некоторые хуту и имели старые бельгийские винтовки, сейчас они, не тратя патронов, изрубили проводников Сары своими мачете. Самой Саре уготовили иную участь — отчаянно вырывавшуюся женщину повалили на землю, отобрав оружие и срывая одежду. Она кричала, отбиваясь руками и ногами от хохочущих негров, жадно лапающих ее груди и щупающих между ног. Главарь банды — коренастый мужчина в камуфляжной форме, встал над корчившейся в грязи женщиной, неторопливо расстегивая штаны. Похожее на черную луну лицо расплылось в похотливой улыбке — а в следующий миг взорвалось, забрызгав опешивших бандитов ошметками крови и мозга. Со всех сторон застрочили автоматы и из леса, словно черные тени, начали выскальзывать новые участники кровавой драмы.

Спустя минуту все было кончено — все хуту лежали мертвыми, разве что с пяток раненных с жалобными стонами корчились на земле. Над ними, кривя тонкие губы в кровожадных ухмылках, стояли победители с автоматами Калашникова. По более светлой коже, относительно тонким чертам и высокому росту Сара признала в них «баньяруанда» — тех самых тутси, что бежали в Конго, спасаясь от геноцида. Темные глаза равнодушно смотрели на Сару и та решила повременить с выражением благодарности — еще неизвестно, что для нее придумают эти «спасители», тоже никогда не славившиеся особым гуманизмом.

Из леса послышались тяжелые шаги и тутси поспешно расступились, кому-то уступая дорогу. Из лесного полумрака медленно вышел некто, показавшийся поначалу Саре, вставшей на задние лапы гориллой. Впрочем, она тут же поняла свою ошибку — даже при ее крайне лестных оценках умственных способностей горилл, женщина все же не могла представить, чтобы одна из обезьян нарядилась в сшитую явно по особой мерке форму и носила за плечом гранатомет, а на широком поясе — кобуру с пистолетом и огромный нож. Темные глаза внимательно осмотрели обнаженную женщину, тщетно пытающуюся прикрыться обрывками одежды.

— Кто вы? — на неожиданно хорошем английском спросил великан.

— Сара. Сара Хардинг. Я зоолог...

— Я слышал о вас, — толстые губы раздвинулись в слабой улыбке, — вы изучаете львов?

— Львов и гиен, — сказала Сара, — ради одной из них я и явилась в эти джунгли.

Черные глаза еще какое-то время мерили ее взглядом, потом великан кивнул.

— Раз так, мисс Хардинг, — сказал он, — добро пожаловать в Альянс демократических сил за освобождение Конго. Меня зовут Джон Рокотомонанга и вы — моя гостья.

Ее провели в небольшую деревню — скорей даже полевой лагерь «баньяруанда», один из множества у подножия гор Вирунга. Многие из тутси бежали сюда вместе с семьями, но от этого они не выглядели менее уязвимыми — все мужчины, также как и многие женщины были увешаны оружием с головы до ног. Даже дети десяти-двенадцати лет имели автоматы Калашникова и Сара как-то сразу поняла, что эти маленькие солдаты, с недетским выражением глаз не раз пускали это оружие в ход. И у всех их — мужчин, женщин, детей, — в глазах застыло одинаковое выражение, отражающее одновременно мучительную боль, мстительную злобу и вечный голод. Последнему, впрочем, скоро предстояло быть

утоленным — посреди сложенных из веток хижин и наспех выкопанных землянок виднелась большая яма, наполненная раскаленными углями. Над ними медленно поворачивались на вертеле ноги, куски хобота и другие части тела могучего «тембо» — африканского слона.

От возмущения Сара даже на миг забыла где находится.

— Ваши люди не знают, что находятся в заповеднике?

— Знают, — спокойно ответил Джонни, — и что теперь?

— Эти слоны находятся под охраной!

— Кто это решил? — сдвинул брови мужчина, — несколько белых стариков, что, разбогатев на поте и крови чернокожих, решили еще и запретить им охотиться? Те самые белые, что истребляли этих слонов целыми стадами, теперь решили раскаяться — но почему-то только перед животными. Когда ваши белые богачи смогут накормить всю Африку — может тогда, мы перестанем есть мясо диких зверей. Пока же этого не произошло — не им решать, чем нам кормить своих женщин и детей.

Сара молчала, чуть ли не впервые в жизни не найдя, что ответить. Она сама, пусть и родилась в небогатой семье, все же никогда не знала голода и с трудом представляла себе каково это. Наблюдая за животными, в том числе и за тем, как они охотятся, она ни разу не задумывалась о том, что для многих местных жителей остаются недостижимой мечтой те килограммы мяса, что пожирают львы и гиены. Сейчас же ей как-то вдруг бросились впавшие худые лица здешних жителей, распухшие от голода животы малолетних детей, тянувших тонкие ручки к кускам мяса.

Столь велика была сила обвинительного пафоса в устах Джона Конго, что Сара, подавшись ей, как-то пропустила то, что сам великан, пышущий силой и здоровьем, вовсе не выглядит изнуренным голодом, — как и его ближайшие соратники.

— Даже если вы убьете всех слонов на континенте, — все же возразила она, — этим вы не спасете Африку от голода. Должно быть иное решение.

— Возможно, — кивнул Джон, — и ради этого мы воюем. Лев пробудился — и от его раскатистого рыка дрожат троны тиранов. Под моим началом — десятки таких лагерей и все они полны воинов, жаждущих свергнуть Мобуту. Как только эта страна избавится от диктатора, что высасывает из нее соки, словно огромная пиявка — для Конго начнется новая, счастливая жизнь.

— Но ведь вы не местный, — продолжала возражать Сара, — я хочу сказать...вы не похожи на конголезца.

— Мои предки явились с острова на востоке, — качнул бородой Джон, — изгнанники, вечно гонимые, дважды лишены дома. Но в моих жилах течет и африканская кровь — я даже не знаю, сколько народов смешалось с моими предками. И поэтому я всегда готов помочь тем, кто отстаивает свое право на достойную жизнь. В Зимбабве, Мозамбике, Анголе, Намибии, теперь вот и здесь, — везде, где народ восстает против тиранов, борясь за свою свободу, Джонни Конго окажется рядом, чтобы бороться за победу революции.

— Это так...благородно, — Сара чувствовала, как ее захватывает прозвучавшая в голосе мужчины могучая страсть, — так самоотверженно.

Джон снисходительно посмотрел на женщину.

— Так что, говорите, вас привело в эти края? — внезапно сменил он тему.

— Гиена, — не задумываясь, ответила Хардинг, — точнее...легенды о животном, которого именуют «африканским медведем», «нанди-бэром». Мне кажется, что под этим именем скрывается гигантская гиена, что обитала в Африке...ее еще называют пахикрокута.

Не так давно я слышала, что «нанди-бэра» видели в этих краях и я предположила, что война выгоняет животных из их привычных мест обитания и...

Джони вскинул руку и Сара неожиданно для себя замолчала.

— Я не понял и половины из того, что ты говоришь, — веско сказал он, — но если ты хочешь увидеть своего зверя, то я могу помочь. Сегодня ночью, в затерянном городе Зиндж ты встретишься с Матерью-Гиеной. Мы может и не настолько печемся о зверях, как белые, но и по сей день, мы знаем о них то, чего до сих пор не может узнать ваша хваленая наука.

Полная Луна взошла над поросшими джунглями руинами — последним, что осталось от великого города Зиндж. Странные, однотипного вида здания, украшали окна в виде полумесяца. Сара слышала об этом городе раньше: легенды о нем легли в основу романа Хаггарда «Копи царя Соломона». А еще в 1187 году момбасский араб ибн Барату писал: «... о потерянном городе в глубине страны, называемом Зиндж. Там жили только чернокожие. Когда-то они купались в таком богатстве и такой роскоши, что даже их рабы носили украшения из драгоценных камней, особенно из голубых алмазов, ибо алмазов там было великое множество».

Эти же алмазы сейчас сияли в лунном свете на поросшей густым волосом груди Джона Конго. Озаренный луной черный силуэт стоял перед массивной белой плитой. В руках он держал глиняную чашу, наполненную кровью. Стоявшая перед ним Сара, одетая лишь в найденную в лагере накидку, старалась не вспоминать, откуда взялась эта кровь: остаток дня ей пришлось слушать ужасные крики пленных хуту, с которыми тутси сводили счета. Раньше это бы привело ее в ужас, но сейчас, захваченная нетерпеливым предвкушением она не думала ни о чем, кроме того, чтобы как можно скорее увидеть легендарного зверя. Ее пристрастие к гиенам всегда вызывали насмешки в научном мире, но сама Сара любила их куда больше львов: отважные охотники и заботливые родители, живущие в очень сложном социуме, в условиях матриархата. Именно последнее, как говорили иные шутники, превратили Сару в настоящую фанатичку всего, что связано с гиенами — только она могла отправиться в объятые войной конголезское пограничье, при малейшем упоминании о странном звере, напоминавшем пахикрокату.

Перед Джоном Конго горел костер и он подбрасывал в него какие-то травы, дававшие едкий дым, от которого слезились глаза и кружилась голова, заставлявший видеть все вокруг в странно искаженном виде. Сам великан, бормотавший что-то себе под нос, представлялся Саре чем-то большим, чем человек: черная, как ночь, угрюмая, фигура, окутанная испарениями от еще теплой крови и дымом от сгоравших колдовских трав. Перед Сарой предстала сама Душа Африки, ее Черный бог.

Внезапно Джон вскинул голову и с его губ сорвался жуткий хохот. Этот страшный призыв еще возносился в ночное небо, когда мрак за спиной Сары вдруг взорвался столь же оглушительным хохотом. Сара резко обернулась и ее сердце захолонуло одновременно от страха и восхищения увиденным.

Под кронами высоких деревьев словно ожила часть ночной тьмы, мерцавшая огненно-алыми глазами. Могучий зверь, не уступавший размером льву, но куда более массивный, с огромной головой и мощными передними лапами. Бурый мех покрывали еще более темные пятна. Верхняя губа вздернулась, обнажив подобные кинжалам клыки, и вдруг огромная гиена уселась на задние лапы, скрестив передние на груди. Пораженная Сара увидела между лап чудовища, то, что и по сей день вызывало отторжение у многих исследователей-мужчин — налитый кровью огромный клитор, превышающий размер мужских половых органов этих

удивительных животных.

Джон произнес еще несколько слов и вдруг сорвал с Сары накидку, оставив ее абсолютно голой. Одновременно он вылил ей на голову чашу с кровью. В тот же миг, одним прыжком преодолев расстояние между ними, ударом головы сбила женщину с ног. Огромная пасть раскрылась над лицом Сары, пахнув смрадом разлагающегося мяса, клацнули зубы, способные перекусить ногу слона и тут же язык твари прошелся по женскому телу от лица до промежности, слизывая кровь. Порыв ветра окутал обоих дурманящим дымом от костра и Сара вдруг ощутила, как что-то длинное и скользкое тычется ей между ног. Под воздействием не то дурманящих испарений не то монотонных заклятий Джона, — Сара почувствовала, как отступают, куда-то сгинув страх, стыд, вообще все человеческое. Звериная сила тела, водоворот вечной охоты и чары темной страсти — все это захватило Сару могучим потоком, меняя ее изнутри. Уже не отдавая отчета в своих действиях, она подалась вперед всем телом и с ее губ сорвался дикий хохот, как и из пасти самой гиены. Сара уже не видела, как Джон Конго, сойдя с алтаря, становится позади огромного зверя, возлагая на вздыбленную холку свои могучие руки.

Только Луна, равнодушно светившая с ночного неба, видела древний как мир ритуал. Извращенный обряд, в незапамятные времена рожденный далеким островом в Индийском океане, смешавшийся позже с самыми черными и мерзкими приемам африканского колдовства изменил Сару, навеки связав ее жизнь с судьбой Короля Конго. В этой связи редко бывал секс — не плотская близость, а глубокое идейное родство стало основой их союза. Похожее чувство в свое время сблизило Сару и с Дарреном Пенвордом — женщину привлекали не сексуальные пристрастия лорда, но его суждения, подчас шокирующие даже эко-радикалку Хардинг.

— Люди меня не интересуют, — как-то сказал лорд, — их слишком много на этой Земле. Единственное на что они годны — это стать великолепной пищей для диких животных.

Сара про себя лишь покрутила головой, восхищаясь и одновременно ужасаясь подобной смелости взглядов. Она была соратницей Пенворда, пока не познакомилась с Джонни Конго, чья грубоватая бескомпромиссная идейность показалась ей более честной и чистой, чем рафинированная мизантропия английского аристократа. Впрочем, самого Пенворда Сара не спешила выводить из заблуждения, что по-прежнему остается его верной сторонницей. Именно поэтому Пенворд поручил ей эту миссию, не зная, что Сара совершает ее уже не для английского лорда, но для волосатого черного дикаря.

После того, Джонни Конго выкинул за борт несчастную журналистку, катер шел дальше. Обогнув северо-восточную оконечность острова, судно укрылось в небольшой бухте, приютившейся меж исполинских скал. Здесь же корабль впервые украсился флагом Республики Тангорак — на синем фоне четырехконечная красная звезда, с одним удлиненным лучом и силуэтом горы по центру. Из-за характерных очертаний главной достопримечательности острова флаг весьма смахивал на пиратское знамя.

На берегу уже горел костер, над которым в окованном серебром человеческом черепе закипало зелье, приготовленное Джоном Конго из мышьяка и крови ядовитых змей: индийской кобры, цепочной гадюки и горбоносого щитомордника. В прибрежных лесах боевики отловили трех больших черных ящериц. Привязав их с трех сторон вокруг черепа, Джонни размеренно хлестал рептилий срезанными в лесу прутьями. На чешуйчатой коже выступали кровавые полосы, пока разъяренные ящерицы шипели, словно раздувая огонь.

Вытекающую из их пастей слюну собирали и добавляли в карботель — один из самых жутких ядов, известных колдунам Юго-Восточной Азии.

Яд готовил Джонни: среди своих людей он пользовался уважением не только как командир, но и как «боном де буа» — «лесной добряк» или «лесной простак», как именовали колдунов на Сейшельских островах. После того как яд был готов, место Джона занял Генрих Куртмайер — чуть ли не единственный белый среди террористов. Бывшего оперативника Штази направили советником в Африку за пару лет до падения «восточного блока» и объединения Германии. Вернуться обратно он не пожелал, найдя себе место среди разномастных африканских повстанцев, не прекративших воевать и по завершении Холодной войны. Худощавый белокурый немец был самым опасным человеком в этой небольшой армии после самого Джонни Конго.

Сейчас же он, одев резиновые перчатки, с величайшей осторожностью совершал некие манипуляции с приготовленным Джонни ядом и патронами от десяти автоматов «Освободительной армии Республики Тангорака». Действо заняло весь день, зато на закате солнца, патроны десяти автоматов были все до единого начинены «карботелем».

Здесь же Джонни объявил, что они разделятся.

— Если меня узнала та журналистка, — сказал он, — значит, может и кто-то другой — мы не знаем, кто еще здесь на острове. Поэтому я возьму десятерых, что пойдут за мной пешком через весь остров. Остальных поведут Сара и Бобби.

Человек, которого назвал Джонни, благодарно блеснул белыми зубами. Это был высокий, но худой и изящный мужчина, с плавными, почти женственными движениями. Африканской и индийской крови в нем было больше чем тангоракаской. Его шея была полбединому длинной и изящной, а огромные черные глаза походили на две вечерние звезды. Эти глаза, а также облако кудрявых волос делали его похожим на мадагаскарского лемура или иного подобного зверька. Состоятельные родители дали ему неплохое образование: окончив Сейшельский колледж, позже Бобби Мугела учился в Оксфорде, а также посещал балетные труппы и даже танцевал в Королевском балете. Из всей бригады Бобби лучше всех умел придать себе вид определенной респектабельности, что не мешало ему считаться одним из самых жестоких бойцов «Освободительной армии Тангорака».

— Мне придется присоединиться к команде экспертов, — напомнила Сара, — когда все начнется, не забывайте, что они ничего нам не сделали.

— Твоего дружка никто не тронет, — осклабился Джонни, — до встречи.

Стоя на носу, Сара провожала взглядом исчезающих среди деревьев людей Джонни Конго. Когда же отряд скрылся из виду, она повернулась к Мугеле.

— Нужно поторапливаться, — сказала она, — мы и так опаздываем. Надо еще присмотреть, где по дороге спрятать оружие — никто не должен ничего понять, до того как все начнется.

— Не бойся, дорогуша, — жеманно протянул Бобби, — пока не наступит время, мы будем не опасней выпускниц воскресной школы. Ну, а там — как пойдет.

— Надеюсь, пойдет как надо, — пробормотала Сара, вновь поворачиваясь к берегу. Смутное чувство тревожило ее, некая деталь, упущенная ею ранее и сейчас не дававшая ей покоя. Вспоминая, как себя вел Джонни Конго в Африке, только сейчас она осознала, что судьба Дженни Стемпер наводит на пугающие мысли о том какими методами лидер «Свободного Тангорака» собирается действовать на своей давно потерянной родине.

В лабораториях

Тим сразу понял, что на острове их не ждали. Его дед, вместо того чтобы приветствовать внуков, сейчас спорил с краснолицым человеком, возрастом помоложе. Остальные взрослые, стоящие за ними, не знали куда деваться от смущения. Это чувство невольно передалось Тиму и без того стеснительному по природе, а тем более среди такого количества незнакомых людей. Поэтому сейчас, как уже не раз бывало, он предпочел чтобы инициативу взяла на себя Лекси.

— Давай, Тимми, не отставай, — она послала брату через плечо насмешливый взгляд, — хватит уже пялиться!

— Никуда я не пялюсь, — огрызнулся Тим, но лицо и уши его залила краска, как и всегда, когда сестра ловила его на чем-то неприличном. Даже сейчас он не мог удержаться, чтобы не смотреть на упругие загорелые ягодицы, оголенные на треть провокационными вырезами на шортах. Когда Лекси двигалась они перекатывались, словно пережевывая жвачку, приковывая любые мужские взгляды — не исключая и собственного брата. Голос совести Тим заглушал тем, что Лекси ему сестра лишь наполовину — отцы у них были разные, причем, с отцом девушки мать даже не расписывалась, а с отцом Тима разводилась прямо сейчас. Чтобы отвлечь от процесса детей мать с радостью ухватилась за предложение отца, пригласившего внуков на остров. Однако, глядя на то, какой им тут оказывают прием, Тим уже не был уверен в том, что это хорошая идея. Лекси, впрочем, держалась непринужденно, улыбаясь во все тридцать два зуба. Тим знал, что ее блузка с глубоким вырезом открывает не менее заманчивые виды — и видел, как разглаживаются морщины на лбу спорившего с ее дедом мужчины, когда Лекси, безошибочно определив главный источник напряженности, первым пожала ему руку. Следующим представился худощавый человек в черном костюме, также откровенно любовавшийся красивой девушкой. Стоявший рядом толстый парень, из породы умных очкариков, и вовсе смотрел на нее раскрыв рот. Тимми надеялся, что выгорит не столь по-дурацки — когда Лекси поздоровалась, толстый заучка чуть не истек слюной на месте. Девушка, словно не заметив этого, уже здоровалась с крепким бородатым мужчиной, отреагировавшим на нее наиболее спокойно. Что, впрочем, легко объяснялось: рядом с ним стояла молодая женщина, тоже в шортах, открывавших отличные ноги — так что Тимми, на миг оторвав взгляд от собственной сестры тут же прилип к ним взглядом. Спohватившись, что это может вызвать неудовольствие бородатого, Тим перевел взгляд уже на него и вдруг понял, кто он такой.

— А у меня ваша книга стоит! — невольно выпалил он.

— В самом деле, — мужчина улыбнулся, — какая?

— «Потерянный мир динозавров».

— Ой, Тимми, не начинай, — рассмеялась Лекси, — в твоём возрасте пора интересоваться девушками, а не динозаврами.

— Иди ты, — окрысился Тим, пытаясь раздражением скрыть охватившее его смущение.

— Ну, вообще-то одно другому не мешает, — сказал Грант, подмигнув своей спутнице, — мне ли не знать.

— Я что придумал, — вмешался Эд Реджис. — Давайте-ка мы все пойдем в центр для гостей, оттуда и начнем экскурсию.

— Отличная идея, — кивнул Хэммонд, — давай, займись этим. А я пока отлучусь —

мне надо сделать пару звонков в Джакарту.

С этими словами Хэммонд, явно радуясь, что появилось на кого спихнуть неожиданно возникшую проблему, поспешно ретировался. Впрочем, Тим услышал, как Дженнаро, напоследок, зло шепнул дедушке:

— Убить вас за это мало!

Хэммонд, сделав вид, что не услышал, чуть ли не бегом устремился по дорожке ведущей куда-то вниз и вскоре исчез меж зарослей. Остальные же двинулись к главному зданию. Впереди шла Лекси, о чем-то оживленно болтая с Дженнаро и Реджисом, чуть позади плелся Недри, не сводя взгляда с покачивающихся перед ним округлых полушарий. Малькольм о чем-то негромко говорил с Элли, ну, а доктор Грант, как к своему смущению обнаружил Тим, шел рядом с ним.

— Тебе сколько лет, Тим?

— Четырнадцать... почти пятнадцать.

— Давно динозаврами интересуешься?

— С девяти лет. Ну как интересуюсь. Я читаю книги, смотрю фильмы. Если удастся выпросить у матери дополнительные деньги на карманные расходы, хожу в музей.

— В твоей семье, видимо, не особо разделяют твои увлечения.

Тим пожал плечами.

— Матери все равно. Отец, пока жил с нами, не одобрял, а, Лекси... ну, вы сами слышали. В школе это тоже мало кому интересно.

— У меня в детстве была похожая история, — рассмеялся Грант, — но, я как-то преодолел. Впрочем, скоро твоя сестра изменит отношение к динозаврам. И не только она

— Почему?

— Из-за того, что здесь происходит, — ответил Грант. — Здесь, на острове твоего дедушки.

Тим недоверчиво покачал головой.

— Мама сказала, что здесь курорт — бассейны, пляжи, теннисные корты.

— Не совсем так, — ответил Грант. — Я тебе по дороге все расскажу.

Главное здание гостиницы «Сафари» сливалось с горой, наполовину утопая в исполинской пещере. По бокам от входа высилось две скалы из черного камня. На них красовались причудливые барельефы, выглядевшие донельзя чужеродно среди зданий из стекла, пластика и металла.

— Это оставили аборигены, — заметил Реджис, — мы старались оставить в неприкосновенности все памятники культуры. Когда сюда начнут возвращаться прежние жители им будет обеспечен приоритетный доступ к их культурному наследию.

— Это было культовое место? — спросил Грант, осматривая рисунки на камнях. В глаза бросилось нечто напоминающее клубок змеиных тел. С внешней стороны торчали морды незнакомых, но, безусловно, разных зверей. Меж чешуйчатых колец виднелись глаза, скалились зубастые пасти. В целом рисунок производил отталкивающее впечатление, как фантазмагорическое смешение малосочетаемых элементов.

— Понятия не имею, — пожал плечами Реджис, — у здешних аборигенов специфические представления об искусстве.

— Это скорей по вашей части, — сказал Грант Малькольму.

— Да уж, — кивнул математик, осматривая рисунок, — хаос в камне, символично.

— Внутри есть еще, — заметил Реджис, — мы оборудовали лаборатории и иные

помещения прямо в пещерах: конечно, многое пристроили и перестроили, провели электричество и все такое. Однако здешнее культурное наследие мы старались не трогать: мистер Хэммонд считает, что это придаст Парку изюминку.

Войдя в гостиницу, они оказались в обширном холле, уставленном мягкой мебелью и кадками с экзотическими растениями. В верхнее помещение вели несколько металлических черных лестниц, по одной из которых и начали подниматься гости. На втором этаже они оказались в длинном коридоре, одна из стен которого была полностью из стекла и выходила на балкон, где в легкой дымке виднелись джунгли. С другой стороны были двери, с табличками: «Смотритель парка», «Группа обслуживания гостей», «Генеральный директор». Дойдя до середины коридора, они уперлись в стеклянную стену, на которой красовалась табличка с надписью «Биопасность». Ниже висело еще две надписи: «Ведется работа с тератогенными веществами» и «Беременным женщинам вход воспрещен».

— Не обращайте внимания на надписи, — сказал Реджис, — повесить это нас заставляет закон. Можете поверить, здесь все абсолютно безопасно. Ну, а сейчас давайте посмотрим, как мы получаем ДНК динозавров.

Он подошел к одной из дверей, которая, как и все остальные в лабораторном корпусе, открывалась с помощью специальной карточки с кодом. Эд Реджис сунул карточку в щель замка, мигнула лампочка и дверь открылась. Они прошли по еще одному коридору и, спустившись по винтовой лестнице, оказались в небольшом помещении, залитом зеленым светом. Здесь находились с десяток лаборантов в белых халатах, сидевших перед двойными стереомикроскопами или смотревших на изображения на экранах мониторов. Все помещение было уставлено какими-то желтыми камнями: они стояли в застекленных полках, в картонных коробках, на больших рабочих подносах. К каждому камню была приклеена бирка, на которой было что-то написано чернилами. На самой дальней стене в пластиковом покрытии был вырезан большой кусок и там, словно причудливое панно, красовался еще один барельеф — гротескное существо, состоявшее, казалось, из одних только глаз, ртов и щупалец. Несмотря на свою глубокую древность, это изображение не удивление органично сочеталось с современной техникой и лаборантами — как гротескный символ науки, наперекор природе, вырывавшей из небытия давно исчезнувшие виды.

— Наш генетик, доктор Генри Ву, — Эд Реджис представил невысокого мужчину азиатской внешности, — Сейчас он нам расскажет, чем тут занимаются.

— Во всяком случае, постараюсь, — сказал Генри Ву, — генетика — наука сложная. Вам-то, наверное, интересно, откуда мы взяли ДНК для наших динозавров.

— Интересно — не то слово! — живо отозвался Грант.

— Раньше считалось, — начал Ву, — что существуют два возможных источника получения

ДНК из ископаемых останков. Иногда можно получить ее прямо из костей динозавров, используя метод Лоя — извлечение антитела. Для этого мы должны истолочь кости в порошок. Второй метод найти мумию динозавра, — вам, как палеонтологу известно, что подобные находки иногда случаются, — и извлечь из клеток генетический материал.

— И какой из методов вы использовали? — спросил Грант.

— Оба, но только как вспомогательные, — ответил Ву. — Поскольку во время фоссилизации большая часть растворяемого белка вымывается, метод Лоя позволяет получить всего лишь около двадцати процентов вещества. Для нашей работы этого явно недостаточно. Что же до мумий, то они попадают слишком редко, чтобы воссоздать все то,

что вы увидите здесь. Для того чтобы воспроизвести динозавра, нам нужно получить всю цепочку ДНК. И она у нас тут, — он взял один из желтых камней. — В янтаре — окаменевшей смоле, в которую превратился сок доисторических деревьев.

— Я все-таки не понимаю, — признался Грант.

— Когда древесный сок стекает, — стал объяснять Ву, — в него попадают и остаются там насекомые. Эти насекомые отлично сохраняются внутри окаменелости, — самые разные, включая паразитов, сосавших кровь у крупных животных.

— Сосавших кровь... — удивленно-восхищенно повторил Грант. — То есть вы хотите сказать, они сосали кровь динозавров?

— Именно так.

— А потом эти насекомые попадали в янтарь — продолжал Грант. — Черт побери, а ведь может получиться.

— Уже получается, — сказал Ву. Он подошел к микроскопам. Лаборант как раз установил кусочек янтара, внутри которого находилась муха, перед окулярами. На экране монитора было видно, как он проткнул янтарь иглой, введя ее в грудной отдел доисторической мухи.

— Если у этого насекомого содержатся инородные клетки крови, мы сможем извлечь их и получить ДНК вымершего животного. Наверняка мы, конечно, не знаем, пока не извлечем все, что там есть, проведем репликацию и проверку. Этим мы занимались последние десять лет и результаты впечатляют.

— Но как вам это удалось сделать? — спросил Малькольм.

— Вначале мы установили детальную структуру каждого гена в нуклидах, содержащихся в клетках динозавров. Для этого мы воспользовались передовой технологией и техникой Калифорнийского университета. Они используют радиоактивный след атома как зонд. При помощи электронного микроскопа мы определили химический состав каждого гена — это можно назвать кодом. Он содержит информацию о различных комбинациях четырех химических субстанций ДНК, из которых сделаны гены. Мы вводили в компьютер информацию о каждом гене и получили что-то вроде компьютерной карты, содержащей информацию на генетическом уровне о клетках динозавра. Ее мы сравнивали с такой же «картой» существующих ныне животных, чьи клетки мы намеревались модифицировать так, чтобы получить клетки динозавров.

Услышав о компьютерах Недри, до этого откровенно скучавший, бросил нетерпеливый взгляд в сторону следующей комнаты.

— Я вижу, что мистер Недри интересуется следующим этапом нашей работы, — заметил Ву, — где как раз идет расшифровка ДНК. Делаем мы это с помощью очень мощных компьютеров.

Через раздвижную дверь они вошли в следующую комнату. Здесь было прохладно и раздавалось громкое гудение. Два высоких двухметровых аппарата круглой формы возвышались в центре комнаты. Вдоль стен тянулись ряды ящиков из нержавеющей стали.

— Это наша высокотехнологичная прачечная-автомат, — с гордостью сказал доктор Ву, — а аппараты вдоль стены — автоматические генные секвенаторы /Устройство для определения первичной структуры макромолекул/ фирмы «Хамачи-Худ». Ими управляют с огромной скоростью суперкомпьютеры «Крей-Экс-Эм-Пи», вы их видите в центре комнаты. По сути, комната представляет собой генную фабрику удивительной мощности.

В помещении стояло несколько мониторов. Данные мелькали на экране с такой

скоростью, что разобрать что-нибудь было невозможно.

— Вы говорили, что использовали для выведения клетки существующих сегодня животных, — заметил Грант.

— Да, это так, — кивнул Ву.

— И чьи же клетки вы взяли в работу?

— По-разному, — пожал плечами Ву, — зависит от вида каждого конкретного динозавра. Иногда мы использовали неоплодотворенную яйцеклетку крокодила, иногда других рептилий, — ведь в парке есть не только динозавры, но и другие доисторические животные. Нередко мы использовали и птиц. У нас тут есть виварий, с богатой коллекцией птиц и рептилий, от которых мы берем те или иные клетки.

— А после того как компьютер проведет анализ ДНК, как вы узнаете вид животного? — спросила Элли

— Мы пользуемся двумя процедурами, — ответил Ву. — Во-первых, составляем филогенетические схемы. Как и все остальное в организме — руки, ноги и так далее, ДНК постоянно развивается. Поэтому мы можем взять неизвестную нам часть цепочки ДНК и с помощью компьютера определить, правда приблизительно, ее место в общеэволюционном процессе. Время на это уйдет, конечно, немало, но ответ, так или иначе, мы получим.

— А какой второй способ?

— Нужно просто вырастить животное и посмотреть, кем оно окажется, — ответил Ву, пожимая плечами. — Так мы обычно и поступаем.

Экскурсия продолжалась — все новые коридоры, порой изгибающиеся столь причудливо, что становилось очевидно, что раньше здесь были естественные пещеры, позже переделанные под помещения для лабораторий. Наконец Ву открыл дверь с надписью «Оплодотворение», за которой оказалась комната, где у микроскопов снова склонились лаборанты. Часть помещения была огорожена и освещена ультрафиолетовыми лампами. Там же стояли большие баки с надписью «Жидкий азот». Рядом с ними находились большие, в человеческий рост, морозильные камеры. На полках внутри хранились зародыши, упакованные в тонкую серебряную фольгу.

Доктор Ву объяснил, что работа с ДНК требует остановки деления клеток в точно определенные моменты и для этой цели у них хранятся самые сильнодействующие яды.

— Гелотоксины, производные колхицина, бета-алкалоиды, — перечислял Ву, показывая на набор наполненных шприцев под ультрафиолетовой лампой. — Умертвляют все живое в течение секунды.

Разговоры о ядах малость оживили становящуюся все более скучной экскурсию. Блуждание по коридорам утомило почти всех: Лекси скучала, Недри откровенно зевал и даже доктору Сэттлер становилось неинтересно. Тим тоже устал от всех этих лабораторных сложностей. Ему хотелось увидеть динозавров.

Наконец, они вошли в очередную комнату с надписью «Инкубатор».

— Там внутри тепло и сыро — предупредил доктор Ву. — Мы поддерживаем внутреннюю температуру на уровне 37,2 градуса по Цельсию, относительную влажность в пределах 109 процентов. Мы так же увеличиваем содержание кислорода в воздухе до 33 процентов.

— Атмосфера юрского периода, — произнес Грант.

— Верно. Во всяком случае, мы так полагаем. Если кто-нибудь из вас почувствует, что у него кружится голова, сразу скажите мне.

Доктор Ву сунул карточку в щель и дверь инкубатора открылась.

— Напоминаю, внутри ни к чему не прикасаться. У некоторых яиц скорлупа пропускает жир кожи пальцев.

Внутри оказалось просторное помещение. На длинных столах под мощными инфракрасными лампами лежали яйца. Их бледные очертания были размыты шипящими стелющимися испарениями.

— У рептилий яйца содержат большое количество желтка. Однако воды внутри почти нет. Зародыш должен втягивать влагу внутрь из атмосферы. Для этого мы создаем туман. Скорлупа яйца сделана из пластмассы

. — В 1987 году «ИнДжин» купила агропромышленную компанию из Нэшвила, — пояснил Эд Реджис. — Эта компания запатентовала новый вид пластика, обладающего свойствами скорлупы птичьего яйца. Придав пластику соответствующую форму, в нем можно вырастить зародыш птенца. С 1988 года все производство пористого пластика находится в руках «ИнДжин» — и вы теперь видите, для каких целей.

— Именно так, — кивнул Ву, — зародыш мы помещаем внутрь механическим путем, а затем они у нас здесь вызревают.

— Сколько вы уже вывели динозавров? — спросил Грант.

— В нашем инкубаторе мы произвели уже более двух десятков выводков. В результате мы располагаем четыреста двадцатью восемью живыми экземплярами.

— А кто-нибудь сейчас должен вылупиться? — спросил Грант.

— Сейчас нет: у каждого животного свой период инкубации. Однако в среднем примерно раз в два месяца. Мы стараемся сделать так, чтоб они появлялись все разом и не осложняли работу обслуживающему персоналу. Конечно, выживают не все. Еще вопросы будут? Нет? Тогда пойдем в помещение для новорожденных.

В круглой белой комнате стояло несколько небольших инкубаторов, в данный момент пустующих. Спиной к двери, на полу сидела молодая женщина в белом халате, увлеченно рассматривающая что-то перед собой.

— Ну что, Кэти, кто тут у нас сегодня? — спросил доктор Ву.

— Ничего особенного, — ответила женщина. — Всего лишь маленький компи.

— Дайте посмотреть.

Женщина поднялась на ноги и отошла в сторону. Тим услышал за спиной голос Лекси:

— А он симпатичный. На ящерицу похож.

Маленький динозавр был размером чуть больше цыпленка: темно-зеленого цвета с коричневыми полосами вдоль спины. Крошечные передние лапки заканчивались маленькими шевелящимися пальчиками. Острой длинной мордочкой динозавр и впрямь походил на ящерицу, однако, в отличие от рептилии, уверенно стоял на задних лапах, сохраняя равновесие при помощи хвоста.

— Прокомпсогнатусов мы выводим чаще других, — заметил Ву, — у нас их уже шестьдесят восемь. Грубо говоря, каждый пятый выведенный нами ящер — это компи.

— Так много? — удивился Грант, — зачем вам они?

— Понимаете, мы хотим, чтобы Парк юрского периода был как можно реальнее с точки зрения существовавших тогда природных условий, а санитарями юрского периода и были прокомпсогнатусы. Как сейчас шакалы. Поэтому мы и создали их, чтобы они нам тут все чистили.

— То есть пожирали падаль?

— Много падали у нас не бывает: на острове всего около четырехсот тридцати особей, — объяснил доктор Ву. — Мы создавали компи не столько из-за проблемы падали, сколько из-за совершенно другого вида отходов.

— Какого вида?

— Видите ли, — начал доктор Ву, — у нас на острове живут очень крупные травоядные динозавры. Сами можете представить, сколько навоза производит стадо брахиозавров, каждый из которых раз в десять больше слона. К сожалению, за шестьдесят миллионов лет, прошедших с тех пор, как вымерли динозавры, бактерии, которые разлагали их помет, видимо, так же исчезли. Во всяком случае, экскременты ящеров не разлагаются очень долго.

— Да, это серьезная проблема, — согласился Малкольм.

— Это очень серьезная проблема, — продолжал доктор Ву. — Сколько времени мы потратили, чтобы решить ее. Вы, конечно, знаете, что в Африке живет навозный жук, который поедает экскременты слона. У многих других крупных животных существуют, как сказать, партнеры, цель существования которых — убирать за другими. В общем, прокомпсогнатусы поедают экскременты крупных травоядных. Их собственные экскременты вроде бы разлагаются с помощью существующих бактерий. Короче, если у нас будет достаточно этих животных, наша проблема будет решена.

— Почти семьдесят экземпляров, — повторил Малкольм. — Трудно, наверное, уследить за всеми ними?

— Наш контрольный пост именно для этого и был создан. Там вам покажут, как это делается.

— Да, хотелось бы, — сказал Малькольм.

Грант протянул руку, пытаясь взять детеныша на руки, но тот резко отпрыгнул в сторону. Из маленькой пасти вырвалось угрожающее шипение.

— Осторожно, укусит! — вырвалось у Элли.

— Нет-нет, — успокоил ее Ву, — этот не может никого укусить, пока маленький. У этих детенышей нет никаких зубов, даже яичных.

— Яичных? — спросил Недри.

— Большинство видов динозавров рождаются с небольшими зубами — скорее маленькими шипами на кончике носа. Они нужны им, чтобы вылупиться из яиц. Но велоцирапторы, компи и некоторые другие виды расковыривают дырку в скорлупе с помощью заостренной мордочки, а наши сотрудники помогают им выбраться.

— Значит, это вы им помогаете выбраться наружу, — заметил Грант. — А на воле?

— На воле?

— Ну да, на воле. Когда они рождаются в своем гнезде.

— Нет, это невозможно, — возразил доктор Ву. — Ни один из наших экземпляров не способен размножаться. Поэтому-то мы и создали, так сказать, детсад для динозавров

— А почему они у вас не размножаются?

— Ну, вы, наверное, и сами понимаете, почему мы перекрыли им эту возможность, — начал объяснять доктор Ву. — чтобы не было неконтрольного размножения, все экземпляры, выведенные в Парке юрского периода — самки.

— А это кто-нибудь проверяет? — спросил Малкольм, — Грубо говоря, кто-нибудь задирает им, так сказать, юбки, чтобы проверить пол?

— Они самки потому, что мы их такими делаем, — ответил Ву. — Мы управляем их набором хромосом и средой обитания зародыша внутри яйца. С точки зрения

биотехнологии, самок вообще выращивать проще. Любой зародыш изначально наследует женский генетический код. Иными словами, мы все рождаемся самками. Чтобы развивающийся эмбрион превратился в самца необходимо дополнительное воздействие, то есть, в ходе развития должен появиться дополнительный гормон. Но если этого не произойдет, зародыш разовьется в самку. Мы этот гормон не добавляем и, как следствие, все наши животные самки и, соответственно, не размножаются.

— Сара будет в восторге, — заметил Малькольм, — торжество феминизма в отдельно взятом биоценозе. Кстати, что с ней? Она должна была уже приехать.

— Буквально за несколько минут до начала экскурсии мисс Хардинг связалась с нами, — сказал Реджис, — какие-то сложности в навигации из-за которых они выбились из графика. Но сейчас катер уже подходит к южному причалу, а потом вертолет отвезет ее сюда. На экскурсии в Парке она будет точно. Ну, а пока, пройдемте в виварий.

Чтобы добраться до вивария пришлось зайти в большой лифт, перемещавшийся в расположенной с внешней стороны горы стеклянной трубе. Лифт доставил гостей на находившуюся примерно в двухстах футах выше лабораторий обширную террасу, огороженную высоким забором. Его искусно маскировали деревья и большие папоротники, превращавшие террасу в подобие экзотического сквера.

— Раньше здесь было что-то вроде висячих садов, — пояснил Реджис, — только выращивались, разумеется, не цветы, а разные полезные культуры. Аборигены создали довольно сложную систему орошения из горных ручьев, ну а мы, соответственно, приспособили ее для наших нужд.

Со всех сторон слышалось журчание ручейков и небольших водопадов, стекавших со склонов гор. Они наполняли небольшие пруды, красиво выложенные разными породами камня и украшенные папоротниками и яркими цветами. Пруды не пустовали — в них плавали или неподвижно лежали водяные черепахи, змеи и небольшие, футов в пять, крокодилы, напоминавшие поросшие тиной бревна. Из других прудов доносилось кваканье и Грант, заглянув туда, увидел разнообразных лягушек, жаб и саламандр. На ветвях деревьев восседали гекконы и квакши, парили малайские «летучие дракончики», скользили древесные змеи. В больших же террариумах находились прочие пресмыкающиеся — от мелких ящериц до варанов и удавов. В воздухе стоял удушливый запах мускуса и гниющей растительности.

— Фу! — сморщилась Лекси при виде проползшей рядом с ней тонкой змеи, — какое противное местечко.

— Не волнуйтесь, мисс Мерфи, — сказал Реджис, — свободно обитают на деревьях лишь самые безопасные виды, ядовитые змеи изолированы от посетителей.

— Я и не боюсь, — фыркнула девушка, — просто они мерзкие.

— Позвольте представить вам Жана-Франсуа Шарьера, профессора кафедры зоологии из Монреальского университета, — сказал Реджис.

Смотритель вивария оказался высоким тощим стариком, с морщинистой кожей и с козлиной бородкой на костистом подбородке. Выпуклыми черными глазами и полными губами, он напомнил Гранту одну из плававших в террариумах саламандр. Просторный белый халат не мог скрыть недостатки на редкость уродливой фигуры — словно у доктора были некие дефекты позвоночника. Здороваясь, Грант отметил, что кожа доктора необычайно холодная и грубая, словно ороговевшая.

— У нас около пятидесяти различных видов рептилий и амфибий, — рассказывал

Шарьер, проводя их меж вольеров и террариумов, — в основном фауна Юго-Восточной Азии, хотя есть виды и из Африки и Америки. Хлыстохвостая ящерица, например, обитает только в северной Мексике и на юго-западе США.

Он остановился возле террариума, наполненном сухой землей и камнями, среди которых росло несколько кактусов. Между ними мелькали небольшие ящерицы — коричневые, с желтыми полосками. Ближе к хвосту их чешуя становилась синей.

— Я много лет работал именно с этими рептилиями, — пояснил Шарьер, — и не мог не захватить хоть один террариум. Обитают тут и другие «американцы»: так в нашем серпентарии есть несколько гремучников, а на крокодиловой ферме прекрасно себя чувствует выводок миссисипских аллигаторов из Луизианы.

— Крокодиловая ферма? — переспросил Грант, — то есть, этот виварий не единственный?

— Нет, конечно, — усмехнулся Шарьер, — здешняя работа требует большого видового разнообразия. Внизу есть крокодиловая ферма — там не только миссисипские, но и китайские аллигаторы, три вида кайманов, гавиалы, сиамские, американские и гребнистые крокодилы. Все это, конечно же, под особой охраной, также как и серпентарий с ядовитыми змеями. В нем, кстати, не только змеи, но и мексиканские ядозубы и древесные листолазы из Южной Америки — одно прикосновение к этим лягушкам смертельно опасно для человека. Также у нас есть три птичника — в одном мы содержим домашнюю птицу: кур различных пород, уток, гусей, индеек. Другой птичник, так сказать, общий — там содержатся самые разные птицы: от попугаев до казуаров и эму. И третий — с хищными птицами. Орлы, ястребы, грифы, есть даже одна птица-секретарь.

— И все эти птицы и пресмыкающиеся используются вами как доноры? — спросил Грант, — от них вы берете яйцеклетки?

— Среди прочего, — кивнул Шарьер, — у них множество назначений. Например, когда мы работаем с ферментарным материалом, зачастую, чтобы восстановить всю цепочку ДНК приходится включать в нее фрагменты ДНК животных других видов. Порой это ДНК птиц, а порой — рептилий и даже амфибий. Кроме того, на этой базе можно порой вывести и иные виды, не имеющих отношения к динозаврам, но тоже интересных для посетителей. Так, используя яйцеклетку комодского дракона, мы вывели мегаланию, исчезнувшего исполинского варана из Австралии. А на базе генетического материала черного каймана нам удалось воссоздать пурозавра, исполинского каймана из Южной Америки. Он у нас обитает отдельно от остальных крокодилов — все же, больше тридцати футов в длину, заслужил отдельного вольера.

— Тридцатифутовый крокодил, — покачал головой Дженнаро, — с ума сойти.

Шарьер разразился каким-то шипящим смехом.

— Поверьте, это не самая большая тварь в наших водах. А насчет птичника то домашняя птица используется, среди прочего, и по своему прямому назначению — кур скармливают животным, да нам на стол попадает не мало. Так что нагетсами и чикенбургерами посетители не будут обижены.

На этой кулинарной ноте экскурсия по виварию подошла к концу — Шарьер подвел их туда, где терраса соприкасалась с горой. У ее подножия стоял еще один шедевр давно ушедшей расы — громоздкий идол из светло-зеленого камня. Больше всего он напоминал усевшуюся на корточках огромную жабу или ящерицу, с коротким толстым хвостом и перепончатыми лапами, сложенными на большом животе. Как не странно у идола имелось и

нечто человеческое — Грант с удивлением увидел нависавшие над животом выпуклости, весьма смахивающие на женские груди. Безобразная морда расплывалась в широкой ухмылке, обнажавшей большие острые зубы. Меж выпученных глаз журчал стекавший с горы ручей, наполнявший вырубленный в камне обширный бассейн с прозрачной как слеза водой. Заглянув внутрь Грант увидел черную тварь, напоминавшую огромную ящерицу с голой кожей, покрытой большими пупырышками.

— Что это? — спросил он Шарьера.

— Японская гигантская саламандра, — ответил доктор, — подарок от инвесторов.

— Я вот про это, — Грант показал на статую, — что это за идол?

— Видимо, здешний бог плодородия, — пожал плечами Шарьер, — точнее богиня — вон, видите груди. Это не единственная терраса и везде стоит похожая статуя.

— Та еще красotka, — хихикнула Лекси. Вслед за ней улыбнулась и Элли, внимательно рассматривавшая странный идол.

— Спасибо за экскурсию, доктор, но нам пора, — сказал Реджис, — теперь пройдем на командный пункт.

Шарьер кивнул в ответ и, развернувшись, исчез в зарослях. За спиной идола, обнаружился небольшой грот, в дальнем конце которого находилась очередная железная дверь. Вставив карточку, Реджис открыл ее и пригласил гостей пройти в очередной коридор, проведший их к лифту. Там они спустились на два этажа ниже и оказались в просторной темной комнате, напоминающей центр управления космическим полетом. На вертикальной стеклянной панели виднелась прозрачная карта Парка, огороженного с одной стороны рекой, а с другой — морским побережьем. Вдоль другой стены вытянулся ряд светящихся экранов компьютеров. На одних мониторах была выведена какая-то информация, на других — их было большинство — изображения происходящего в разных частях Парка. В комнате находились два человека. Один из них, сидя у компьютера, курил сигарету, второй стоял рядом, что-то негромко втолковывая первому.

— Слева — наш главный инженер Джон Арнольд, — объяснил Реджис. — Рядом с ним стоит смотритель Парка, Шон Кортни, знаменитый охотник из Южной Африки.

Джон Арнольд был худым мужчиной, лет сорока пяти, в мятой клетчатой рубашке и потертых джинсах. Худое, преисполненное усталого скептицизма, лицо пожелтело от табачного дыма, как и зубы. Шон Кортни выглядел более колоритно: лет на десять младше главного инженера, он носил штаны цвета хаки, странную обувь, напоминающую мокасины и охотничью рубашку с рукавами, отрезанными выше локтей. Под загорелой кожей перекачивались крепкие мускулы. Узкую талию охватывал широкий пояс, с которого свисал большой нож в кожаных ножнах. Длинные, почти до плеч, иссиня-черные волосы были стянуты кожаным ремешком. Он равнодушно поздоровался с мужчинами, но в синих глазах блеснуло дерзкое восхищение при виде Элли и Лекси.

— Ну, слава Богу, — Тима услышал голос сестры, — хоть что-то интересное за весь день.

Кортни, услышав ее, широко улыбнулся, сверкнув белоснежными зубами и Лекси также улыбнулась ему в ответ. Они какое-то время мерились взглядами, откровенно восхищаясь друг другом, пока голос Реджиса не вернул их к реальности.

— Если вас что-то интересует, вы можете задать свои вопросы прямо сейчас.

— Меня интересует, — сказал Малькольм, — здесь ведь находится ваша система контроля?

— Именно так, — заявил Арнольд и закурил очередную сигарету, — причем невероятно надежная система контроля

— Даже так? — поинтересовался Дженнаро, — и в чем это выражается?

— Например, в слежении за ящерами. — Арнольд нажал клавишу, и на висящую на стене карту, закрытую стеклом, наложилась сетка ломаных линий.

— Это наш молодой Т-рекс. Маленький рекс. Здесь воспроизведены все его перемещения по Парку за последние четыре часа. — Арнольд еще раз нажал клавишу. — А вот то, что было вчера. — Очередное нажатие на клавишу. — А это — позавчера.

Линии наслаивались друг на друга, напоминая детские каракули. Все они сосредоточены в одном месте неподалеку от озера.

— Вы видите, у него есть своя территория, — сказал Арнольд. — Он молодой, поэтому предпочитает держаться возле воды и подальше от взрослых тиранозавров. Их у нас двое и их пути никогда не пересекаются, как и у маленького рекса.

— А где сейчас большие рексы? — спросил Дженнаро. Арнольд нажал другую клавишу. Сетка исчезла, зато на полях появилось два светящихся пятна с условным цифровым обозначением — одно двигалось вдоль реки, второе — в самой глубине парка, рядом с небольшим синим пятном, обозначающим какой-то водный объект.

— Они здесь. Тиранозавры стараются держаться подальше от озера — им неохота столкнуться с мозазавром или спинозавром. А маленький тиранозавр боится водных ящеров все же меньше, чем собственных собратьев.

— А где сейчас маленький тиранозавр?

— Черт, да я сейчас вам покажу всех животных в Парке! — воскликнул Арнольд. Карта начала зажигаться, будто рождественская елка, одновременно вспыхивала не одна дюжина световых пятен, каждое было снабжено своим номером.

— Вот где находятся в данный момент все четыреста двадцать восемь ящеров.

— А с какой точностью это показано?

— До полутора метров. — Арнольд снова затыкнулся сигаретой.

— А как часто выясняется их местонахождение?

— Каждые тридцать секунд.

— Что ж, это впечатляет, — сказал Дженнаро. — А каким образом удастся этого достичь?

— По всему Парку установлены датчики, — пояснил Арнольд. — Большинство передают информацию по проводам, а некоторые — по радио. Естественно, датчики не могут сказать, о каком виде ящеров идет речь в том или ином случае, но у нас есть система распознавания видеообразов. И даже если мы не смотрим на монитор, это делает за нас компьютер. Он проверяет местонахождение каждого ящера.

— Понятно, — протянул Малкольм. — А это когда-нибудь проверялось?

— Ну, в некотором смысле да, — сказал Арнольд. — У нас погибло несколько животных. Пара микроцератопсов запутались в лианах и погибли от удушья. Один из стегозавров умер от желудочно-кишечного заболевания. Майязавр упал и сломал себе шею. И в каждом случае, как только животное переставало двигаться, поступление цифровых данных прекращалось, и компьютер подавал сигнал тревоги.

— А датчики установлены по всему Парку?

— Они позволяют просматривать восемьдесят два процента территории, — сказал Арнольд. — Мы не можем ими воспользоваться в некоторых местах. К примеру, на реке

поскольку поднимающиеся над поверхностью воды испарения мешают работе датчиков. То же самое с озером — правда, за ним следят камеры установленные на горе, да и в любом случае, мозазавр вряд ли захочет вылезти на сушу. Но практически во всех других местах датчики установлены.

— Так, теперь вот еще что... — сказал Малкольм. — Мне говорилось, что у вас выведено шестьдесят восемь этих самых...прокомпсогнатов. А если бы я заподозрил, что не все они принадлежат к данному виду? Как бы вы мне доказали, что я не прав?

— Очень просто, — Арнольд нажал несколько клавиш, и на одном их мониторов замелькали изображения компи, с первого по шестьдесят восьмой номер.

— Эти картинки представляют собой идентификационные образы: самые свежие данные за последние пять минут.

— Значит, вы можете увидеть всех ящеров?'

— Да. Я в любой момент могу посмотреть на животных.

— А что вы скажете об условиях их содержания? — поинтересовался Дженнаро. — Они могут убраться из заповедника?

— Никоим образом, — заверил его Арнольд. — Это дорогие животные, мистер Дженнаро. И мы очень хорошо о них заботимся. Существует множество заграждений. Во-первых, рвы с водой. — Он нажал другую клавишу, и карта покрылась сеткой оранжевых линий. — Раньше это были каналы, которые аборигены использовали для орошения. Также их использовали и во времена правления Пенвордов. Мы расчистили эти каналы, углубили там, где сочли необходимым и заполнили водой. Для особенно крупных животных рвы могут быть глубиной до девяти метров. Во-вторых, есть колючая проволока, по которой пропущен электрический ток. — На карте засветились ярко-красные линии. — У нас тысячи километров заграждений высотой три с половиной метра и все они под напряжением в десять тысяч вольт. Ящеры быстро соображают, что к ним не следует подходить близко.

— Ну а если кто-нибудь все-таки выберется? — спросил Дженнаро. — Ну, чисто гипотетически.

Шон Кортни, о чем-то шептавшийся с Лекси, откашлялся, привлекая к себе внимание.

— Мы пойдем в Парк и водворим животное на место, — сказал он. — Для этого существует масса способов: электрошок, сети под высоким напряжением, транквилизаторы. Все это не смертельно, потому что, как сказал мистер Арнольд, ящеры — очень дорогие животные.

— А что насчет системы контроля? — поинтересовался Дженнаро. — Сквозь нее можно прорваться?

Арнольд покачал головой.

— Система непробиваема. Компьютер существует совершенно автономно. У него автономное питание, запасное питание тоже автономное. Система не общается с внешним миром, поэтому на нее нельзя повлиять извне. Безопасность полностью гарантирована — мы сделали все, чтобы это стало возможным.

— Вы можете отсюда, из этой комнаты, управлять всем Парком? — спросил Малькольм

— Да, — кивнул Арнольд. — Если придется, я могу справиться даже в одиночку. Тут все автоматизировано.

— Эту систему спроектировал мистер Недри? — спросил Малкольм.

Деннис Недри, уже перешедший из статуса экскурсанта к обслуживающему персоналу, сидел за терминалом в дальнем углу и стучал по клавишам.

— Да, это так, — подтвердил Недри, не поднимая глаз.

— Это потрясающая система, — с гордостью вставил Арнольд.

— Верно, — откликнулся Недри. — Осталось доработать пару мелких деталей.

— Ладно, — сказал Реджис. — сейчас я предлагаю разойтись по номерам, чтобы подготовиться к завтрашней экскурсии. Если у вас больше нет вопросов...

Тим отметил, что Шон Кортни что-то шепнул на ухо Лекси. На лице девушки расплылась широкая улыбка и она, подмигнув охотнику, первой направилась к выходу. Тим поплелся за ней, терзаясь внезапным приступом ревности. Вслед за ним двинулись и остальные.

Идя к выходу, Дженнаро произнес:

— По-моему, это отличная система. Все животные под контролем.

— Неужели? — поднял брови Малкольм. — А по мне так все еще хуже, чем я думал.

— Погодите, — опешил Дженнаро. — Вы по-прежнему думаете, что все пойдет наперекосяк?

— Я не думаю, а знаю.

— Но как? — воскликнул Дженнаро. — Вы же сами видели. Они могут сосчитать всех ящеров. Могут на всех посмотреть. Они постоянно в курсе их перемещений. Как ситуация может выйти из-под контроля?

Малкольм снисходительно улыбнулся.

— Элементарно, — сказал он, — очевидно, что в этом парке все висит на волоске.

— С чего вы взяли?

— Из сегодняшних разъяснений

— Сегодняшних разъяснений? — повторил, нахмурившись, Дженнаро.

— Да, — кивнул Малкольм. — Ну, посудите сами. Один только метод, которым здесь решили предотвратить размножение животных, есть пример вопиющей некомпетентности. Перед нами животные, может и достаточно высокоразвитые, но все же животные. Их потребности определяются обычными для них инстинктами. Инстинкт самосохранения, инстинкт размножения... Но если безопасность и корм им обеспечивают, то лишив их возможности нормально реализовать свои половые инстинкты, создатели парка заложили мощнейшую бомбу под все предприятие. Даже у людей все, что связано с сексом и размножением есть одна из самых иррациональных сфер, особо подверженных хаотическим колебаниям. Мы же имеем дело с животными, не способными заглушить соответствующие позывы, отвлечься на что-то рациональное. Лишенные возможности к нормальной половой жизни и размножению, они станут вести себя непредсказуемо, это совершенно очевидно. И это только один пример. Вообще, в Парке открывается такой простор для хаотических изменений, что даже у меня волосы встают дыбом.

— Мне кажется, что вы сгущаете краски, — недоверчиво сказал Дженнаро.

— Я уверен, что завтрашнее путешествие докажет вам мою правоту, — ответил Малкольм.

Морские валы толкали и бросали Дженни в разные стороны, увлекая на глубину. На секунду подавшись панике, девушка что есть силы забила ногами и внезапно вынырнула на поверхность, жадно глотая воздух. Вокруг простиралась сплошная вода — катер превратился в небольшую точку, исчезающую в туманной дали. Впрочем, Дженни и не стремилась догнать судно, прекрасно помня, как она очутилась в океане. Девушка попыталась оглядеться, но толкавшие ее волны, не давали это сделать, тогда как течение увлекало ее в открытое море. Дженни попыталась плыть против течения, но ее ботинки были слишком тяжелыми, мешая ей нормально передвигаться. Чтобы избавиться от ботинок, она набрала воздуха, нырнула головой вниз и попыталась расшнуровать обувь. Пока она распутывала узлы, легкие горели от морской воды. Океан свирепо швырял ее вперед-назад, но все же ей удалось стянуть один ботинок. Нужно было выбросить его, но Дженни, словно жалея о потерянной обуви, почему-то не сделала это. Она вынырнула на поверхность, держа ботинок в руке и оглядываясь по сторонам.

Что-то большое, с шершавой, будто наждак кожей, прошлось рядом с Дженни, оцарапав ей руку. Тут же на поверхности воды появился треугольный плавник, описавший вокруг девушки широкий круг.

Акула!

Новый, еще больший, страх объял запаниковавшую девушку. С трудом удерживаясь на воде, она развернулась лицом к хищнику, стараясь не упускать рыбу из виду. Судя по плавнику, акула была относительно невелика, но это выглядело слабым утешением — чтобы растерзать Дженни ее вполне хватит.

Остроконечный плавник устремился к Дженни. Та гребла по-собачьи, руками и ногами, продолжая удерживать сорванный ботинок за голенище. Когда акула подплыла совсем близко, девушка что есть силы ударила ее каблуком по носу. Акула, хлестнув хвостом, резко повернула в сторону. Дженни воспользовалась этой передышкой, чтобы стянуть с ноги второй ботинок. Тем временем акула, описав очередной круг, вновь устремилась на Дженни. В отчаянии девушка просто швырнула в рыбу обувь. Зубастая пасть ухватила ботинок и, кромсая нежданную поживу острыми зубами, акула устремилась на глубину. Тут же Дженни почувствовала за спиной некое движение и, обернувшись, увидела, как к ней приближается еще один плавник. В отчаянии Дженни запустила вторым ботинком, но промахнулась, а акула даже не замедлила скорости. Вот над головой девушки поднялась очередная волна и Дженни увидела перед собой оскаленную зубастую пасть. Решение пришло неожиданно: сорвав куртку, Дженни набросила ее на голову хищницы и что есть силы саданула кулаком по носу. Акула забилась, пытаясь стряхнуть неожиданную ловушку, и исчезла в волнах.

Новая волна приподняла Дженни и девушка с внезапно вспыхнувшей надеждой увидела совсем близкий берег. Теперь уже ей не приходилось плыть против течения — море само несло ее на острые скалы, меж которых с шумом разбивались огромные валы, разлетаясь во все стороны брызгами белоснежной пены.

Акулы больше не появлялись, видимо, опасаясь приближаться к линии прибоя. Дженни тоже хотела бы избежать соприкосновения с ней, но выбора ей никто не предоставлял. Паника вновь объяла ее, когда девушка поняла, что у нее не хватит сил, чтобы перебороть ужасающий прибой. И вдруг журналистка увидела небольшой просвет между скалами, за

которыми виднелся песчаный берег.

Волна ударила ей в лицо, залив рот, и Дженни закашлялась. Преодолевая дикий ужас женщина опустила голову и принялась мерно загребать руками и ногами, стараясь изо всех сил. Движения она не чувствовала, только над головой прокатывались волны прилива. Не осмеливаясь посмотреть вперед, она еще сильнее била ногами по воде, преодолевая сопротивление воды. Приподняв голову для очередного вдоха, Дженни увидела, что желанный просвет стал куда ближе.

Дженни взбодрилась, но и испугалась — она так ослабла! Руки и ноги болели от напряжения, легкие горели. Она снова закашлялась, набрала в грудь еще воздуха, опустила лицо в воду и поплыла. Даже под водой она слышала тяжелое уханье прибоя о скалы. Дженни рвалась вперед, выкладываясь до конца. Течение бросало ее то вправо-влево, то вперед-назад. Все усилия шли насмарку. Но она пыталась снова и снова. Когда волна снова подбросила ее, Дженни подняла голову, чтобы перевести дыхание, и с радостным удивлением обнаружила, что проход совсем рядом. Еще несколько гребков, и она сможет проскочить. Девушка снова нырнула и заколотила ногами, выкладываясь на все оставшиеся силы. Тело едва слушалось, еще немного — и силы покинут ее. Гул прибоя стал громче, она снова рванулась вперед, и внезапно огромная волна подхватила ее, подняла и повлекла вперед. Сопротивляться Дженни уже не могла — из последних сил, она вынырнула на поверхность и увидела, как рядом с ее лицом проносится огромная скала, облепленная водорослями и ракушками. В следующий миг Дженни увидела перед собой полоску пляжа, к которой подходили густые зеленые заросли. Волны мягко вынесли ее на берег и Дженни, устало всхлипнув, повалилась на песок, потеряв сознание едва ее щека коснулась земли.

Очнувшись она от жажды и голодного бурчания в животе. Поднявшись на ноги, Дженни первым делом окинула взглядом бушующее море: катера нигде не было видно, что ее только порадовало. Впереди нее рокотал прибой, позади шелестели листьями раскидистые пальмы. Из глубины леса слышались крики каких-то птиц и разные шорохи. Дженни оглядела себя — из одежды осталась только мокрая насквозь майка и такие же мокрые джинсы. Она обшарила себя по карманам, но, кроме безнадежно испорченной зажигалки и пригоршни бесполезной здесь мелочи, ничего не нашла. Молодая женщина беспомощно огляделась и заметила, что она не единственное живое существо на берегу: по стволу большой пальмы медленно карабкалось мерзкого вида создание, похожее на огромного краба, с панцирем, с диаметром, по меньшей мере, в фут. У корней пальмы копошилось еще несколько подобных тварей, катавших какие-то округлые предметы. Обрывочные воспоминания всплыли в мозгу Дженни и она, вооружившись длинной палкой, вступила в бой с пальмовыми ворами. Вскоре она стала обладателем нескольких кокосовых орехов, которые она и разбила найденным на берегу камнем. Вдоволь напившись кокосового молока и наевшись нежной мякоти, Дженни почувствовала, как у нее, наконец, немного поднялось настроение. Оставалось только понять, как выбраться к более-менее людным местам.

Оглядевшись по сторонам, Дженни увидела в двухстах футах от нее скопление огромных скал — тех самых, о которые она чуть не разбилась в прибое. Самый высокий из утесов, футов на двадцать возвышался над окрестным лесом. Распугивая чаек, давно облюбовавших скалу, Дженни вскарабкалась по крошащемуся под ее пальцами утесу и, усевшись на вершине, принялась осматривать окрестности.

Перед ней, сколько хватало глаз, простиралось зеленое море джунглей. Справа высилась исполинская гора, весьма зловещего вида и Дженни сообразила, что это та самая вершина,

что дала имя острову. Прямо же перед ней, в нескольких местах, над лесом поднимались еще возвышенности — холмы или небольшие горы. Ничего похожего на присутствие человека Дженни так и не обнаружила, что впрочем, мало что значило: ее выбросило в самую безлюдную часть острова. Определенно люди должны находиться возле Горы Черепа — те самые люди, которых ей предстояло разоблачать. Впрочем, сейчас у нее имелись более актуальные проблемы, нежели интриги Пенворда. К тому же у Дженни появились новые вопросы: если Даррен знал, с кем водит дружбу Сара Хардинг, это меняло слишком многое. Сейчас первостепенной задачей ей представлялось как можно скорей добраться до Хэммонда и рассказать ему, что под видом делегации злосчастных беженцев на остров пробраются отъявленные террористы.

Дженни припомнила виденные ранее карты острова и поняла, что до Горы Черепа слишком далеко. Но она знала, что где-то впереди текла река, которая, наткнувшись на скальный массив, поворачивает на юг. Там же создано что-то вроде водохранилища, за которым в любом случае должен кто-то присматривать. Судя по всему, этот массив должен быть среди тех гор, что она видит перед собой. Там же, наверное, протекает и река, а вдоль нее, если верить картам, простерлись поля и плантации, устроенные еще во времена Пенворда. И, что немаловажно, эти скалы куда ближе, чем Гора Черепа. Даже если Дженни ошибется и выйдет не к той скале, то все равно окажется не так уж далеко от водохранилища.

Ее раздумья прервал донесшийся из глубины джунглей рев, не похожий ни на одно животное, что ей приходилось слышать и в то же время смутно знакомый. Подобный звук могла издавать лягушка невообразимой величины. По спине Дженни пробежали крупные мурашки, при мысли о том, что опасности подстерегают ее тут. Однако выбора у нее не было: справившись с минутной робостью, Дженни спустилась со скалы и, осторожно ступая босыми ногами по рыхлой земле, вошла под полог тропического леса.

Разные хлопоты

— Лекси! — Тим отчаянно затарабанил в дверь душевой, — ну сколько можно?

— Не ной, Тимми, — сквозь шум воды до него донесся смешок, — сходи в кустики, если тебе приспичило.

— Сучка! — выругался Тим, но тихо, чтобы сестра не услышала: подобных вольностей она не прощала и Тим, давно наученный горьким опытом, старался не злить Лекси сверх меры. Нетерпеливо переступая с ноги на ногу, он мысленно клял деда, который, похоже, по-прежнему считает, что его внукам по пять лет, а значит им можно жить в сдвоенном номере. Хорошо еще, что тут две спальни — Тим в первую ночь и так весь извелся, понимая, что сестра спит в соседней комнате, по своему обыкновению без нижнего белья. Однако санузел, совмещенный с душевой, оказался один на двоих — и Лекси могла занимать душ чуть ли не часами.

Наконец хлопнула дверь и Лекси вышла в комнату: восхитительно свежая, с бисеринками капель на загорелой коже, благоухающая мылом и дезодорантом. На ней был лишь легкий халат, полы которого то и дело распахивались, открывая обнаженное тело, доведенное до совершенства годами занятий аэробикой и фитнесом. Закинув ногу за ногу, Лекси уселась у зеркала, перед которым, словно армия на параде, выстроились тюбики с помадой, лаком, тушью и прочими косметическими принадлежностями.

— Ты еще здесь? — не оглядываясь, бросила девушка, — кажется, ты куда-то спешил.

Тим вошел в туалет, захлопнув дверь чуть громче, чем следовало. Однако Лекси не обратила внимание на эту дерзость — когда Тим вышел, она крутилась перед зеркалом, одетая в изумрудно-зеленые лосины и такого же цвета топ, обнажавший идеально плоский живот. Светлые волосы, уже просушенные феном, взметались золотистой волной при каждом движении девушки.

— Как я тебе, Тимми? — спросила она, подмигнув брату в зеркале, и парень невольно улыбнулся в ответ.

— Идеально, как всегда сестренка, — ответил Тим, — твой новый парень будет в восторге.

— Пока еще не мой, — Лекси озабоченно бросила взгляд в зеркало, — этот Шон круче всех, кого я знала. Рон Тайлер рядом с ним просто щеночек.

Рон Тайлер был капитаном школьной команды по регби и парнем Лекси последние два года, пока, месяц назад, они не расстались.

— Мы с Шоном встречаемся у бассейна, — сказала Лекси, выгибая шею в попытке рассмотреть свой подкачанный зад, — надеюсь, мне хватит времени привести себя в порядок.

Тим буркнул что-то утвердительное и уткнулся в прихваченную с собой толстую книгу, украдкой наблюдая за Лекси. Та все еще наводила макияж, мурлыча под нос популярный мотивчик. Несмотря на их сложные отношения, Тим гордился сестрой — настоящей школьной знаменитостью. Последние два года она была бессменным капитаном школьной команды черлидинга, а также занимала все призовые места в межшкольных соревнованиях по женскому бейсболу, что автоматически обеспечило ей поступление в колледж по квоте для спортсменов. Дома, пользуясь тем, что она не только старше, но и сильнее Тима, Лекси порой гнобила брата, но при этом никому не позволяла обижать его в школе. Это испытал на

себе Рик Мартинес, самоуверенный новичок, на два года старше Тима, когда решил самоутвердиться за счет «ботаника». Лекси оказалась рядом на перемене, когда Рик попытался выкинуть из окна орущего и брыкающегося Тима. Лекси коротким ударом расквасила Рику нос, а потом, ухватив его за волосы, втокнула в женский туалет. Как рассказывали Тиму восхищенные одноклассницы, оказавшиеся в тот момент в туалете, Лекси сначала ловкой подсечкой сбила Рика с ног, а потом буквально вытерла им пол. После этого Мартинес вел себя тише воды, ниже травы, а там и вовсе перевелся в другую школу. И хотя Тиму было неудобно, что за него заступает старшая сестра, тем не менее, греться в лучах ее славы оказалось довольно приятно.

Лекси закончила макияж и, ухватив сумку, порхнула мимо Тима, небрежно потрепав брата по макушке.

— Я вернусь поздно, Тимми, — пропела она, — так что номер твой на весь вечер. Постарайся провести его также весело, как собираюсь сделать я.

Ее же будущий ухажер, в данный момент был настроен не столь благодушно — еще и потому, что перед встречей с красивой девушкой, ему приходилось объяснять ее упрямому деду очевидные, казалось бы, вещи.

— Воля ваша, мистер Хэммонд, но я бы повременил с этой экскурсией.

— О господи! — скривился Хэммонд, — и вы туда же. Вас что, покусал чертов Малькольм?

Миллиардер стоял среди командного центра, раскачиваясь на пятках: он всегда так делал, когда выходил из себя. Шон сидел напротив него на жалобно поскрипывавшем компьютерном столике, вытянув перед собой длинные ноги. Его обнаженные руки, покрытые густым загаром, были скрещены на груди. Рядом с ним, на вращающемся стуле сидел Арнольд, а в углу, уткнувшись в экран компа, стучал по клавишам Недри.

— Мистер Хэммонд, у нас недавно удрал один из ящеров, — напомнил Шон, — причем удрал довольно далеко. Вы были буквально в шаге от разоблачения — и чтобы предотвратить это двое моих парней расстались с жизнью.

— У вас здесь нет никаких «ваших парней», — напомнил Хэммонд, — все эти люди работают на меня. Признаю, вы отлично справились — и приняли все меры, чтобы это больше не повторилось? — он бросил строгий взгляд на Арнольда, — как вообще получилось, что эта тварь сбежала?

Главный инженер откашлялся.

— Был сильный дождь, — сказал он, — вода размыва одну из дамб и уровень воды повысился настолько, что стиксозавры вылезли наружу. Признаюсь, мы совершили ошибку...

— Вот именно, — поднял палец Хэммонд.

— Но мы не так хорошо знаем этих животных, чтобы предугадать все вариации их поведения, — продолжал Арнольд, — до этого момента ничто не указывало на то, что стиксозавры вообще выходят на сушу. Оказывается, что выходят — и даже могут проползти немалое расстояние. Одного мы успели перехватить, но второй ускользнул в реку, а через нее попал и в море. Если бы не мистер Кортни, то...

— Я уже говорил, что Шон отлично справился, — нетерпеливо сказал Хэммонд, — но насколько я понял, никто посторонний его так и не увидел?

— Я бы не был в этом так уверен, — покачал головой Шон, — с одной стороны, если бы его кто-то увидел, об этом бы уже писали газеты, но с другой — когда мы его нашли, тварь

явно уже приобрела какой-то опыт охоты на человека. Так что если кто и встретился с нашим ящером...то вряд ли пережил это.

— Ну, это ваши догадки, — отмахнулся Хэммонд, — как бы то ни было — сейчас ящер на месте. Никто ведь не видел, как вы его ловили? Нет? Ну, значит и беспокоиться нечего. Что вы сделали, чтобы это не повторилось?

Шон пожал плечами.

— Укрепили дамбу и нарастили ограду над ней, — сказал он, — и провели над ней проволоку, по которой электрический ток. Раньше думали, что в этом нет нужды, потому что ящеры никогда не выходят из воды, но раз такое дело...

— Ну, значит все в порядке, — сказал Хэммонд, — вы получите свою премию, как и все, кто принимал участие в поимке ящера, а семьи погибших — солидную компенсацию. Главное, что когда эксперты увидят этих ящеров, то убедятся, что они под надежной охраной.

— Стиксоозеро слишком далеко, — сказал Арнольд, — может не стоит с первого раза проводить туда экскурсию?

— Конечно, стоит, — бодро возразил Хэммонд, — пусть увидят как можно больше. У нас ведь все готово к приему посетителей?

— Не совсем, — покачал головой Шон, — мне еще не привезли дополнительные ружья и снаряды, взамен тех, что я потратил на стиксозавра.

— Вы же не думаете, снова стрелять, мистер Кортни, — Хэммонд воинственно блеснул глазами, — я запрещаю вам это делать! Это слишком дорогие животные.

— Тогда не стоит создавать ситуации, когда они могут быть опасны, — заметил Арнольд, — у нас и без того полно проблем. Некоторые животные болеют: стегозавры, примерно раз в месяц маются животом, гипсилофодонты страдают от кожного зуда, а трицератопсы...

— Все эти проблемы будут решены к открытию Парка, — заявил Хэммонд, — я в этом даже не сомневаюсь. И, в конце концов, это же не обычные посетители. Это ученые, эксперты, вряд ли их удивишь тем, что животные, видите ли, болеют. К тому же ничего серьезного, как я понимаю, сейчас нет.

— Пока нет, — кивнул Кортни, — но всегда может появиться. Некоторые твари здесь слишком опасны, чтобы показывать их посетителям. Те же велоцирапторы...

— Вы же охотник, Шон, причем один из лучших, — бодро сказал Хэммонд, — вам ли привыкать справляться со всяким зверьем. К тому же вольер с рапторами, насколько я помню, защищен лучше любого другого, так что во время экскурсии с ним проблем не будет. А когда Парк откроется, мы, возможно, сумеем их выдрессировать.

— Рапторы не единственная проблема, — заметил Шон, — если взять дилофозавров.

— Послушайте, — прервал его Хэммонд, — я понимаю ваше беспокойство, но поймите и вы меня. Эксперты уже здесь и они уже видели динозавров — и наверняка захотят увидеть больше. А с ними Дженнаро, который вьется коршуном над всем нашим проектом. Мы должны убедить его и инвесторов, что Парк абсолютно безопасен, что он остается выгодным вложением, даже во время этого чертова кризиса. А если мы вдруг отменим экскурсию, Дженнаро точно что-то заподозрит и донесет в Токио.

— Можно не отменять, — заметил Шон, — просто отложить на пару дней.

— Исключено, — отрезал Хэммонд, — я обещал Гранту, что мы уложимся в этот уик-энд. Точно так же я обещал дочери, что верну внуков после выходных. А я хочу, чтобы Тим

увидел динозавров, — по лицу старика расплылась улыбка, — милый мальчик, он их так любит. Так что экскурсию начнем ровно по расписанию.

Арнольд бросил беспомощный взгляд на Шона и развел руками.

— Есть еще проблемы с системой наблюдения, — сказал он, — она в принципе готова, но...

— А что с ней? — Хэммонд обернулся к Недри, — Деннис, я думал, вы все уже сделали?

— Датчики работают идеально, — сказал Недри, — но есть проблемы с камерами, наблюдающими за озером. Они заработают только через пару дней.

— Ну, это не страшно, — махнул рукой Хэммонд, — уж мозазавр точно не вылезет из озера, он слишком большой.

— После Стиксоозера я бы поостерегся делать выводы насчет того, на что способны ящеры, — заметил Шон. — А мозазавр может натворить на воле еще больше бед. Тем более, что не сегодня-завтра опять обещают сильный дождь с грозой.

— Там надежная ограда, куда лучше, чем на водохранилище, — заметил Арнольд, — к тому же, мозазавр столь велик, что есть он и полезет из озера, это сразу заметят.

— Если кто-то за этим будет следить? — хмыкнул Шон, — хотя...я бы мог пару ночей отдежурить улевой Глазницы. Оттуда открывается отличный вид на озеро и без камер — которые именно там и расположены. Заодно присмотрю и за другими тамошними зверюшками — с ними может быть еще больше проблем, чем с мозозавром.

— Отлично придумано Шон, — кивнул Хэммонд, — действительно, так будет надежней. Сегодня же и отправляйтесь сюда.

— Хорошо, мистер Хэммонд, — Шон опустил глаза, чтобы никто не заметил мелькнувшее в них довольное выражение.

— Как красиво!

Взбежав по вырубленным в скале ступеням, Лекси застыла на входе в исполинскую пещеру, созерцая раскинувшееся перед ней величественное зрелище. Солнце уже зашло за гору, но его отблески, выбивавшиеся из-за скал, окрашивали лесистые склоны в изумительные багряно-лиловые цвета. Спускавшиеся с вершины туманные клубы добавляли причудливой красочности — все вокруг словно укутывала пламенеющая дымка. Внизу же простиралось озеро — расположенное в кратере давно потухшего вулкана, с трех сторон окаймленное горными склонами. С четвертой стороны тянулся бетонный забор, точнее очередная дамба, полукругом охватившая пологий берег, возвышаясь над водой, по меньшей мере, на тридцать футов. Где-то под дамбой имелся и подземный туннель, которым из озера вытекала Река Джунглей.

— Эту плотину поставили еще при Пенворде, — сказал подошедший к Лекси Шон, — а при твоём деде ее укрепили и нарастили еще на десять футов.

Смотритель парка был одет в футболку цвета хаки, камуфляжные штаны и ботинки на высокой шнуровке. На груди его висел массивный армейский бинокль.

— Зачем? — спросила Лекси.

— Вон, видишь, там? — Шон протянул ей бинокль, указывая на некое движение в озере. Лекси посмотрела в бинокль и невольно вскрикнула. В воде быстро плыло исполинское существо — с чешуйчатой спиной, длинным хвостом, увенчанным клиновидным плавником, и двумя парами могучих ласт. Огромная голова напоминала кита, но исполинская пасть, полная острых зубов, придавала твари сходство с гигантским крокодилом. На Лекси глянул

холодный, как у змеи глаз и в тот же миг, чудовище, словно почуяв, что за ним наблюдают, резко нырнуло, напоследок ударив хвостом.

— Какой монстр! — поежилась Лекси, — что это такое?

— Мозозавр, — усмехнулся Шон.

— Сколько в нем? Футов пятьдесят.

— Шестьдесят четыре, — хмыкнул Шон, — хорошо, еще, что эта тварь слишком тяжела, чтобы выбираться на сушу.

— Да уж надеюсь, — передернула плечами Лекси, — за ним, значит, ты присматриваешь?

— Не только за ним, — усмехнулся Кортни, — вон, видишь те заливы?

Он указал на три небольшие бухты, отделенных от основного озера массивными дамбами. Берега двух бухт покрывали густые заросли, третья же представляла собой нечто вроде болота, поросшего водяными растениями. Два залива были закрыты оградой со всех сторон, третий же имел свободный выход в Парк, огороженный лишь со стороны озера. По его берегам двигались причудливые силуэты и Лекси, вновь взяв у Шона бинокль, удивленно ойкнула, завидев огромных существ, напоминавших помесь ящерицы и кенгуру, но с плоским, похожим на утиный, клювом. Эти твари медленно перемещались по берегам, видимо, весьма мелководного залива, неторопливо пожирая сочные стебли.

— Это майязавры, — сказал Шон, — они безобидные. Но в других заливах твари поопаснее.

Лекси перевела бинокль в указанном направлении, но ничего не увидела.

— Прячутся, — сказал Шон, — сидят под водой. Но не дай бог оказаться рядом с этими тварями на расстоянии хорошего броска. Они меньше мозозавра, но им ничего не стоит проглотить человека за один присест.

— Перестань, Шон, — Лекси шлепнула его по руке, отдавая бинокль, — у меня от одной этой твари в озере мурашки по коже, а ты еще и нагнетаешь. Хватит меня пугать — я и так поняла, что мне не стоит подходить близко к краю. Свалишься, а тебя там...

— Если свалишься отсюда, тебе будет все равно на наших зверюшек, — усмехнулся Шон, обнимая Лекси за талию, — ну что, пойдём.

Они спустились с утеса, подходя к небольшому домику, стоявшему на широкой площадке внутри большой «глазницы» Горы-Череп. Позади домика виднелась кабина лифта, которым молодые люди поднялись наверх. Визит в смотровой пункт стал последним пунктом «культурной программы» сегодняшнего вечера. На встречу Шон, правда, опоздал, занятый разговором с Хэммондом, и ему пришлось много извиняться перед притворившейся обиженной Лекси. Они играли в теннис и баскетбол, потом выпили пива, — Шон предусмотрительно захватил несколько бутылок из личного запаса, — и, наконец, отправились в ближайший бассейн, смывать пот и пыль. В воде, уже захмелевшая Лекси устроила игру в догонялки, по итогам которых она оказалась в объятьях Шона. Их губы слились в жарком поцелуе, пока руки Кортни жадно шарили по телу девушки. Распаленная Лекси была готова отдаться мужчине прямо в бассейне, однако Шон не потерял головы, прекрасно помня, что бунгало Хэммонда всего в нескольких десятках футов отсюда. Да и вообще, вблизи отеля могло быть слишком много лишних глаз и ушей. С неохотой отстранившись от льнувшей к нему девушки, Шон предложил ей подняться с ним на вершину горы, чтобы полюбоваться закатным озером. Не желавшая быстрого окончания столь волнующего приключения, девушка не медля согласилась подняться с Шоном.

Дом, на котором располагался наблюдательный пункт Шона, оказался весьма уютным — с одной комнатой, кухней и открытой лоджией, где располагалась сложная конструкция из камер и увеличительных стекол, предназначенная для наблюдения за озером. Имелся тут и небольшой холодильник, из которого Шон достал несколько бутылок пива, а также увесистый кусок нежнейшего бекона, собственноручно засоленного Кортни из дикой свиньи. Выпив и перекусив, Лекси снова захотела искупаться. Хотя собственной душевой в домике не предусматривалось, но в двух шагах от здания, из трещины в скале, ниспадал небольшой водопад, исходящий приятно теплым сернистым паром. Он падал, наполняя естественное углубление, напомилавшее большую чашу, переливаясь через край которой, вода падала прямо в озеро.

— Мне нужно помыться, — заявила Лекси, осторожно пробуя воду рукой, — я опять перемазалась, пока карабкалась по этим камням.

Шон не успел ничего сказать, а Лекси, сбросив одежду, уже шагнула под теплые, почти горячие струи, заструившиеся по ее рельефному телу. Зажмурившись от удовольствия, девушка отбросила волосы и подставила лицо под этот природный душ.

— Шон, ну где ты? — игриво сказала Лекси, потягиваясь всем телом так, чтобы ее округлые груди соблазнительно качнулись перед глазами Шона. Последовавший за тем шорох одежды дал понять, что она добилась своего — когда девушка открыла глаза мужчина, высокий и мускулистый, словно античный бог, уже стоял рядом с ней. Лекси опустила глаза и, не в силах сдержаться, облизнулась при виде могучего ствола, превосходящего размером мужские достоинства всех ее бывших. Она протянула руку, хватая восставшую плоть и увлекая Шона под горячие струи, прильнула к его мускулистому торсу всем своим восхитительным телом. Притиснув Лекси к исходящей паром скале, Шон жадно впился губами в ее губы. Спустя миг он начал спускаться ниже, целуя сначала полные груди с набухшими от вожделения сосками, потом лаская языком дырочку пупка. Затем губы и язык Шона скользнули ниже и девушка громко вскрикнула, раздвигая ноги и запуская ногти в волосы Шона, судорожно вдавливая в себя его голову. Язык мужчины выписывал замысловатые узоры на влажной плоти, исторгая из ее губ громкие стоны. Затем Шон поднялся, положил руки на плечи Лекси и слегка надавил. Девушка послушно опустилась на колени, обхватывая губами налитую кровью головку. Она едва успела испытать первые капли, когда Шон, отстранившись, рывком вздернул Лекси на ноги, развернул спиной к себе, прислоня к скале и, наконец, вошел в изнывающее от желания лоно. Сладострастный крик вырвался из пещеры, подхваченный эхом со всех сторон — и словно в ответ ему снизу раздался рев неведомого чудовища.

Под потолком пещеры, в пяти футах над крышей дома притаился малозаметный черный конус — те самые камеры, которым сегодня полагалось оставаться слепыми и глухими ко всему. Распаленные, занятые лишь собой любовники, не замечали как на одной из камер вдруг загорелся, тускло замерцав, алый огонек.

В своем номере Недри, скорчившись на смятой постели, замер перед ноутбуком жадно рассматривая происходящее в пещере. На камере стоял прибор «ночного видения», так что главный компьютерщик Парка великолепно различал происходящее. Жирная рука совершала судорожные движения в районе паха, в глазах помутнело от вожделения. Вот с экрана донесся крик и тело Недри конвульсивно дернулось, когда он почувствовал в кулаке пульсацию, заливавшую его ладонь теплой вязкой жидкостью.

Как никогда Недри радовался, что ему выделили персональный ноутбук, позволявший

ему работать с программой практически из любой точки Парка. Сеть, конечно, была сугубо локальной, не подключенной к мировой Паутине, но зато она позволяла ему в любой момент вмешиваться в работу компьютеризированных систем управления. В том числе и тех самых камер — на самом деле давно приведенных в рабочее состояние. Деннис не стал об этом говорить Хэммонду, еще желая кое-что проверить — да и в любом случае он не собирался работать на износ за довольно скромный оклад. Недри вообще был сильно недоволен своими работодателями: в последний момент компания «ИнДжин» потребовала существенно модифицировать систему, однако заплатить за это не пожелала, заявив, что доработки входят в стоимость контракта. В отместку Недри предпринял определенные действия, помогающие обеспечить его будущее. Еще до новых требований компании, он внес определенные изменения в программу, позволяющую ему проникнуть в любую комнату, войти в любую систему, в любой уголок Парка. Все это время Недри, делая вид, что напряженно работает, кропотливо собирал разного рода информацию, не предназначенную для посторонних ушей. Все эти сведения Деннис предусмотрительно копил на диске, который он рассчитывал передать конкурентам компании. А сейчас он получил еще один занятный компромат, на который наткнулся случайно: узнав, что этот задира Шон, собирается провести ночь наверху, Недри не преминул посмотреть, чем он занимается — и к своему восторгу наткнулся на зрелище, которого он не видели в порнухе. Два часа Деннис играл с камерой то, приближая, то отодвигая изображение, меняя ракурс и не в силах оторваться.

Недри вытер руку о простыню и бросил хитрый взгляд на экран: интересно, Хэммонд знает, чем балуется его внучка? Наверняка, нет. Сам Недри положил на нее глаз, едва увидел, хотя и понимал, что такому как он нечего ловить возле такой роскошной телочки. К тому же она сразу запала на это волосатое животное, как и все эти богатые сучки. Ничего, теперь ему будет, чем сбить с нее спесь. На экскурсию Шон не поедет — это Недри знал точно. А вот Деннис поедет — скажет, что ему нужно посмотреть на кое-какие дефекты на месте и попытаться исправить их с ноутбука. Хэммонд поверит — старый дурак ничего не смыслит в компьютерах. А уж во время экскурсии, он найдет время поговорить с безмозглой шлюшкой и узнать на что она готова, чтобы богатый дедушка не узнал о ее шашнях с Шоном.

Улыбаясь, Недри выключил ноутбук и лег спать, предвкушая завтрашний день.

Старые знакомцы

Нос катера ткнулся в каменный причал и судно остановилось. Кроме него у пристани стоял еще один катер — явно военный, — и несколько рыбацких баркасов.

Сара Хардинг стояла на носу, внимательно рассматривая порт. В целом он выглядел прилично: солидный причал, сооруженный еще при Пенвордах, несколько строений из дерева и бетона, явно рассчитанных на то, чтобы выдерживать здешние шторма. На самом большом здании виднелась спутниковая антенна, украшенная эмблемой «ИнДжин», под ней, на небольшом балконе стоял мужчина с автоматом.

— Прямо как в армии, — хмыкнул подошедший к Саре Бобби, — смотри, нас уже встречают.

По причалу к ним направлялся высокий мужчина в камуфляжной форме и в ботинках на высокой шнуровке. С плеча, на кожаном ремне, свисал южноафриканский автомат Vektor R4. Сара узнала идущего и криво усмехнулась — как все же тесен мир.

— Мисс Хардинг, — Шон Кортни широко улыбнулся женщине, — давно не виделись.

— Не могу сказать, чтобы я скучала, — покривила губы Сара, — что мяснику вроде тебя могло понадобиться среди защитников природы?

— Я тоже рад тебя видеть, — хмыкнул Шон, — разрешишь взойти на борт?

За его спиной уже стояло несколько крепких мужчин в форме «ИнДжин», вооруженных юаровскими автоматами. Пожав плечами, Сара повернулась к Бобби.

— Как думаешь, разрешить им?

— Да ради бога, — ухмыльнулся чернокожий, — нам нечего скрывать. Так что мистер...

— Кортни, — кивнул мужчина, — Шон Кортни, смотритель Парка. Извините, но такой порядок — любой посторонний должен быть вначале досмотрен.

— Мы здесь не посторонние, мистер Кортни, — поправил его Бобби, — этот остров — наша родина и ваш наниматель желает восстановить историческую справедливость. И, конечно, вы можете осматривать что угодно — как я уже говорил нам нечего скрывать.

— Очень хорошо, — кивнул Кортни и обернулся к своим парням, — приступайте.

Входя на борт, он еще раз улыбнулся Саре, но та демонстративно отвернулась, всем своим видом, показывая, что не собирается общаться с Кортни больше чем необходимо. Шон вновь усмехнулся — Сара не меняется. Впервые они столкнулись несколько лет назад в Кении: Шон проводил сафари для американских туристов, пока Сара занималась изучением нескольких львиных прайдов. Тогда же она и вступила в конфликт с Шоном, защищая своих подопечных. Шон не особенно и настаивал, уговорив своих клиентов переключиться на другие объекты и вообще готовый пойти на мировую. Однако Сара, восприняв подобную снисходительность как очередное проявление неистребимого мужского шовинизма, не приняла сигнал примирения. Впоследствии они сталкивались еще пару раз, причем один раз — в Йоханнесбурге, где Сара тусовалась в баре, куда Шон зашел промочить горло. Когда Шон вошел, Сара как раз взасос целовалась с симпатичной цветной девушкой. Увидев Шона, Сара обожгла его злобным взглядом и демонстративно покинула бар в обнимку с подружкой.

С тех пор Шон не разу не видел Сару — до сегодняшнего дня. Охотник был не в восторге от данного ему поручения: под утро, проводив Лекси до номера, он поднялся

обратно на смотровой пункт. Там он и получил приказ Хэммонда — с утра пораньше явиться к вертолетной площадке и отлететь на полуостров, чтобы встретить новых гостей и присматривать за ними до очередного распоряжения. Шон надеялся, что этот приказ не связан с тем, что он переспал с внучкой хозяина — впрочем, в таком случае, Хэммонд поступил бы куда жестче, чем просто дав не самое приятное поручение.

Шон и его люди быстро, но тщательно осмотрели судно. Сара и Бобби смотрели на это спокойно: перед тем, как прибыть сюда катер задержался в безлюдной бухте, недалеко от устья реки, где боевики и выгрузили два герметично запакованных контейнера с оружием. Предосторожность, как выяснилось, оказалась не лишней.

— Все в порядке, — наконец, сказал Шон, — можете сходить. Вас ожидает вертолет мисс Хардинг — вон, видите, за домами взлетную полосу?

— Вижу, — высокомерно кивнула Сара, — можете меня не провожать, я дойду сама.

— Как скажете, — пожал плечами Шон, — остальные же могут пройти к машинам.

— К машинам? — переспросил Бобби.

— Ну да, — кивнул Шон, — вон к тем.

Он указал на несколько джипов на заасфальтированной дороге, уходящей на север.

— Вы же сами хотели поселиться рядом со Стеной, — продолжал охотник, — да и мистер Хэммонд считает, что будет символичней, если ваша делегация разместится рядом с культурным достоянием вашего народа.

Бобби переглянулся с Сарой и та кивнула.

— Не будем медлить, — сказала биолог.

В вертолете Сару встретил пилот — средних лет мужчина, в темно-синей форме и фуражке с эмблемой «ИнДжин».

— Мисс Хардинг, — спросил он и, дождавшись утвердительного кивка, понизил голос, — мистер Пенворд хотел, чтобы мы встретились.

— Пенворд? — переспросила Сара.

— Он самый, — кивнул мужчина, — меня зовут Майкл Харрис и я, как и многие в здешней охране, раньше работал на сэра Пенворда. Когда он продал остров, некоторые нанялись к Хэммонду. Он сам думает, что перекупил нас, но... работать на сэра Пенворда это привилегия, что не продается за деньги.

Последние слова он произнес со страшной серьезностью и Сара припомнила, что люди Пенворда искренне, как вассалы феодалу, преданы своему патрону. По ее спине пробежал холодок — вот этого она не учла. Впрочем, отступить все равно поздно.

— Вас разве не должно быть двое? — продолжал Харрис, — где мисс Стемпер?

На миг Сара почувствовала угрызения совести, но решительным усилием воли подавила их — если она поддастся эмоциям, то смерть Дженни точно окажется напрасной.

— Она погибла, — выдавила из себя, — свалилась за борт ночью. Мы пытались ее найти — поэтому и прибыли позже. Странно, что Шон не спрашивал о ней.

— Шон и не знает, — покривил губы Харрис, — Хэммонд не удосужился ему рассказать, кого ему встречать. Мне он тоже не говорил, но меня предупредил сам Пенворд. Так, значит, погибла? Мне придется сообщить сэру Пенворду.

— Само собой, — кивнула Сара, ненаигранно изобразив подобающее случаю сожаление.

— Думаю, не стоит говорить об этом Хэммонду, — продолжал Харрис, — насколько мне известно, мисс Стемпер не особенно распространялась, куда она едет. Будет лучше, если

Хэммонд решит, что она так и не вылетела из Лондона. Вот только что насчет статьи...

— У меня есть знакомые в английских и американских изданиях, — сказала Сара, — если понадобится, я могу дать такое интервью, что камня на камне не оставит от этого острова.

— Я передам Пенворду, — кивнул пилот.

Больше они не разговаривали: зарокотали лопасти и вертолет взмыл в воздух, направляясь к выроставшей в туманной дали Горе-Черепу.

Когда вертолет приземлился, Харрис выключил мотор и обернулся к Саре.

— Я смогу поговорить с сэром Пенвордом только к вечеру, — сказал он, — до этого времени держитесь как планировали. Надеюсь, что ваши друзья тоже будут вести себя... смирно.

— Конечно, — бодро сказала Сара, несколько успокоенная тем, что до вечера Пенворд будет пребывать в неведении. А вечером, если ее расчеты верны, многие прежние расклады все равно уже потеряют значение.

С этим мыслями она распахнула дверцу, выходя наружу и тут же замерла, изумленно уставившись на открывавшийся с горы вид и возносящиеся из туманной дымки шеи исполинских животных. Трубный глас, разнесшийся над бескрайними джунглями, мигом изгнал все тревожные мысли: то что доселе женщина подсознательно воспринимала как некую хитрую мистификацию вдруг предстало перед ней во всем своем пугающем величии. Отныне на первое место у Сары выступила страсть зоолога столкнувшегося с возможностью увидеть часть давно исчезнувшего мира.

— Это будет поинтереснее твоих гиен, — Сара услышала насмешливый голос и, только сейчас осознала, что она здесь не одна. Чуть ниже вертолетной площадки, у входа в лесную аллею, стоял незнакомый ей рыжеволосый человек в бейсболке со странной эмблемой — в красном круге желтый череп динозавра. А рядом с этим человеком, в своем неизменном черном костюме стоял Ян Малькольм.

— Решил встретить тебя одним из первых, — усмехнулся математик и Сара невольно улыбнулась в ответ. Когда-то, еще в прошлой жизни, они были любовниками: когда Сара училась на третьем курсе, а Малькольм вел у них спецкурс по высшей математике. С тех пор много воды утекло, но они еще какое-то время встречались. Возможно, Малькольм питал какие-то надежды и сейчас, не осознавая всю глубину изменений происшедших с Сарой после экспедиции в Конго.

— Рада тебя видеть Ян, — сдержанно сказала женщина.

— Мы все рады вас видеть мисс Хардинг, — вмешался в разговор рыжеволосый человек, — ведь вы успеете увидеть самое интересное. Меня зовут Эд Реджис и я буду вашим гидом. Теперь же, давайте спустимся и начнем, наконец, нашу экскурсию.

Знакомство с Парком

— Сюда, пожалуйста, все сюда! — подзывал Эд Реджис.

Стоявшая рядом с ним миниатюрная азиатка раздавала пробковые шлемы с надписью «Парк динозавров». Тем временем из подземного гаража под главным зданием выезжала цепочка вездеходов «тойота». Ни в одной машине водителей не было. Двоеазиатов в униформах-сафари открывали двери перед гостями.

— В каждую машину могут сесть от двух до четырех пассажиров, — монотонно говорил голос, записанный на магнитофонную пленку, — от двух до четырех.

— Леди вперед, — рассмеялась Лекси, заскакивая в первую машину, — Сара, Элли едем?

— Конечно, — кивнула Сара, усаживаясь на переднее сиденье.

— Я не знаю, — заколебалась Элли, — может, мне захочется поговорить с доктором Грантом

— Вы и так можете это сделать, — сказал Реджис, — у нас постоянная радиосвязь между машинами, можно поделиться впечатлениями в любой момент.

— Тогда ладно, — рассмеялась Элли, усаживаясь к остальным дамам. Во вторую машину сели Реджис, Тим и Недри. Последний, усевшись на заднее сиденье, сразу же включил ноутбук и уткнулся в монитор. Перед Тимом, усевшимся на переднее сиденье, прямо на щитке тоже красовались два компьютерных экрана. Также здесь имелось нечто, напоминавшее проигрыватель для компакт-дисков. Еще Тим увидел в машине уоки-токи и радиопередатчик, а в «бардачке» лежали защитные очки.

— Это очки ночного видения, — пояснил Реджис.

Грант, Дженнаро и Малькольм уселись в третью машину и все тронулись в путь. Реджис нажал какую-то кнопку и улыбнулся Тиму.

— Ну, что... представление начинается?

В уши ударили фанфары и на экранах, расположенных в машине, загорелась надпись: «Добро пожаловать в Парк динозавров!»

— Добро пожаловать в Парк динозавров! — повторил надпись звонкий голос из динамиков, — Вы попадаете сейчас в навеки утраченное доисторическое прошлое, в мир исполинских животных, давным-давно исчезнувших с лица Земли.

— Это Ричард Кайли, — пояснил Эд Реджис. — Мы не жалели денег.

Электромобиль въехал в пальмовую рощу:

— Обратите внимание на удивительный растительный мир, окружающий вас. Деревья справа и слева от вас называются цикадами, это доисторические предшественники пальмового дерева. Цикады были любимой пищей динозавров. Еще вы можете здесь увидеть деревья, которые называются беннетиталеани и гинкго. В мире динозавров росли и более современные деревья, такие как сосна, пихта и болотный кипарис. Все они растут в нашем Парке.

Электромобиль медленно ехал среди деревьев. Тим обратил внимание, что ограждения и стены были замаскированы зеленью: создатели Парка явно стремились усилить впечатление, будто экскурсия проводится в настоящих джунглях.

— По нашим представлениям мир динозавров, — продолжал рассказывать Ричард Кайли, — сугубо вегетарианский, мы всегда воображаем, что динозавры буквально

прогрызали себе дорогу по гигантским заболоченным лесам юрского и мелового периодов сотни миллионов лет тому назад. Сейчас вы увидите животных, благодаря которым во многом и формировались эти представления. Один из первых ящеров, описанных палеонтологами, существа, что еще с прошлого века будоражили умы ученых и фантастов, сейчас предстанут перед вами. Посмотрите налево — перед вами игуанодоны, травоядные динозавры из давно ушедших времен.

Машина остановилась на пологом склоне, где листва была не такой густой и открывался вид на восток. У подножья поросших лесом холмов желтел луг, трава достигала метровой высоты. И в этой траве медленно передвигались, то на двух, то на четырех лапах исполинские животные. Кожа игуанодонов была светло-коричневой с большими черными пятнами. Передние конечности были примерно на четверть короче задних и заканчивались пятипальными кистями. На больших пальцах красовались длинные острые когти. Тупорылые добродушные морды, чем-то напоминавшие огромных коров, то и дело погружались в траву. В стаде, примерно в дюжину голов, имелись динозавры всех возрастов — от подростков футов в семь длиной до исполинов в тридцать футов. Тим обратил внимание, что молодые динозавры то и дело поднимались на задние лапы, чтобы сорвать пучок листьев с деревьев, тогда как взрослые почти все время находились на четвереньках. На людей травоядные великаны не обращали внимания.

— Своё имя игуанодон получил в 1825 году от английского геолога Гидеона Мантелла, — продолжал голос, — поскольку первые образцы ископаемых остатков представляли зубы, выглядевшие в точности как у растительноядных ящериц — игуан. Игуанодон стал вторым динозавром после мегалозавра, получивший имя по результатам анализа окаменелостей. Одной из самых известных особенностей игуанодона является шип на большом пальце передней лапы. Наиболее вероятным назначением шипов считалась защита от хищников, хотя есть гипотезы, что игуанодоны могли использовать шип на большом пальце, чтобы срывать фрукты или же против своих сородичей.

Меж исполинов бродили более мелкие динозавры — тускло-зеленого цвета, покрытые темно-коричневыми и черными пятнами. Тела этих животных достигали в длину примерно семь футов. Динозавры передвигались на двух длинных задних лапах, делая достаточно большие шаги. Это, а также большой роговой клюв, которым оканчивались морды животных, делало их похожими на больших птиц типа страуса.

— Гипсилофодонты были такими газелями в мире динозавров: маленькие, быстрые животные, которые некогда водились от Англии до Центральной Азии. Мы думаем, эти животные так благоденствовали, поскольку обладали более приспособленными для пережевывания растений челюстями и зубами, нежели другие их современники. Само название «гипсилофодонт» означает «зубы с острыми краями», а это характерная особенность самозатачивающихся зубов данного вида животных. По уровню интеллекта гипсилофодонты не особенно умные животные, — их можно сравнить с коровой.

— Не такие уже и глупые, — подала голос Сара, — держатся возле игуанодонов.

— Ага, — откликнулась Элли, — на таких гигантов мало кто будет охотиться, а вот гипсилофодонты могут растерзать даже относительно мелкие хищники. Инстинкт самосохранения заставляет их держаться поближе к сильному, хотя никаких хищных динозавров поблизости нет.

— На самом деле есть, — вмешался в разговор Реджис, — совсем рядом. Сейчас мы с вами посмотрим на самого крупного хищного динозавра в Парке.

— Это тиранозавр? — с горящими от возбуждения глазами спросил Тим.

— С рексом мы встретимся позже, — заверил его Реджис, — а сейчас навестим более крупного зверя.

Электромобили двинулись дальше вперед, пересекая Парк юрского периода в северо-восточном направлении, по направлению к озеру.

— Многих водных животных доисторической эпохи ошибочно причисляют к динозаврам, — говорил Ричард Кайли, — несмотря на то, что они даже не родственники таковых. Однако к спинозавру, по праву считающемуся самому крупному из хищных динозавров, это не относится. Этот огромный хищник обитал в дельтах и поймах рек, а также у побережья того континента, где сейчас находится Северная Африка.

Электромобили ехали поверх широкой дамбы сплошным кольцом ограждавшей небольшой залив, отрезая его от озера. Над дамбой, в свою очередь, высилась ограда с колючей проволокой, искусно замаскированная лианами и иными ползучими растениями. Подобные же заросли покрывали и берега залива, тогда как в центре водоема, оплетенный тиной и кувшинками, вздымался предмет, напоминавший большой парус из костистых отростков с кожистой перепонкой между ними.

— Это оно, да? — Лекси приоткрыла окно, — или что это за хрень?

— Одной из отличительных черт спинозавра является его позвоночник, — монотонно говорил голос из динамиков, — как вы видите отростки спинных и хвостовых позвонков своим размером и формой образуют своеобразный «парус».

— Только его и видим, — пробурчал Недри, на минуту оторвавшись от своего компа, — он вообще живой? Или сдох в этой луже.

— Его недавно кормили, — сказал Реджис, — поэтому он сейчас и спит. Но мы найдем способ его расшевелить. Сейчас я включу записанный на пленку рев тиранозавра.

Он нажал какую-то кнопку и над заливом пронесся громкий рев, от которого стало не по себе всем присутствующим — столь чуждым, полным зловещей угрозы был этот вопль из другого мира. В следующий миг неподвижно торчавший парус пришел в движение, начав подниматься из воды. Сначала появилась голова, напоминавшая исполинского крокодила, затем спина, покрытая щитками панциря, и, наконец, весь динозавр. Пальцы на передних лапах оканчивались острыми когтями. На притихших людей холодно глянул огромный глаз, затем гребнистый хвост с силой хлестнул по воде, подняв в воздух фонтан из брызг и гниющих растений. Из оскаленной зубами пасти вырвался грозный рев.

— С ума сойти! — произнес Грант.

Спинозавр снова погрузился в воду, оставив на поверхности лишь парус, да глаза и ноздри, выпуклые как у крокодилов. От ноздрей и до кончика хвоста в чудовище было, по меньшей мере, пятьдесят футов

Обстановку разрядил голос Ричарда Кайли.

— Грозные хищники подобные спинозавру царили на Земле сотни миллионов лет тому назад. Но и травоядные динозавры не всегда были беззащитными жертвами, трясущимися от страха. Следующий наш визит состоится к животным, что обладали одним из лучших способов защиты в жестоком мире мезозойской эры.

Электромобиль свернул в сторону, озеро осталась позади. Тим оглянулся, надеясь в последний раз полюбоваться на спинозавра. Тот вновь поднялся из воды, внимательно провожая взглядом машину. Тим поспешно отвернулся — смешно, но ему вдруг показалось, что ящер пытается запомнить его. Он заметил, что и у Недри, вернувшегося к компу слегка

дрожат руки — вид чудовища и его несколько выбил из колеи.

— Взгляните налево, — сказал голос, — и вы увидите купол авиария Парка юрского периода, он пока еще не готов для приема посетителей.

Тим увидел вдали алюминиевые подпорки, сверкавшие на солнце.

— Продолжая наше доисторическое сафари, мы подъезжаем к травоядным животным из отряда птицетазовых. Посмотрев направо, вы, возможно, увидите их.

И действительно, Тим заметил двух животных, неподвижно застывших в тени раскидистого дерева. Трицератопсы... такие же серые и большие, как слон... с виду свирепые, как носороги. Над каждым глазом изогнутые рога длиной метра полтора, напоминающие перевернутые бивни слона. Третий рог располагался по носу, как у носорога. Вытянутой мордой животное тоже напоминало носорога.

— В отличие от других динозавров, — сказал голос, — *Triceratops serratus* не очень хорошо видят. Они близоруки, как современные носороги, и склонны пугаться движущихся предметов. Если бы они стояли ближе и могли разглядеть нашу машину, они бы ее атаковали! Но расслабьтесь, друзья! Мы здесь в полной безопасности.

— Да вижу, что в безопасности, — недовольно скривила рожицу Лекси, — они совсем не двигаются. Сидят как чучела. Может и их можно как-нибудь пошевелить.

— Лучше не надо, Лекс, — усмехнулась Сара, — поверь, если они и вправду похоже на носорогов, то их не стоит злить. Я как-то убегала от здорового самца белого носорога по саванне, а эти зверюги куда больше.

— Ну, если ты так говоришь, — Лекси с невольным уважением глянула на зоолога. Сара, притворившись, что хочет рассмотреть динозавров поближе, перегнулась через Лекси, прильнув к распахнутому окну. При этом ее грудь прижалась к упругим полушариям внучки Хэммонда, а рука, как бы невзначай легла на упругое бедро, почти не скрываемое короткими шортиками. Под ладонью Сары Лекси слегка напряглась, но не сделала попыток высвободиться, а когда Сара, отползая обратно, взглянула в лицо девушки, то увидела, что несмотря на выступивший на ее щеках румянец, на полных губах играла улыбка. Сара расслабленно откинулась на спинку кресла и довольно улыбнулась.

— Кажется, эта поездка мне понравится еще больше, чем я думала, — произнесла она.

— Это все трицератопсы, что у васесть? — спросил Грант.

— У нас десять особей, — вмешался в разговор Арнольд, — первоначально их было тринадцать, но вскоре выяснилось, что самки трицератопсов убивают друг друга в борьбе за главенство. Нам пришлось разделять стада, чтобы оставалось меньше шести особей. Сейчас у нас два трицератопса здесь, еще двух и два раза по тримы раскидали по другим вольерам.

— Добродушные чудовища из давно ушедших времен резко контрастируют с теми, которых мы увидим следом, — меж тем вещал голос из динамиков. — Перед вашими глазами предстанет самый знаменитый хищник во всей истории — могущественный тиран, *Tyrannosaurus Rex*.

— Отлично, *Tyrannosaurus Rex*! — воскликнула Элли, — вы слышали, Грант?

— Сам жду с нетерпением, — донесся из динамиков голос палеонтолога.

Вскоре электромобили въехали на вершину пологого холма. Оттуда открывался вид на лесистый склон, спускавшийся к обширному полю, изрядно заросшему. Посреди него красовался искусственный водоем, почти правильной прямоугольной формы. По берегам его ограждал портик из темно-зеленого камня, а на углах красовались изваяния каменных драконов. С другой стороны к полю подступал также большой лес.

— Осталось от прежних хозяев, — сказал Реджис, — даже при Пенвордах решили не трогать. Здесь раньше был садок для рыбы или что-то в этом роде. Мы решили оставить, хотя вряд ли тиранозавры отнесутся к этому памятнику культуры с должным уважением.

— Кстати, а где тиранозавры? — перебил его Грант.

— Хороший вопрос. Маленький, наверное, бродит где-то у озера. На мелководье водится рыба и малыш уже научился ее ловить. Он это так интересно делает! Лапами не пользуется, а сует под воду голову. Словно птица.

— Малыш?

— Маленький Т-рекс. Он подросток, ему всего два года, он еще в три раза меньше взрослых. Рост три с половиной метра, вес полторы тонны. А два других тиранозавра уже взрослые. Но я их сейчас что-то не вижу.

Грант вздохнул.

— Вы рассеяли столько ожиданий!

— Не беспокойтесь, вы не будете разочарованы, — успокоил его Реджис. — Надо только подождать.

До них донеслось негромкое мычание. Внезапно посреди поля на гидравлическом лифте подняли из-под земли клетку. Затем стенки опустились, и пассажиры, сидевшие в машинах, увидели большого черного быка, со связанными ногами. Большие острые рога животного напоминали изогнутые ятаганы.

— Это бантенг, индонезийский бык, — снова подал голос Реджис. — Теперь тиранозавр появится в любую минуту — не один, так другой.

Все припали к окнам. Мычание стало громче, настойчивей, бык бешено рвался из пут, словно предчувствуя свою незавидную участь. И тут до людей донеслось зловоние: пахло протухшим, гнилым мясом. Этот запах долетал снизу, со склона холма.

Грант прошептал:

— Он здесь.

— Не он, а она, — поправил Малкольм. Бык был привязан посередине поля, в тридцати метрах от ближайших деревьев. Динозавр, должно быть, прятался где-то среди деревьев, но Грант пока никого не видел. Однако потом он сообразил, что зря смотрит вниз: голова животного возвышалась над землей на шесть метров, она достигала верхушек пальм и была наполовину скрыта листьями. Малкольм прошептал:

— О, Боже!.. Да она огромная, как дом!

Грант во все глаза смотрел на громадную квадратную голову высотой в полтора метра, всю в красно-коричневых пятнах. Тиранозавриха щелкнула челюстями и вдруг, без каких либо приготовлений, сорвалась с места, ринувшись к быку. Одновременно поляну огласил жуткий рев и с противоположного конца поля навстречу первому ящеру кинулось другое чудовище — столь же громадное, но иной масти: темно-зеленое, с серыми разводами. Грант успел подумать, что создатели ошиблись — это не тиранозавр, но какой-то другой, пусть и родственный вид: помимо окраса, он имел иную форму головы, более развитые передние лапы и пучок чего-то напоминавшего перья на загривке, отсутствующее у первого ящера.

С диким ревом динозавры сошлись над насмерть перепуганной скотиной — могучий бык казался совсем крошечным рядом с доисторическими чудовищами. Почти одновременно клацнули исполинские пасти и оба монстра, вцепившись в тело быка и рыча сквозь зубы, пытались вырвать друг у друга добычу. Когтистые лапы вырывали из земли огромные куски земли, могучие хвосты хлестали что есть силы, баламутя воду в искусственном водоеме. И

все же Сара, внимательно наблюдавшая за этой битвой титанов, уловила некую наигранность — это никак не походило на бой не на жизнь, а на смерть. Видимо привыкшие к постоянной кормежке твари, не видели нужды вступать друг с другом в смертельно опасную схватку, довольствуясь показательными жёстами. И все равно выглядело это донельзя жутко — кровавая сцена из исчезнувшего жестокого мира, слишком чуждого для того, чтобы его стоило видеть человеку.

Внезапно тираннозавр, подпрыгнув в воздух, резко рванул быка на себя. Что-то мерзко хрустнуло и из разорванного брюха на траву хлынула кровь вперемешку с жирными кишками и прочими внутренностями.

— Ого! — воскликнула Лекси, — да это королева динозаврового черлидинга!

Сара и Элли бросили на нее недоуменные взгляды, после чего вновь посмотрели на поле. Оба ящера уже разбегались, держа в зубах по половине туши растерзанного быка. Спустя миг динозавры уже исчезли в лесу.

— Леди и джентльмены! Перед вами тиранозавр рекс, — сообщил магнитофон.

Электромобили двинулись с места и поехали вперед, спускаясь с другой стороны холма.

Малкольм сел на свое место.

— Фантастика! — воскликнул он. Дженнаро утер пот со лба. Он был бледен.

На подступах к Стене

Генри Ву вошел на контрольный пост, как раз когда Хэммонд и Арнольд слушали, о чем переговариваются люди в Парке.

— Господи, если такой зверь выберется на свободу, — говорил Дженнаро, и голос его дребезжал, — его ничто не остановит.

— Ничто его не остановит, ничто...

— Он такой огромный, у него нет в природе врагов...

— А вы помните про ту тварь из залива. Божемой, вы только подумайте, что начнется если они вырвутся оба...

Сидевший на контрольном пункте Хэммонд проворчал:

— Черт бы побрал этих людишек! На них не угодишь.

Ву сказал:

— Они что, до сих пор опасаются побега животных? Не понимаю я их. Они уже должны были убедиться, что у нас все под контролем. Мы создали животных, создали привлекательное место отдыха...

— Это все Малкольм, — мрачно пробурчал Хэммонд. — Он за всем этим стоит. Вы же знаете, он с самого начала был против. У него своя теория: якобы сложные системы невозможно контролировать, а природе нельзя подражать. Черт, мы же тут создаем зоопарк! В мире полно зоопарков, и все они прекрасно функционируют. Но Малкольм намерен доказать правоту своей теории или умереть. Я лишь надеюсь, что он не напугает Дженнаро настолько, чтобы тот попытался закрыть Парк.

Ву сказал:

— А он может это сделать?

— Нет, — сказал Хэммонд. — Но он может попытаться напугать японских инвесторов, чтобы они отозвали средства. Или же поднимет вонь в Джакарте или в Канберре, в тамошних правительственных кругах. Из-за него могут возникнуть неприятности.

Арнольд погасил окурок.

— Давайте подождем и посмотрим, как будут разворачиваться события, — предложил он. — Мы с вами верим в наш Парк. Посмотрим, что из этого получится.

— Посмотрим, конечно, — пожал плечами Хэммонд, — что, кстати, слышно от Кортни? Он уже должен быть на месте.

Арнольд повернулся к одному из экранов и, нажав на кнопку, склонился к микрофону.

— Шон, вы меня слышите? Что там у вас?

— Все в порядке, — ответил негромкий голос, — направляюсь к загону чертовых рапторов. Не знаю даже, с кем бы я сейчас меньше хотел иметь дело — с ящерами или этими вашими гостями, чтобы их бешеный бородавочник погрыз.

Сказав это, Шон выключил рацию, положив ее рядом с собой на сиденье джипа — одной из немногих машин, что ездили на бензине в Парке. Позади осталась Стена — высокое, футов в тридцать, массивное сооружение, перекрывшее юго-западный полуостров от края до края. Никто толком не знал, когда возвели эту Стену, — на остров нечасто наведывались археологи, — но, стоит признать, сохранилась она неплохо. Лишь в нескольких местах строение разрушилось настолько, что пришлось укреплять его бетонными блоками, живописно замаскированными всякой ползучей растительностью. В других местах

Стену поддерживали аккуратно врезанные в камень подпорки из нержавеющей стали. Ну и конечно, под лианами и прочими ползучими растениями была продета металлическая сетка, с пропущенным по ней электрическим током.

С противоположной стороны Стены обитали новые гости острова. Их предводитель, напомилавший Шону жеманную обезьянку, недовольно наморщил нос при виде деревянных хижин с крышами из тростника.

— Джон Хэммонд думает, что мы будем жить в этих халупах? Он, что и вправду считает, что мы совсем не изменились за полтора столетия?

— В Африке многие мечтали бы и о таком жилье, — парировал Шон, — даже горожане. Но здесь это все — бутафория. Есть, конечно, несколько хижин, реконструированные по точным описаниям жилищ ваших предков, — со всеми орудиями и прочим антуражем, — но все для туристов. Вам компанией предоставлено более современное жилье.

В справедливости этих слов аборигены вскоре убедились, войдя в одну из «бутафорских» хижин. Внутри все выглядело иначе, под тростником и соломой укрывались пластиковые стены, а на полу стояла неказистая, но добротная мебель. Туалеты, правда, находились во дворе, но зато в каждую хижину был проведен водопровод и электричество. В самом большой из хижин имелся даже холодильник и телевизор. На острове редко удавалось поймать какой-нибудь канал, но зато имелся видеомэганитофон и пара десятков кассет с боевиками, комедиями в стиле «blaxploitation» и легкой эротикой.

— Мистер Хэммонд знает, как принимать гостей, — сказал Шон, — и это только начало. Когда сюда начнут переселяться остальные ваши сограждане, каждому найдется занятие.

— Работать, как проклятые на плантации? — хмыкнул один из мужчин.

— Вас никто не заставит делать то, чего вам не хочется, — пожал плечами Шон, — но все же Хэммонд — не филантроп. Чем-то же вам все равно придется заниматься, даже в независимом государстве. Чем труд в поле хуже любого иного?

— Вы правы, мистер Шон, — кивнул Бобби Мугела, — и мы благодарны мистеру Хэммонду за то, что он предоставил нам работу, на родине наших предков.

Шон предпочел не замечать прозвучавшей насмешки. Сам он считал, что Хэммонд предложил переселенцам достаточно сносные условия — пусть и совершенно не из альтруистических побуждений. Растущее поголовье ящеров нуждалось во все больших объемах пищи, а доставлять ее из Индии или Индонезии становилось все более накладно. Всю не занятую Парком часть острова Хэммонд планировал превратить в большое сельскохозяйственное угодье, где выращивались бы культуры, которыми бы кормились травоядные динозавры и пасся скот, предназначенный хищникам. Ухаживать за всем этим хозяйством предстояло новопоселенцам, которые автоматически становились работниками чего-то вроде огромной агрофирмы. Кроме верхушки вроде Бобби Мугелы: составив местное правительство, они вошли бы в долю с Хэммондом, получая процент от выручки с посещения туристами Парка Юрского периода. Вполне справедливое вознаграждение за возможность легализации Парка на территории карликового государства, избавленного от территориальных притязаний соседей. По замыслу Хэммонда, Парк должен превратиться в первое в мире государствообразующее развлекательное предприятие.

План был, может, и не лишен изящества, но Кортни он не нравился — в первую очередь потому, что ему не нравились сами туземцы. Здесь они вели себя так, будто все им должны

за полтора века лишений. Какого черта — ни Шон, ни Хэммонд, не имели никакого отношения к их выселению! Да и сказать по правде — Кортни не особенно жалел и их изгнанных предков. В семейном архиве сохранилось кое-что о посещении этого острова Френсисом Кортни и если хотя бы половина того, что писал основатель рода об островитянах — правда, то предки аборигенов не заслужили ни малейшего сочувствия.

Впрочем, эти соображения Кортни держал при себе. Он даже устроил «гостям» небольшую экскурсию вдоль Стены, хотя, глядя на обезьяноподобных верзил, он не верил, что их предки могли построить столь величественное сооружение.

— Это то, о чем я думаю? — Бобби указал на белые полукруглые предметы, вмурованные в кладку примерно на три фута выше человеческого роста.

— Да, это черепа, — кивнул Шон Кортни, — они украшают стену с обеих сторон, на всем протяжении. Жутковатое зрелище.

— За него мы тоже должны быть благодарны европейцам, — Бобби глянул на него в упор, — именно головорезы Пенворда вырезав почти весь наш народ, разместили эти черепа.

— Есть такая версия, — кивнул Шон, — если вы хотите похоронить ваших предков, то...

— Эти черепа — лучший памятник. Когда сюда зачастят туристы пусть смотрят и вспоминают о преступлениях колонизаторов. Не воспринимайте, пожалуйста, на свой счет, но если бы ваш предок не открыл этот остров, было бы лучше для всех.

Кортни скрипнул зубами, но промолчал.

— Так или иначе, — продолжал Бобби, — я с удовольствием встречу с мистером Хэммондом, чтобы обсудить наше совместное будущее.

— Уверен, что он не меньше вашего ждет этой встречи, — выдавил улыбку Кортни, — простите, но я вынужден вас оставить.

— Конечно, капитан, — Бобби улыбнулся, легонько коснувшись руки Кортни. Тот изо всех сил стараясь не показать охватившего его отвращения, спешно отправился на контрольный пост здешней базы. Там ему и передали приказ Джона Хэммонда — выехать в Парк, чтобы проверить вольер с велоцирапторами.

По мнению Шона все это нужно было сделать гораздо раньше, но сам он закрутился с аборигенами, а Хэммонд соизволил вспомнить уже во время экскурсии. Так или иначе, Шон взял джип и, открыв в Стене автоматически открывавшиеся ворота — нарочито вычурные, с каким-то фэнтезийными мотивами, — выехал в Парк.

Машина ехала между огромных стен, поросших тропической растительностью. Шон, положив рядом ружье, заряженное шприцами со снотворным, настороженно осматривался. Эту часть Парка он считал самой опасной — несмотря на мнение руководства, видевшего наибольшую проблему в крупных хищниках. Шон же, много лет проведенный среди диких зверей думал иначе — и клял про себя Хэммонда вздумавшего вообще вводить в Парк столь опасных животных.

Вскоре Шон остановил машину и, захватив ружье, шагнул на тропку, уводящую в густые бамбуковые заросли. Спустя двадцать футов Шон вышел к двойной ограде из стальной сетки. Поверху, на высоте более чем в пятнадцать футов, проходила свитая спиралями колючая проволока. За оградой росли густые заросли крупных, футов в семь, папоротников. До Шона донеслось гнусавое похрапывание, затем звуки тяжелых шагов, приближающихся к нему. Потом все стихло.

— Ну же, — сквозь зубы прошептал Шон, — где вы, ублюдки?

Словно в ответ на его слова из ветвей папоротника появилась голова животного и на Шона холодно глянули два больших желтых глаза с вертикальным зрачком. От острой морды длинный ряд зубов уходил к слуховому проходу, ушной раковины у ящера не было. Головой животное напоминало большую ящерицу или даже крокодила — единственное, что выбивалось из образа, так это пучок сине-зеленых перьев на загривке. Шон знал, что подобные перья тянулись и вдоль всего хребта раптора, заканчиваясь где-то на середине хвоста. В остальном же кожа была голая, блестящая, серо-зеленого цвета. Вслед за головой очень медленно показалась лапа и раздвинула плети папоротника, закрывающие морду животного. Лапа была сильная, мускулистая, с тремя ловко двигающимися пальцами, которые заканчивались изогнутыми когтями.

Шон много лет провел в африканском буше, выслеживая самых разных животных и со временем стал воспринимать это как своего рода состязание — кто кого перехитрит, кто выследит первым. В львах, леопардах, даже гиенах он чувствовал жизнь, подобную собственной, существ, обуреваемых таким же охотничьим азартом, что и он. Однако с рапторами было все иначе — в их поведении Шон чувствовал неподдающуюся описанию враждебность. Чуждым было все — неподвижность, холодность, даже то, как они двигались. Подобное чувство Шон испытывал, оказываясь рядом с крокодилом, акулой или большим питоном — зловещее ощущение враждебного, давно исчезнувшего мира.

Несмотря на то, что он видел уже это неоднократно, нападение, как всегда произошло стремительно. Хищники преодолели тридцать футов, что отделяли их от изгороди, с пугающей быстротой. В глазах Шона мелькнувшим пятном слились семифутовые тела, прямые хвосты, когтистые лапы, раскрытые пасти, усеянные острыми зубами. Рыча, ящеры неслись вперед, затем рванулись вверх в прыжке. Шон увидел огромные когти на задних лапах, напоминающие кинжалы. Затем они наткнулись на изгородь, и в воздухе одновременно брызнули два снопа белых искр. Раздалось глухое рычание, переходящее в шипение, столь характерное для рептилий, и ящеры исчезли в зарослях папоротника, оставив в воздухе слабый запах разложения и облачко едкого дыма.

— Ублюдки, — снова выругался Шон. Он посмотрел на сетку ограды — помятую и почерневшую. — Только недоумку могло прийти в голову воскресить вас!

Словно в ответ из глубины зарослей раздались звуки, напоминающие уханье совы. Шон посмотрел в сторону, откуда доносились звуки, сплюнул и принялся осматривать вольер, особое внимание уделяя решетке. В нескольких местах она также была черной и мятой, явно проверяемой прочностью рапторами, однако в целом вольер был в порядке. Высунувшиеся вновь из листвы ящеры холодно, не отрываясь, наблюдали за ним.

По глубокому убеждению Шона, некоторые динозавры были слишком опасными, чтобы существовать в условиях Парка. Отчасти опасность была вызвана тем, что ученые еще очень мало знали об этих животных. Например, никто не подозревал, что дилофозавры ядовиты, пока вдруг кто-то не увидел, как они охотятся на крыс: ящеры кусали грызунов и, отступив, ждали, пока те издохнут. Но даже после этого никому и в голову не пришло, что они способны плевать, пока, наконец дилофозавр не плюнул ядом в одного из служителей, и бедняга чуть было не ослеп. Когда это стряслось, Хэммонд дал согласие на изучение яда дилофозавров, и выяснилось, что, как и у современных рептилий — ящерицы ядозуба и гремучей змеи, — железы дилофозавра вырабатывают гемотоксин. Было также обнаружено, что дилофозавры плюются ядом почти на пятьдесят футов. Руководство решило, что дилофозаврам нужно удалить железы, вырабатывающие яд: ведь плевков такого чудовища мог

ослепить посетителя во время экскурсии. Шарьер предпринял две попытки, взяв для этого двух разных животных, но обе попытки закончились неудачей. Никто не знал, где именно вырабатывается яд. Это можно было узнать, только произведя вскрытие дилофозавра, однако Хэммонд запретил их убивать.

Опасение вызывали и стиксозавры — особенно после побега одного из ящеров. Впрочем, Шон считал, что морские ящеры могут быть опасны даже в вольере — из-за своих длинных шей. Это стало особенно очевидным, когда одного из рабочих стиксозавр утащил в воду прямо с берега. Однако больше всего Шона тревожили велоцирапторы. Они были прирожденными охотниками и никогда не упускали добычу. Велоцирапторы убивали даже тогда, когда не были голодны — просто так, для удовольствия. Эти животные отличались удивительным проворством: они прекрасно бегали и обладали потрясающей прыгучестью. Все их четыре лапы были снабжены страшными когтями. Один взмах — и хищник вспорет человеку живот, выпустив ему кишки. Вдобавок у велоцирапторов были мощнейшие челюсти, зверюги не откусывали мясо, а резали, прямо-таки кромсали его своими зубами. Умом они намного превосходили других динозавров и, казалось, были созданы для того, чтобы выбираться из клеток и заграждений. Опасения Шона сбылись, когда один из велоцирапторов наконец удрал и, до того как его поймали, успел убить двух рабочих-строителей. После этой истории загон, в котором содержался велоцираптор, снабдили электронными датчиками; они должны были подать сигнал тревоги, если хищник опять попытается бежать. И все равно Шон совсем не был уверен в том, что эти меры достаточны против столь опасных тварей. Особенно сейчас, когда с одной стороны на острове действует инспекция, представляющая интересы инвесторов, а с другой — эти чертовы островитяне, со своими обидами и претензиями.

Закончив с осмотром, Шон вернулся в машину и, усевшись на сиденье, включил рацию.

— Я был у рапторов, — сказал он, — там все в порядке.

— Хорошо, — ответил Арнольд и явно хотел добавить что-то еще, но Шон уже выключил рацию, заводя джип. Над его головой послышался раскат грома и, бросив взгляд на небо, охотник увидел большие темные тучи.

Он уже подъезжал к воротам, когда некая странность, еще толком им не осознаваемая, заставила его остановиться. Лишь спустя миг он понял, что не так.

Стена!

Уже темнело и в это время на острове зажигались кварцевые прожекторы, установленные, в том числе и на Стене. Так же должно произойти и в этот раз — однако на Стена оставалась черной, смутно различимой в сгущавшихся сумерках. Шон еще не успел подумать, что это значит, когда позади него послышались тяжелые шаги. Шон оглянулся — на дороге маячила некая темная масса, быстро приближавшаяся к нему. Шон не успел даже толком насторожиться, когда от Стены послышался не менее тревожные звуки — громкие взрывы и автоматная очередь.

Черт побери, когда-нибудь это дерьмо должно было случиться!

Шон приглушил мотор, притянул на колени гранатомет и вынул снаряды со снотворным. Открыл бардачок и достал увесистую коробку, в которой лежали боевые снаряды. Перезарядив оружие, он достал очки ночного видения и надел их.

Перед катастрофой

— То есть, вы считаете, что второй ящер — не тираннозавр? — спросил Малькольм.

— Уверен в этом, — кивнул Грант, — слишком много отличий. Какой-то родственный вид, возможно тарбозавр или дасплетозавр.

— Вы слышите, Хэммонд? — вмешался в разговор Дженнаро, — Ву с вами?

— Да, я здесь, — раздался голос Ву из радиопередатчика.

— Что вы ответите доктору Гранту?

— Это вполне возможно, — спокойно ответил генетик, — я ведь уже говорил, что мы не можем знать заранее, какой вид динозавра выращиваем. Но в любом случае: условия содержания довольно схожи, как и сами виды. Не вижу проблемы, хотя возможно, их стоит развести по разным вольерам.

— Это лишнее, — голос Хэммонда прозвучал так, будто он отмахнулся, — если эти твари столь долго сосуществовали вместе, значит смогут так жить и дальше.

— Я думаю это временно, — заметила Сара, — пока они чувствуют, что равны по силе, ящеры будут осторожничать, вступая в схватку. К тому же они не конкурируют друг с другом за пищу — кормят обоих вдоволь. Но если вы, на потеху туристам, будете и дальше провоцировать их драться между собой — все это может плохо кончиться.

— Мы учтем ваши замечания, мисс Хардинг, — подчеркнуто вежливо произнес Хэммонд, — но в любом случае это пустяки.

Сара переглянулась с Элли — та выразительно закатила глаза и покачала головой. Лекси же не обращала внимания на своих спутниц — прильнув к окну, она с интересом уставилась на очередное невероятное зрелище.

Электромобили подъехали к месту возле озера, где обитали ящероногие динозавры. На топком заболоченном берегу паслись брахиозавры и диплодоки, а также впервые показанные посетителям Парка апатозавры — не менее громадные, чем их собратья, они объедали листья с верхушек пальмовых деревьев. Всего здесь паслось около двух десятков животных. Имелось там и несколько гадрозавров с мордами, напоминающими утиный клюв. По сравнению с длинношеими великанами они казались малютками.

— Больших животных, которых вы сейчас видите, называют обычно бронтозаврами, — сказал магнитофон. — Но на самом деле это апатозавры. Они весят более тридцати тонн. Это означает, что одно-единственное животное весит столько же, сколько стадо слонов. То же самое касается брахиозавров и диплодоков — еще более крупных ящеров, которых вы также можете увидеть перед собой. Однако всех этих исполинов превосходит колоссальное создание, возвращенное из небытия искусством генетиков Парка — самый крупный зверь когда-либо существовавший на Земле.

— О ком это он? — недоуменно спросил Грант и в тот же миг трубный рев, раздавшийся откуда-то слева, ответил на его вопрос. Внезапно исполины расступились и среди них возделась казавшаяся бесконечной шея с маленькой головкой. Следом появилось огромное туловище, а за ним — столь же длинный, как шея, хвост. Серебристо-синий цвет кожи в сочетании с громадными размерами, придавал этому ящеру нереальный, какой-то космический облик.

— До сих пор самым большим животным считался синий кит, — говорил из микрофона Кайли, — но этот ящер отнял у него пальму первенства. Сто двадцать футов в длину и вес в

пятьдесят тонн, подтверждают, что это чудовище не зря именуют суперзавром.

— Ойой, — в восторженном ужасе простонал Тим.

— Пятьдесят тонн, — произнес Грант, — невероятно!

— Мы вывели его в единственном экземпляре, — пояснил Реджис, — все же он слишком велик даже на фоне своих сородичей. Но, похоже, мы окончательно ответили на вопрос, какой динозавр самый большой. Как вы считаете, доктор Грант?

— Определенно ответили, — с невольным благоговением произнес палеонтолог, не в силах оторваться от созерцания исполина. Чудовище, известное только по находкам разрозненных позвонков, о подлинных размерах и весе которого строились самые разные догадки, внезапно воплотилось перед ним в поистине несокрушимой мощи.

— Наверное, немалых трудов стоит его прокормить, — поинтересовался Малькольм.

— Он довольно неприхотлив в еде, — ответил Реджис, — в отличие от своих сородичей этот гигант иногда не брезгует даже мясом.

— Мясом? — вмешался в разговор Грант, — он всеядный?

— В основном травоядный, — покачал головой Реджис, — но если ему попадется падаль, суперзавр не упустит случая полакомиться. Или слопать какое-нибудь мелкое животное — один раз камеры засекли, как он сожрал птицу.

— В этом нет ничего удивительного, — поддакнула Сара, — подобное я наблюдала у жирафов в саванне. Один раз целое стадо поедало тушу антилопы гну. А однажды в Берлинском зоопарке был зафиксирован случай, когда жирафы убили и съели голубя. Эти звери, комплекцией напоминают жирафов — может и прочие повадки схожи.

— Если для жирафов нормально убить и сожрать голубя, — медленно произнес Малькольм, — что может показаться мелкой живностью для этого монстра?

— Не беспокойтесь, — усмехнулся Реджис, — эти животные редко разнообразят рацион мясом. И уж точно это не коснется людей — для суперзавра это слишком крупная закуска. Ну и к тому же он под надежной охраной, как и все прочие звери.

— А сейчас мы поедem посмотреть на следующих доисторических животных, — вещал записанный на магнитофон голос. — Это водные животные, которых иногда ошибочно относят к динозаврам, но которые даже не родственны ими. Стремительные хищники древних морей, получившие зловещее название в честь Реки Мертвых

— Может, хватит уже? — сказал Дженнаро, — кажется, будет дождь.

Остальные бросили взгляд на небо, которое и впрямь заволакивали тучи.

— И вправду, — вмешался Малькольм, — к тому же скоро стемнеет. Имеет ли смысл ехать по Парку ночью, да еще и в непогоду?

— У нас запланировано посещение Стиксоозера, — напомнил Реджис, — потом вольер с велоцирапторами. Это ночные хищники, поэтому за ними лучше наблюдать именно вечером. И лишь потом...

— Если пойдет дождь, мы все равно ничего толком не увидим, — сказал Дженнаро, — что мешает нам вернуться сюда завтра?

— Завтра у нас совсем другой маршрут, — сказал Реджис, — но если дождь... мистер Хэммонд, вы слышите нас?

— Слышу, — послышался голос из динамика, — прогноз погоды и впрямь скверный. Ладно, возвращайтесь. Это вообще возможно?

— Эти машины не могут вернуться, — напомнил Реджис, — маршрут проложен так, что они могут ехать только вперед. Но, если нас переключат на другие маршруты, то,

разделившись, мы вернемся в гостиницу гораздо быстрее. Первая и третья машина смогут проехать над берегом озера, а мы с Тимом и Деннисом проедем мимо секции стегозавров и вольера цератозавров.

Хэммонд посмотрел на Арнольда и тот кивнул, щелкнув парой рычажков. Светившаяся перед ним карта парка мигнула и маршрут, которым двигались машины — тонкая светящаяся линия, изгибавшаяся меж вольеров, — вдруг исчез. Почти сразу же на карте пролегли две новые линии, очертившие машинам путь возвращения. Из радиопередатчика донесся шум моторов и три светящиеся точки двинулись по линиям.

— Вот и все, — сказал Арнольд, поворачиваясь к Хэммонду, — они вернутся, самое большее, через час.

Недри был близок к панике — за всю экскурсию ему так и не удалось, не то, что поговорить — даже приблизиться к Лекси. Чтобы не вызывать подозрений пришлось немало поработать — чертов Арнольд постоянно подкидывал все новые задания по электронной почте и Недри, кляня его почем свет стоит, был вынужден выполнять. Многие поручения вызвали немалое раздражение: например, когда Арнольд потребовал проверить автоматический анализатор фекалий (Недри называл его «дерьмовый робот»). Чертов аппарат прилежно показывал, что у всех ящеров есть какой-то паразит с мудреным латинским названием, хотя на самом деле ни у кого его не было. Тем не менее, аппарат срабатывал и по его программе в еду животных автоматически добавлялись лекарства, а если работники парка вынимали медикаменты из кормушек, включался сигнал тревоги. Деннису пришлось попотеть, чтобы привести все в норму. К тому же, его постоянно отвлекали: Реджис своими разговорами, болтовня по рации, да и сами животные на которых Недри не мог не смотреть — все же не каждый день видишь живого динозавра. Лишь перед вольером с тираннозаврами Недри разделался со всеми заданиями на сегодня. Он надеялся переговорить с Лекси у водохранилища — предполагалось, что там машины останятся и экскурсанты смогут выйти. Однако так некстати набежали эти тучи и все дружно решили вернуться — да еще и разными путями. Причем Недри не повезло возвращаться иной дорогой, не той, что ехала Лекси, а он так и не смог придумать убедительного предлога, чтобы пересесть в другую машину.

Недри тайком вывел на экран несколько слайдов и едва сдержался, чтобы не опустить руку к паху, разглядывая голую Лекси под душем. Воровато он оглянулся на Тима — но тот уже болтал с Реджисом.

— Надеюсь, до завтра погода наладится, — возбужденно говорил подросток, — мы так много еще не посмотрели, а ведь уезжаем мы как раз завтра вечером.

— Я знаю, — кивнул Реджис, — ничего, завтра ты увидишь весь Парк — с севера на юг, до самой Стены. А там уже вас будет ждать самолет, что отвезет вас в Канберру.

Недри скрипнул зубами, ну да, конечно. В гостинице он никак не успеет поговорить с Лекси с глазу на глаз — их номера слишком далеко, к тому же она может опять удрать к своему другу. А утром Недри придется работать — Хэммонд разрешил только одну экскурсию, ведь проблемы, которыми он займется завтра, не уладишь по ноутбуку. А чертова девка уедет — и великолепный компромат пропадет напрасно.

Недри посмотрел в окно — машины разъезжались, с двух сторон огибая небольшую рощицу — еще одну плантацию, поросшую деревьями и высокими кустами. Уже темнело, но сквозь заросли мерцали огоньки Тойот. Еще немного — и машины скроются из виду.

Отчаяние придало Недри решимости: склонившись над монитором, он быстро-быстро

заработал пальцами, выводя на экран систему электроснабжения. Все займет минут пятнадцать-двадцать, а потом он все вернет обратно. Только бы успеть.

Смеркалось и по обе стороны от дороги один за другим загорелись кварцевые прожекторы. Гранту казалось, что они едут по ярко-зеленому туннелю из листвы. На ветровое стекло упало несколько крупных дождевых капель. Внезапно Грант почувствовал, что электромобиль замедляет ход, потом машина вообще остановилась.

— А теперь что стряслось? — на соседнем сиденье заворочался Малькольм. — Почему мы остановились?

— Не знаю, — покачал головой палеонтолог.

И тут вдруг погас свет. Дороги погрузилась во тьму.

— Что это? — спросил Тим.

— Наверное, генератор отключился, — предположил Эд Реджис. — Через минуту все будет нормально, я не сомневаюсь.

— Что за черт? — воскликнул Арнольд, глядя на мониторы.

— Что происходит? — встревожился Хэммонд. — Электричество отключилось, да?

— Да, но только по периметру Парка. В здании все работает прекрасно. А в Парке электричества нет. Свет, телекамеры — все отключилось.

Экраны мониторов, показывавшие, что творится в парке, погасли.

— А что с электромобильями?

— Они остановились где-то возле вольеров трицератопса.

— Так позвоните ремонтникам, пусть срочно наладят свет!

Арнольд схватил телефонную трубку и услышал шипение: это переговаривались компьютеры Недри.

— Телефоны все заняты! Недри! Проклятье, и он в этом сейчас в Парке. Без него я ничего не могу сделать.

— Что будем делать? — спросил Тим, тревожно оглядываясь по сторонам.

— Ждать, пока не включат свет, — пожал плечами Реджис, — что нам еще остается?

— Может, пройдем к остальным? — подал голос с заднего сидения Недри, — как-то мне не по себе, что мы тут только втроем.

— Свет могут дать в любую минуту, — напомнил Реджис.

— А могут и не дать, — сказал Недри. — неизвестно, сколько мы будем тут сидеть, а мне уже охота отлить. И ноги затекли, я бы не прочь прогуляться.

— Я тоже, — поддержал его Тим.

Реджис заколебался. С одной стороны, он должен был приглядывать за экскурсантами, с другой — Хэммонд и так дал добро, чтобы они разделились. А он уже устал от туристов. В конце концов, сюда он устраивался не нянькой и даже не гидом — пусть и для особо почетных гостей. Пусть Тим и Недри идут к машинам — там как раз еще два пустых места. А Реджис подождет здесь, пока дадут электричество и спокойно поедет обратно.

— Меж тех кустов есть тропинка, — решившись, сказал он, — рабочие оставили. Лучше идти по ней, чем по дороге: и путь срежете и меньше промокнете, когда начнется дождь.

— А вы? — спросил Тим.

— А я останусь здесь, — пожал плечами Реджис, — если дадут свет, кто-то должен остаться здесь, когда машина поедет.

— Не бойтесь?

— Нет, — без колебаний ответил Реджис, — динозавры сидят в вольерах уже по многу

месяцев, а некоторые и несколько лет. Их часто било током, а животные быстро соображают, как избежать того, что вызывает шок. Вряд ли динозавры приблизятся к ограде. Так что можете не бояться — сейчас Парк безопасен, как и всегда.

Тим кивнул и, наконец, поспешил за Недри, уже исчезавшего в зарослях — толстого компьютерщика судьба Реджиса совсем не волновала. Эд подождал, когда обе фигуры растворятся в сгуставшихся сумерках и, потянувшись к бардачку, достал очки ночного видения. Затем воровато оглянулся и вытащил из сумки банку пива. Он скovyрнул ушко, откинулся на спинку кресла и с наслаждением пригубил — длинный рабочий день, похоже, подошел к концу и он мог расслабиться.

— Лекси, ты куда?! — наполовину высунувшись из машины крикнула Сара.

— Я мигом! — ответила девушка, — просто у меня сейчас мочевого пузыря лопнет.

— Не отходи далеко, — заметил Дженнаро, — может свет дадут.

— Я быстро! — повторила Лекси, исчезая в кустах.

Тропинка была узкой, заросшей высокой травой, с нависшими над ней ветвями. Тим и Недри почти сразу потеряли друг друга из виду, но оба не особо обеспокоились — впереди слышались разговоры, выдающие близость машин. Тим даже заметил огонек — кто-то зажег зажигалку, собираясь прикурить. И все же парню было не по себе — поэтому он и припустил вперед, оставив позади медлительного Недри. Тот же в потемках сбился с дороги, продираясь через кусты и, в конце концов, забрел в какой-то овраг. Недри уже хотел позвать на помощь, но потом решил, что выберется и сам. Деннис не боялся, что уедут без него — он хорошо знал причину сбоев и знал, что свет появится, как только он доберется до машины. Но сначала надо поговорить с этой сучкой.

И в этот момент он услышал журчание.

Сначала Недри принял этот звук за ручеек, но тут же понял свою ошибку — когда в его ноздри ударил едкий запах. Несколько капель упало ему на лицо и он брезгливо вытерся. В тот же миг он заметил и фигуру, скорчившуюся на корточках у края оврага. Ветви кустов здесь расступались, открывая небо, и Деннис различил на голове человека знакомую бейсболку. Лицо Недри расплылось в недоброй улыбке и он, цепляясь одной рукой за ветви кустов, а второй зажав под мышкой ноутбук, полез наверх.

Лекси уже закончила свои дела и стояла, застегивая молнию на шортах, когда перед ней вдруг вырос громоздкий пыхтящий силуэт. От неожиданности Лекси вскрикнула, но ее крик заглушил очень кстати прогремевший раскат грома, сопровождаемый блеском молнии. В ее свете Лекси и узнала неожиданного визитера.

— Деннис! — удивленно спросила она, — ты что здесь делаешь?

— Искал тебя, — Недри осклабился, — хотел кое-что показать.

— Чего?

Не тратя времени, Недри открыл ноутбук и несколько раз клацнув клавишами, развернул монитор к Лекси. Та сразу же узнала, что ей показывают и с негодованием посмотрела на Недри. На его лице, освещенном монитором, блуждала похотливая ухмылка.

— Интересно, что скажет твой дед, увидев, как развлекается внука? — произнес Недри.

— Откуда это у тебя?

— Для меня тут нет тайн, — Недри мерзко хихикнул, — не о том спрашиваешь, малышка. Лучше подумай, что ты готова сделать, чтобы эти снимки не попали дедушке Джону.

— И чего ты хочешь? — спросила Лекси.

Взгляд Недри буквально прилип к вырезу на ее блузке, красноречиво говоря о его намерениях. Лекси буквально передернуло от омерзения и внезапно нахлынувшего гнева — эта жирная жаба еще будет шантажировать ее!

Ошибка Недри была в том, что он переоценил испуг Лекси — решил, что разница в возрасте и поле дают ему превосходство. Поэтому для него стал полной неожиданностью крепкий кулак, расквасивший ему нос и разбивший и без того еле державшиеся очки. В следующий миг ударом ноги Лекси выбила ноут из рук толстяка.

— Дура! — взвизгнул толстяк, — безмозглая шлюха!

Он беспомощно замельтешил руками, пытаясь поймать падающий компьютер. Лекси, улучшив момент, как следует наподдала Недри кроссовком под зад. Снова взвизгнув, Недри не удержался на краю оврага и покатился вниз, вслед за кувыркающимся по склону ноутбуком. Лекси встревоженно наклонилась, держась за ветки, но раздавшаяся снизу брань дала ей понять, что Недри благополучно достиг дна.

— И только попробуй сказать деду! — крикнула она вслед, — Шон оторвет тебе задницу, а я яйца, если ты вякнешь хоть слово!

— Лекси, ты не видела Недри? — сказал доктор Грант, когда девушка вышла из кустов. Рядом с ним девушка увидела встревоженных Малькольма, Дженнаро и, к своему удивлению — Тима.

— Нет, — мотнула девушка головой, — никого. А что, свет еще не дали?

— Нет, — покачал головой Дженнаро, бросив опасливый взгляд на небо, — это начинает всерьез беспокоить меня. Ладно, подождем Недри в машине.

Они едва успели рассесться, когда вновь прогремел гром и, наконец, хлынул дождь.

Ругаясь почему свет стоит, Недри бежал по дну оврага, пытаясь догнать катящийся под уклон ноутбук. Сверху лился дождь и хрупкий механизм подхватил раздувшийся ручеек, заставляя Недри трепетать от страха — только сейчас он понял, чем может кончиться его сегодняшняя авантюра.

Ноут брякнув, остановился — и Недри увидел перед собой очередную высокую ограду, переплетенную колючей проволокой. С трудом напрягая слабое зрение, Недри увидел лежащий под забором ноут. А рядом с ним, по другую сторону ограды угрожающе сопела некая исполинская туша. Подслеповатый Недри не узнал чудовища, но оно показалось ему громадным как слон.

— Тихо-тихо, — скороговоркой говорил досмерти перепуганный Недри, — хороший динозавр. Я только возьму и сразу, сразу уйду.

Он протянул руку, когда чудовище, громко фыркнув, боднуло сетку — только сейчас толстяк увидел у монстра огромные рога. Ограда выдержала и Недри вновь потянулся за ноутбуком, но тут зверь взревел и с новой силой обрушился на ставший бесполезным забор. Ограда затрещала, опасно накренившись и Недри, забыв о ноуте, с быстротой, неожиданной для столь тучного человека, испуганным зайцем метнулся по дну оврага. В суматохе он наткнулся на поваленное дерево и тут же забился под него, а в следующий миг ограда рухнула и огромный трицератопс вырвался на волю. Могучая лапа наступила на ноут, превратив его в бесполезное крошево из пластика, стекла и металла.

Импровизация и провал

Как только погас свет, Бобби Мугела отдал приказ действовать. Все шло по плану: отключение электричества, как решил Бобби, было следствием теракта у водохранилища и, соответственно, сигналом для его группы. В ожидании чего-то подобного несколько бойцов дежурили у восточной оконечности Стены. Как только вырубился свет, бойцы, украв примеченную загодя рыбацкую лодку, проплыли к заветному месту где был спрятан контейнер с оружием. Когда же они вернулись, их встречала группа в полном составе. По плану боевикам предстояло захватить весь полуостров, с обезоруживанием и взятием в заложники всех местных. После этого, дождавшись группы Джонни Конго они бы провозгласили по радио «Свободную Республику Тангорак». Джонни Конго и Сара Хардинг вышли бы в эфир с разоблачительным сообщением о незаконных генетических экспериментах, что американские капиталисты проводят на исконных землях тангоракцев. Ну, а там вступили бы в ход правозащитники и журналисты, спешно формировавшие общественное мнение о неизбежности признания очередного «Острова Свободы».

Но все пошло наперекосяк, еще не успев начаться. По плану Бобби и Джонни, охрана, узнав об аварии на водохранилище, спешно бы отбыла туда, оставив полуостров если и не беззащитным, то весьма ослабленным в плане обороны. Но, поскольку отключение света не было связано с группой Конго, действия Мугелы оказались фальстартом. Второй же недочет был и вовсе мелким, а посему особенно досадным: лодка, захваченная террористами, принадлежала Куинту Хуперу — заядлый рыбак, не раз выбирался в море, чтобы разнообразить здешний стол мясом тунца или меч-рыбы. Глядя на затягиваемое тучами небо, Куинт решил вытащить лодку на берег и укрыть от надвигающегося ненастья. Однако, выйдя к вспомогательному причалу, он с удивлением и возмущением обнаружил чернокожих островитян, энергично разбиравших оружие с его лодки.

— Эй! — воскликнул Куинт, — что, черт вас всех возьми, здесь происходит?!

Один из тангоракцев вскинул винтовку, но Куинт оказался быстрее: сорвав с пояса кольт, он дважды выстрелил и террорист упал, захлебываясь кровью. Остальные боевики в ответ изрешетили Куинта автоматными очередями.

— Скорее! — крикнул Мугела, — эти выстрелы должно быть уже слышали!

Не теряя времени, боевики устремились к Стене. Несколько охранников, дежуривших у ворот, и вправду услышали выстрелы и сразу же сделали правильные выводы при виде вооруженных «гостей». Завязалась перестрелка, в ходе которой, было убито двое боевиков и все охранники.

— Двое — охранять ворота, — распорядился Мугела, — остальные — по машинам!

Привезшие их утром джипы, еще стояли меж домов — водители, не получив нового распоряжения, присоединились к охране и оказались перебиты вместе с ней. На ходу перезаряжая оружие, боевики спешно рассаживались по машинам. Заурчали моторы и кавалькада автомобилей, с вооруженными до зубов головорезами, двинулась к главному причалу и раскинувшемуся близ него поселку.

— Что, черт возьми, там происходит, — в штабе Майкл Харрис снова и снова набирал номер, пытаясь связаться с Арнольдом или Хэммондом. Однако в ответ из трубки слышалось лишь шипение — казалось, будто в Парке разом пропала связь. Полуостров, исключая территории, примыкающие к стене, имел автономную систему электроснабжения, поэтому

Майкл еще не знал об отключившемся в Парке электричестве. Он все еще пытался узнать, что происходит, когда снаружи послышался шум моторов. Майкл выглянул в окно и увидел въезжавшие в поселок джипы.

— Чего это им тут понадобилось? — удивился он, выходя на крыльцо, — эй, вы должны были оставаться...

Он не успел договорить — выстрел из гранатомета разметал его в клочья вместе с дверью и половиной штаба. Бобби уже понял, что бескровного захвата не получилось и поэтому действовал на опережение, стремясь одним ударом задавить возможное сопротивление. Однако пришедшие в себя бритоголовые бойцы открыли ответный огонь. Первые выстрелы сразили трех бойцов Мугелы, еще одна пуля угодила в бензобак джипа. Последовавший за этим взрыв разметал и машину и находящихся в ней людей. В ответ расвирепевшие боевики открыли шквальный огонь из гранатометов, буквально разметавших в клочья поселок.

Застигнутые врасплох, к тому же находившиеся в явном меньшинстве, охранники погибли во взрывах гранат — а с ними и весь гражданский персонал, имевший глупость, высунуться. Однако и сами боевики понесли немалые потери — к тому же они расстреляли весь запас гранат. Несколько из них угодило прямо в вертолет — и теперь он полыхал ярким пламенем прямо на взлетной полосе. Бобби угрюмо посмотрел на охваченный огнем поселок и досадливо сплюнул.

— Обыскать здесь все, — приказал он, — если есть кто живой — убейте. Свалим потом все на них, когда сюда придут журналисты. Пять человек — на катер.

— Командир! — окликнул его кто-то из бойцов, — смотрите.

Бобби оглянулся и выругался сквозь зубы — в сгущавшихся сумерках он хорошо видел огонек, плясавший на Стене. Порыв ветра донес до террориста грохот взрывов.

— Стеречь катер! — напоследок крикнул он, усаживаясь в машину, — остальные за мной.

Громкий топот и рев возбужденного зверя становился все громче. Шон, уже не думая о том, что ждет его впереди, прибавил скорости — и тут ворота распахнулись и на дорогу выбежал человек. Он кинулся к машине, отчаянно размахивая руками и что-то крича. Шон узнал охранника дежурившего у ворот и наблюдая за парком.

— Назад! — Шон высунулся в окно, — назад, там опасно!

В ночи вдруг раздалась автоматная очередь и охранник, нелепо всплеснув руками, повалился на дорогу. Шон, ударив по тормозам, нырнул вниз — за секунду до того, как воздух над головой прорезала новая очередь. Падая на дно машины, Шон успел заметить выросшие на Стене фигуры ну, а звук выстрелов автомата Калашникова он хорошо знал еще по Африке.

— Черномазые ублюдки, — выругался он, скорчившись в неудобной позе и из нее пытаясь зарядить гранатомет. Когда ему это удалось, он вскочил и пальнул почти наугад. Послышался грохот и над наблюдательным пунктом вспух алый цветок взрыва. В тот же миг машина сотряслась от страшного удара — Шон ударился грудью о стекло, едва удержав оружие. Он обернулся — машину крушил разъяренный трицератопс. Второй удар чуть не сломал Шону грудную клетку — с такой силой очередной удар зверя швырнул зрителя парка на руль. На миг огромный зверь увяз рогами в разносимой им машине, что дало Шону время распахнуть дверь и выскочить наружу. В следующий миг высвободившийся трицератопс обрушился на джип всем весом. Рогами и колонноподобными лапами могучий

зверь в считанные минуты превратил машину в груды обломков. Среди них стояло чудовище, мотая рогатой башкой и озираясь маленькими свинячьими глазками. Вот его взгляд остановился на Шоне, зверь издал грозный рев и устремился на него. Кортни вскинул гранатомет, пытаясь прицелиться, когда за его спиной послышался скрип отворяемых ворот и шум моторов. Шон обернулся — в Парк въезжали машины, за рулем которых, как он сразу понял, сидели «гости». Недолго думая, Шон соскочил с дороги и скрылся в лесу. Трицератопс же, ослепленный внезапным светом фар, вновь взревел и ринулся на нового врага.

Увидев разрушенный взрывом участок Стены и нигде не найдя своих людей, Бобби Мугела приказал въехать в Парк. Почти сразу же он увидел невообразимое чудовище, размером со слона, несущееся на ошеломленных боевиков.

— Стреляйте! — визгливо крикнул террорист и, подавая пример, сам открыл огонь. Пули рикошетили от рогов и костяного воротника, когда колоссальный зверь с оглушительным грохотом врзался в джип. Брызнули осколки лобового стекла, послышался жуткий крик и трицератопс, вскинув голову, громко заревел, подняв на рога сразу двух корчившихся террористов. Со всех сторон затрещали выстрелы, приведя зверя уже в полное бешенство. Не помня себя, он кинулся на машины, круша металл и пластик, растапывая в кровавое месиво людей. Но и те, опомнившись от первого шока и потрясения, поливали чудовище свинцом, пока трицератопс, издав жалобный рев, не повалился прямо на дороге.

Бобби Мугеле повезло — его джип отделался лишь глубокой вмятиной и выбитыми стеклами. Сейчас же Бобби осторожно, словно ступая по тонкому льду, подошел к зверю. Чудовище еще жило — огромные бока ходили ходуном, налитый кровью глаз уставился на террориста. Передернувшись, Бобби снял с плеча автомат и пустил очередь прямо в этот глаз. Затем Мугела отвел взгляд от дохлой твари и осмотрел своих людей — столкновение с трицератопсом стоило жизни пятерым. Еще один был тяжело ранен, прижимая руку к боку, пропоротому рогом чудовища. Машинам тоже досталось — одну трицератопс превратил в хлам, две другие также изрядно пострадали: помятые с выбитыми стеклами и фарами, с пропоротыми шинами.

— Где Кортни? — голос Бобби, сорвавшийся на фальцет, звучал неожиданно комично, — этот мерзавец ответит мне за все!

Сам Кортни, закинув за спину гранатомет, спешно карабкался по ветвям исполинского гинкго. Он уже слышал доносящиеся со стороны реки негромкие звуки, напоминающие уханье совы и явно приближавшиеся к дороге. Наблюдал Кортни опасность и с другой стороны: меж высоких деревьев осторожно крались гибкие, слаженно двигавшиеся зловещие, хорошо знакомые ему, силуэты.

Один из боевиков, стоявший ближе всего к лесу услышал негромкий шелест и тут же обернулся, скидывая автомат. Однако выстрелить он не успел: что-то влажное шлепнуло его по лицу и в тот же миг глаза мужчины пронзила резкая боль, словно в них вонзились острые шипы. Террорист закричал, пытаясь свободной рукой вытереть лицо, но только размазывал хлопья пенистой, жгущей как кислота, слюны. Перед глазами плясали яркие круги, крутясь на месте, он невольно нажал на курок и автоматная очередь, срезав листья деревьев, хлестнула по остальным боевикам.

Из леса раздалось возбужденное уханье, переключивавшееся множеством голосов, а в следующий миг из леса вырвался целый дождь прицельных плевков, накрывших и без того ошеломленных боевиков. В следующий миг послышался раскат грома, небо рассекла

извилистая молния и в ее свете террористы увидели выстроившиеся цепочкой на опушке леса причудливые фигуры. Впрочем, засевший на дереве Кортни узнал их сразу и на минуту даже пожалел террористов. На них напали дилофозавры — ящеры длиной в десять-двенадцать футов, с мощными задними лапами и массивным хвостом, на который они опирались при ходьбе. Кожу динозавров покрывала иссиня-черная чешуя, но по хребту тянулось что-то вроде щетины из ярко-красных перьев. Такими же красными были и два широких волнистых гребня, тянувшихся по верху морды от глаз к носу. В середине они соединялись, образуя на голове динозавра подобие буквы «V».

Бобби Мугела тоже увидел ящеров.

— Стреляйте!!! — взвизгнул он и, не дожидаясь выполнения, команды сам открыл огонь. Парочка ящеров упали, корчась в предсмертных судорогах, но остальные, презрев опасность, ринулись вперед, прыгая словно кенгуру. В считанные секунды они оказались среди террористов. Тех, кто был ослеплен ядовитыми плевками, дилофозавры выпотрошили острыми когтями. Остальные террористы, и без того испуганные и сбитые с толку всем происходящим, обратились в бегство. Некоторые рванули к воротам — впереди них бежал Бобби Мугела, выкинувший разряженный, а потому бесполезный автомат. Волна дикого ужаса смыла без следа его европейское образование, сорвала тонкий налет цивилизации, обнаружив под ним суеверного дикаря, наяву столкнувшегося с самыми жуткими порождениями собственных сказаний. Все пошло не так как только выключился свет — неудивительно, что закончилось оно этим кошмаром. Эти твари — настоящие «морго», злые духи, что выходят на землю из преисподней, дабы убивать и пожирать людей. С морго невозможно воевать, их невозможно убивать, от них можно лишь спастись бегством. Об этом же думали и остальные боевики, разбегавшиеся от острых когтей и ядовитых зубов дилофозавров.

Вновь прогремел гром и хлынувший, наконец, тропический ливень внес еще большую сумятицу. Некоторые террористы, сбитые с толку, кинулись в лес, в противоположную от дилофозавров сторону. Но Шон Кортни уже видел, что это плохая идея — к мечущимся среди деревьев людям спешили знакомые тени. Велоцирапторы не стали отсиживаться среди всеобщей кровавой потехи, также умудрившись выбраться из своего вольера. Шон понял, как это произошло: рев трицератопса и грохот выстрелов привел в возбуждение всех окрестных хищников. Без сомнения, дилофозавры и велоцирапторы попытались вновь проверить ограду на прочность — и на этот раз обнаружили, что электрическое напряжение исчезло. После этого им уже не составляло труда вырваться, чтобы подоспеть к роскошному пиру.

Бобби уже подбегал к воротам, когда услышал звук, похожий на крик хищной птицы и из зарослей выскочило нечто ужасающее, с острыми клыками и зубами. Заорав от ужаса, Бобби вскинул руки, пытаясь ими оградиться от чудовищной твари. Ужасающая тяжесть сбила его с ног, искривленный коготь впился ему в живот, и тело террориста оказалось распорото от кадыка до паха. Бобби еще жил, когда острые зубы вонзились в его вывалившиеся внутренности, а жуткая пасть вырывала и проглатывала окровавленные куски. Рядом крича от ужаса и боли, также помирали и остальные боевики — никому из них не удалось добежать до ворот.

Дикие крики подсказали Шону, что рапторы нашли свои жертвы. Одну гибель Кортни видел своими глазами — когда рапторы, вцепившись с разных сторон в истошно вопившего террориста, в мгновение ока растерзали его. Похожая судьба ждала и остальных. Велоцирапторы, которым не досталась поживы, вышли на дорогу, где и столкнулись с

ядовитыми ящерами, пожиравшими как убитых людей, так и тушу трицератопса. При виде новых врагов дилофозавры злобно зашипели, по бокам от голов у некоторых вдруг раскрылись кожистые складки, как у плащеносной ящерицы. Один из рапторов, проигнорировав это предупреждение, подошел слишком близко — и дилофозавр плюнул ему в морду. Ящер отскочил, трясая головой и пытаясь вытереть морду передней лапой, злобное шипение сменилось жалобным клетотом. Сразу три раптора метнулись к нему и Парк огласил истошный вопль, когда когтистая лапа молниеносно распорола ослепленному зверю брюхо. Кишки, свернутые кольцами, вывалились наружу, словно жирные змеи и все трое ящеров кинулись на издыхавшего собрата, пожирая его живьем. Остальные рапторы разделились — не пытаясь схватиться с дилофозаврами, часть устремилась по дороге вслед за убежавшими террористами, остальные же растворились в лесу. Мгновение спустя и на дороге, остались только дилофозавры, неустанно набивавшие свои утробы. Несколько молодых рапторов, как заметил Кортни, все же осталась у дороги, видимо, надеясь поживиться остатками добычи дилофозавров. В кустах уже мельтешили и прокомкогнаты: свободно передвигаясь по Парку, мелкие ящеры надеялись урвать свой кусок человечины. Наступившую после этого тишину нарушал лишь шум дождя, чавканье голодных пастей и шипение динозавров отгонявших слишком назойливых падальщиков от своей добычи.

Солнце уже клонилось к закату, когда отряд Джонни Конго вышел к искусственному озеру. За спиной боевиков остались джунгли, заброшенные плантации и несколько опустевших деревень. На заросших бурьяном огородах копались одичавшие куры и свиньи, мясом которых подкрепились боевики во время короткого привала. Свинину пришлось есть сырой — Конго запретил разжигать костер, опасаясь, что кто-то увидит дым. Впрочем, эти опасения оказались напрасны — за весь путь им так и не встретилось ни одного человека. Судя по всему, Хэммонд совершенно не занимался этой частью острова, что террористам было только на руку.

Достичь цели им помогали карты, предоставленные лордом Пенвордом — он дал их Саре, а та передала Джонни Конго. К вечеру боевики вышли к группе скал, у которых делала поворот на юг Река Джунглей. Здесь же разлилось водохранилище и впрямь походившее на озеро, укрытое, будто в чаше, меж скалистых берегов. Там где среди скал имелись зазоры, путь воде преграждали бетонные стены. После побега стиксозавра над ними дополнительно нарастили металлический забор, протянув над ним колочую проволоку и пустив по ней ток. С юга озеро ограждала массивная дамба, посреди которой красовался небольшой домик увенчанный высокой антенной на крыше.

За всем этим наблюдал в бинокль Джонни Конго, залегший на одной из скал с плоской вершиной. Рядом с ним, в другой бинокль, смотрел Генрих Куртмайер. Оба головореза увидели, как дверь домика распахнулась и оттуда выбежал мужчина в камуфляже с бритой головой. Он посмотрел на крышу дома, похоже, что-то сказал и нырнул обратно.

— Как думаешь, сколько их? — спросил немец.

— Вряд ли много, — ответил Конго, — тогда бы установили, что-то побольше этой будки.

— Может, за дамбой есть и другие строения, — предположил немец.

— Может быть, — пожал плечами черный великан, — пока не увидим, не узнаем. Так или иначе — нам туда. Идем.

Он отдал приказ и боевики, залегшие меж камней, начали отходить. Прячась за скалами, солдаты «Республики Тангорак» осторожно, будто стая гиен, приближавшихся к буйволу, подходили к дамбе. Среди них выделялись два человека вместо обычного оружия несших несколько громоздких ящиков. Шедший рядом Генрих особенно внимательно смотрел за тем, чтобы никто из боевиков не повредил весьма непростой груз.

Шедший впереди Джонни напряженно думал над тем, что он увидел со скалы. Была в той дамбе какая-то странность, нечто такое, что он никак не ожидал увидеть — однако эти тревожные мысли были слишком смутными и неоформленными, чтобы Джонни мог облечь их во внятные слова. В конце концов, он решительно тряхнул головой и зашагал вперед: так или иначе, на месте все выяснится.

Он всегда предпочитал действие размышлениям. Сын тангоракского полукровки, после изгнания из Чагоса, поселившегося на Сейшелах и там женившегося на чернокожей женщине, которую местные почитали за колдунью. В ее жилах тоже текла кровь жителей Тангорака — ее дед переселился на архипелаг еще в прошлом веке, — и она знала много тайных обрядов, принесенных с давно потерянной родины. Иные ритуалы она передала сыну — даже не обучая, некоторые умения достались ему как бы по наследству.

Когда ему исполнилось десять, родители перебрались в Танзанию — не по своей воле, из-за каких-то сложностей с законом, которых Джонни так и не дознался. Там они попали в одно из коллективных хозяйств, созданных в рамках политики уджамаа — африканского коммунизма, насаждаемого президентом Джулиусом Ньерере. Однако ковыряться в земле претило беспокойной натуре Джонни — в пятнадцать лет он убежал в Замбию, где и примкнул к одной из марксистских банд терроризировавших Родезию. Честолюбивого и смышленного юнца, с крайне экзотической внешностью вскоре заметили китайские инструкторы, давшие подходящее идеологическое обоснование его кровожадным инстинктам. Последующие двадцать лет Джонни провел в разных войнах, став одним из самых жестоких боевиков Африки и внушая почтительный ужас во всех странах, где ему доводилось воевать. Однако он всегда чувствовал себя чужаком среди всех народов Черного Континента, что, освободившись от колонизаторов, с ожесточением голодных гиен кинулись грызть глотки друг другу. Они воевали за свое — точнее то, что считали таковым, — но при всех раскладах Джонни отводилась роль лишь цепного пса в политических играх вожаков, без шансов сыграть собственную игру. Тогда Джонни Конго и решил выкроить государство, где он сможет стать столь же полновластным владыкой, как африканские диктаторы, вроде Роберта Мугабе или Соморы Машела, которыми он всегда восхищался. Государство получилось бы совсем крохотным, но это было и к лучшему — значит, дело можно решить сравнительно небольшими силами. Всего лишь один сильный и точный удар положит остров к ногам Джонни Конго.

Сейчас же он собирался этот удар нанести.

Вот и дамба — массивное сооружение, преграждающее путь массе воды. Сравнительно узкий поток, вытекавший из-под массы земли, камня и бетона, продолжал течение реки на юг. На западном берегу сплошной стеной стояли джунгли, среди густых зарослей которой просматривался блеск металлических ограждений. Возле самой дамбы виднелись ворота, за которыми угадывалась уходящая вглубь Парка дорога. К ней же подводился переброшенный через реку широкий мост, от которого, по обоим берегам, поднимались две лестницы. Опасения Генриха оказались напрасны: никаких строений, кроме установленного на дамбе домика здесь не имелось, если не считать стоявшей на одной из скал трансформаторной будки. Но и она выглядела на удивление тихой, как будто выключенной. На самой дамбе также не наблюдалось никакого движения.

— Генрих и еще пятеро на правую лестницу, — скомандовал Джонни. — Остальные — за мной.

Словно в ответ его словам послышался раскат грома и на землю упали первые капли дождя. Махнув рукой Джонни, быстро перебежав мост, кинулся вверх по лестнице. За ним, стараясь не отставать, спешили прочие бойцы. Оставшиеся на правом берегу боевики, вместе с Генрихом, уже взбегали на главную лестницу.

Охранники, как и все в Парке, застигнутые врасплох отключением электричества, засели в каморке, не желая угодить под дождь. На водохранилище работало всего лишь двое человек — считалось, что для управления предельно автоматизированным и компьютеризированным сооружением этого достаточно. Один охранник пытался по рации связаться с центром, желая узнать, когда включат электричество, второй, в свете карманного фонарика, внимательно изучал инструкции по технике безопасности, ища рекомендации к подобному форс-мажору. Дверь они не закрывали — все равно тут, как и везде, она закрывалась только магнитными карточками, сейчас бесполезными. Никто из охранников не

успел ничего сделать, когда в дверном проеме вдруг появилась исполинская фигура и автоматная очередь изрешетила обоих. Следом в каморку зашли Джонни Конго, Генрих Куртмайер и еще парочка террористов.

— Пошевеливайтесь, — приказал Конго, — времени мало: нужно побыстрее сделать все и убраться отсюда. И да — почему так темно? Включите свет!

Генрих уже копался в причудливой машинерии, занимавшей большую часть каморки. Джонни, подобрав выпавший из рук одного из убитых фонарик, осветил помещение, равнодушно оглядев множество плоских экранов и тому подобной аппаратуры. Надписи на ней ничего не говорили Джонни — всеми техническими делами занимался немец. И выражение на лице Генриха, Джонни совсем не понравилось: как правило, эта тревожная гримаса говорила о том, что что-то идет не по плану.

— Что-то не так? — бросил Джонни.

— Электричество отключено, — сказал немец, — вся эта аппаратура сейчас — лишь груда металлолома. Сдается мне, что здешняя охрана прибудет раньше, чем мы думали.

— Значит, ускоримся и мы — нетерпеливо сказал Конго, — у тебя все готово?

— Да, конечно, — кивнул немец, — вообще нам повезло, что чертово электричество отключилось. Помнишь те железные хреновины, что мы видели пока шли к дамбе?

— Ну да, — буркнул Джонни, припомнив размещенные на некоторых скалах и деревьях зеленые ящики. В середине лицевой стороны каждого из них была вмонтирована линза, а под ней написан какой-то номер.

— Эти датчики движения, — пояснил Генрих, — их разместили, чтобы следить за озером и его окрестностями. Сейчас они не работают, поэтому нас и не засекли.

— Значит, сами духи предков помогают нам, что отключили белым их глаза и уши, — произнес Джонни Конго, отметив как радостно сверкнули зубы на лицах его сподвижников. Сам Конго, лишь немногим менее суеверный, чем его спутники, сам поверил в сказанное им — а как иначе объяснить столь удачное стечение обстоятельств? Если бы не эта загадочная авария — план мог накрыться еще до начала операции.

Спустившись с дамбы, террористы принялись, под присмотром Куртмайера, распаковывать загадочный груз. Они доставали из ящиков «кирпичики» пластической взрывчатки, а немец брал их сразу по нескольку штук, обматывая проволокой и соединяя с детонаторами, похожими на небольшую черную коробку. С величайшей осторожностью немец расставлял смертоносные механизмы, соединяя разноцветные проводки и выставляя цифры таймера. Одна ошибка могла стоить жизни всей группе — но Генрих не знал ошибок. В итоге взрывчатка установилась в трех местах: самый сильный заряд встал у подножия дамбы, на три фута выше реки. Два других снаряда были заложены на обоих лестницах.

— На таймерах установлено разное время, — пояснил Генрих, — и сработают взрыватели отдельно друг от друга, с интервалом в двадцать минут. Первый взрыв, самый сильный, подорвет основание дамбы, а когда она пойдет трещинами — взорвутся и два остальных снаряда, что окончательно разрушат дамбу. Нам же этого временного промежутка хватит, чтобы отойти в безопасное место.

— Отлично, — кивнул Джонни, — начинай.

Повинуясь его словам, террористы начали отход — когда они находились на расстоянии примерно ста футов от дамбы прогремел первый взрыв. И тут же в ответ последовал оглушительный рев, напоминающий кваканье исполинской лягушки.

Все боевики как по команде обернулись на этот звук. Дамба, как и планировалась,

пошла крупными трещинами, отовсюду хлестала вода, хотя сама плотина еще держалась. Что оказалось неожиданностью — огромный водоворот, образовавшийся в реке, прямо под местом взрыва. Словно под землей находилась некая огромная полость, которую сейчас стремительно наполняла бурлящая вода. Вот рухнул огромный пласт и меж комьев земли, обломков скал и потоков воды вынырнуло нечто огромное, покрытое серо-зеленой кожей с пупыршками. Вновь раздался оглушительный рев и из воды вдруг выпрыгнуло безобразное, совершенно невообразимое чудовище. Выпученные глаза тупо уставились на оцепеневших от ужаса людей.

— Морго! — полный ужаса крик раздался сразу из нескольких уст. Однако это был не злой дух, но куда более жуткая тварь. Среди образцов янтаря, собранного командой Хэммонда, имелся небольшой образец из бывшей Восточной Германии. В глубине янтаря таилась муха, в незапамятные времена сосавшая кровь мастодонзавра — самой крупной амфибии в истории Земли. Хэммонд не был уверен, что ее стоит воскрешать — и Генри Ву, ознакомившись с крайне поврежденной ДНК, был склонен с ним согласиться. Однако Франсуа Шарьер сумел переубедить обоих — и работа закипела.

Несколько попыток кончились неудачей, однако Шарьер не сдавался, комбинируя ДНК и клетки различных амфибий и рептилий. В конце концов, смелый опыт увенчался успехом, хотя любой палеонтолог заметил бы, что воскрешенный монстр сильно отличался от современных реконструкций мастодонзавра. Он больше всего напоминал исполинскую лягушку с бородавчатой кожей, коротким жирным хвостом и пастью полной острых зубов. Однако, главная проблема была даже не в этом: в попытках воскресить исполинского стегоцефала, Шарьер и Ву использовали, среди прочего, и генетический материал ядовитых амфибий — древесных листолазов, жаб аг и огненных саламандр. В результате каждая пора получившейся твари источала смертоносный яд — двое легкомысленных лаборантов, умерли всего лишь прикоснувшись голыми руками к пупырчатой коже. Еще один лаборант чуть не погиб, просто надышавшись ядовитых испарений. После этого тварь, предварительно усыпив, отвезли в подземное помещение, оборудованное при строительстве дамбы в расположенной под скалами естественной пещере. Разумеется, все ходы и выходы были закрыты прочной сеткой с электрическим током, тогда как наблюдение обеспечивали специальные датчики. Пищу через большой люк предоставляла очередная автоматизированная система. Раскормленный свиньями и овцами, мастодонзавр разросся чуть ли не до размеров слона, а жуткое кваканье прорывалось даже сквозь толщу земли и скал, разносясь по окрестностям. Отключение электричества и последовавший за этим взрыв освободили тварь — которую из-за всех проблем не покормили вовремя. Впрочем, чудовище, получившее, среди прочего, инстинкты роющих земноводных, уже смогло и выбраться и самостоятельно отправиться на поиски корма.

Всего миг выпученные глаза рассматривали людей, а потом напряглись огромные лапы и тварь прыгнула вперед, разом оказавшись среди террористов. Двое человек крича и корчась от невыносимой боли, умирали от яда брызжущего из уродливых бородавок, еще двух заглотала исполинская пасть. Открытый из всех стволов огонь, казалось, только разозлил чудовище, с новой яростью кинувшееся на людей. В считанные минуты она сожрала еще троих, после чего остальные кинулись наутек.

Джонни Конго и Генриху Куртмайеру повезло — им, также как и еще трем боевикам, удалось добежать до ворот Парка и распахнуть их, вбегая внутрь. Чудовище, занятое пожиранием добычи, несколько замешкалось, а когда решило догонять удиравших людей,

наконец, прогремело два других взрыва. Дамба треснула пополам и из широкой трещины хлынул поток воды, увлекая за собой жуткую тварь. Незадачливые террористы меж тем карабкались на ближайшее дерево. С его вершины они могли наблюдать стремительно мелевшее озеро и устремившихся в реку двух огромных ящеров с длинными шеями и бочкообразными телами.

Добро пожаловать в «Парк динозавров»

Дождь лил стеной, почти скрыв от Реджиса Парк. Не помогали и очки ночного видения. Электричество отсутствовало уже минут сорок и мужчина всерьез обеспокоился столь затянувшимися неполадками. Реджис уже опустошил одну банку пива и потянулся за следующей, стараясь хоть так заглушить вызревавшее в нем раздражение. Мало того, что из него сделали няньку для гостей, так еще он вынужден теперь торчать посреди Парка. Чувствовал он себя все более неуютно — до Реджиса вдруг дошло, что лишь ненадежная теперь ограда отделяет его от шастающих вокруг доисторических монстров. Он уже пожалел, что не пошел с остальными — в компании он бы чувствовал себя спокойнее. Реджис выглянул в окно — дождь вроде начал стихать. Может, все же рискнуть и пробраться к экскурсантам?

Негромкий, но тяжелый удар сотряс землю, заставив содрогнуться и машину. Реджис недоуменно оглянулся, затем, опустив стекло, попытался разглядеть что-то в пелене дождя. Земля содрогнулась вновь, закачались деревья и на дорогу вдруг ступило исполинское чудовище. Голая кожа блестела от дождя, пока огромный зверь медленно поворачивал из стороны в сторону увенчанную рогами голову. Реджис вжался в сиденье, стараясь не шевелиться — он слишком хорошо знал, что бывает, когда трицератопс атакует. На его глазах, однажды, трехрогий динозавр разнес в хлам машину и лишь по счастливой случайности никто не пострадал. Реджис понимал, что ему может так не повезти. Он припомнил, что неподалеку есть вольер, в котором содержалось два таких чудовища — видимо им удалось выбраться на волю. Интересно, где второй?

Трицератопс стоял неподвижно, будто высеченная из серого камня статуя и Реджис несколько успокоился, решив, что машина не вызывает у твари интереса. Эд начал надеяться, что динозавр двинется дальше по своим делам, как вдруг трицератопс опустил голову и взревел глядя в сторону леса. В следующий миг из пелены дождя неотвратимыми призраками смерти неспешно выступили два зловещих силуэта, осторожно приближавшихся к травоядному динозавру.

— О нет! — в ужасе прошептал Реджис.

Дождь почти утих и Реджис хорошо видел выходявших из мрака чудовищ. Одно из них достигало в длину футов четырнадцать, второе — все двадцать. Мускулистые тела, кажущиеся темно-зелеными в очках ночного видения, мощные задние лапы, длинные хвосты. Безобразные головы имели небольшой рог на носу, делавший их похожими на головы носорогов или же трицератопсов. В остальном же между четвероногим ящером и осторожно кружившими вокруг него двуногими тварями имелось немного общего. Большой ящер раскрыл зубастую пасть и громко зашипел. Это стало сигналом — стремительно, как и все хищники, обе твари кинулись на трицератопса.

Рогатый ящер угрожающе ревел, пригнув голову, пока цератозавры кружили рядом: то приближаясь, угрожающе оскалив острые зубы, то вновь отскакивая, уворачиваясь от острых рогов. Хищные динозавры пытались найти уязвимое место, но травоядный гигант, с неожиданным для такой туши проворством, всегда успевал выставить рога, заставляя цератозавров отступить. Ящеры, угрожающе шипя, метались вокруг него, ожидая малейшей промашки. Меньший цератозавр первым потерял терпение: внезапно он высоко прыгнул, пытаясь перескочить через спину трицератопса. Однако, ящер явно не рассчитал сил —

мгновение спустя ночь огласил истошный крик и цератозавр повис, извиваясь на острых рогах. Лезвия рогов распорол хищнику живот, завязнув в его плоти, пока рогатый ящер, трясая головой, пытался сбросить врага. В тот же миг второй цератозавр, сорвавшись с места, совершил мощный прыжок, очутившись на загривке трицератопса. Когти задних лап терзали плоть рогатого ящера и тот, оглушительно заревев, заметался из стороны в сторону, пытаясь стряхнуть вцепившуюся в него смерть. Тяжесть повисшего на его рогах меньшего цератозавра заставила трицератопса оступиться, поскользнувшись в грязи. Даже рухнув на землю, он пытался расправиться с врагом, раздавив его своим весом. Но цератозавр с необыкновенным проворством отскочил и тут же метнулся вперед, проскочив меж бьющих по воздуху громадных ног. Острые когти разорвали беззащитное брюхо, после чего цератозавр снова отскочил от хрипевшего, истекавшего кровью из растерзанного живота, трицератопса. На его рогах все еще корчился в предсмертных судорогах меньший цератозавр. Его же более удачливый собрат держался в стороне, по-птичьи склонив голову и внимательно осматривая гибнущих ящеров. На миг блестящий глаз ящера изменил направление, скользнув взглядом по машине и Реджис обмер от страха — ему показалось, что цератозавр смотрит прямо на него. Но если хищник и заметил Реджиса, то не уделил ему должного внимания, вновь переключившись на более крупную добычу. Не дожидаясь окончания предсмертной агонии трицератопса, цератозавр шагнул вперед. Зубастая пасть ухватила комок вывалившихся внутренностей и ящер принялся пожирать еще шевелившегося зверя. Сидевший в машине Реджис круглыми от ужаса глазами наблюдал за кровавой трапезой.

Внезапно цератозавр прекратил пиршество, настороженно уставившись на что-то в тени деревьев. Там что-то зашевелилось и, спустя миг, из леса появилось приземистая тень, передвигавшаяся на четырех ногах. Реджис узнал длинную узкую голову, покрытую серо-зеленой чешуей спину, длинный хвост. Раздвоенный язык выскакивал из распахнутой пасти, пока холодные глаза, оценивающе смотрели на цератозавра, готового защищать добычу от новой угрозы. Минуту или две оба хищника мерились взглядами, потом мегалания, решив, что этот противник ей не по зубам, наклонила голову и потрусила в сторону леса. Спустя миг огромная ящерица растворилась в зарослях. Цератозавр, словно успокоившись, наклонил голову и продолжил пожирать тушу трицератопса. Следивший за ним Реджис напряженно думал, что делать дальше — сидеть здесь, ожидая, когда включат электричество и надеясь, что никакая тварь не обратит на него внимание или рискнуть пробраться к остальным.

Внезапно машина качнулась от страшного удара, крыша затрещала и прогнулась под невероятной тяжестью. Реджис закричал от страшной боли, когда колоссальный вес буквально вдавил его в сидение. Осколки стекла брызнули в лицо человеку и в тот же миг перед ним появилась безобразная морда мегалании. Зубастая пасть распахнулась прямо над его лицом и в следующий миг жуткой силы тиски сдавили голову Реджиса. Глаза мужчины заволкло тьмой, в которой расплывались багровые пятна. Его с невероятной силой дернуло, вытаскивая из машины. Что-то хрустнуло и разорвалось внутри него, растекаясь по телу жуткой болью и последнее, что успел почувствовать Реджис, как страшная пасть исполинского варана разжевывает и проглатывает его.

— Теория хаоса учит нас, — говорил Малькольм, — что линейности, которую мы приписываем буквально всему, — от физики до литературы, — просто не существует. Мы не воспринимаем резкие иррациональные перемены как неотъемлемую часть нашего существования. И, тем не менее, это так. Реальная жизнь не представляет собой цепочку

внутренне связанных событий, происходящих в строгой последовательности. Жизнь это великое множество столкновений, и какое-то одно событие способно совершенно непредсказуемым, подчас даже роковым образом, изменить ход последующих. Это истина, такова структура нашей Вселенной. Однако мы упорно делаем вид, что...

— Вы это слышите? — внезапно Грант перебил математика. Малькольм, Дженнаро и присоединившийся к ним недавно Тим, — попытка сесть в машину к девушкам была пресечена Лекси, — недоуменно посмотрели на палеонтолога.

— О чем вы, доктор Грант? — вскинул бровь Малькольм, — я ничего не...

Он осекся на полуслове — теперь и он слышал сквозь шум дождя отдаленный крик, похожий на вопль гигантской чайки. Мужчины недоуменно переглянулись.

— Это все напоминает... — неуверенно начал Дженнаро.

Новый крик прервал его на полуслове и из струй дождя вдруг вынырнула огромная тень. Скользя над машиной, так что широкие крылья на миг скребнули по крыше, чудовище умчалось дальше. Вслед за ним устремились другие твари — в мгновение ока они заполнили воздух над дорогой. Грант, объятый научным интересом, отмечал все — огромные перепончатые крылья, острые клювы, усеянные тонкими зубами, тощие тела, покрытые дряблой кожей. У некоторых тварей были короткие, едва заметные хвосты, у других же — длинные, в несколько раз длиннее самого тела чудовища. Иные ящеры были не больше вороны, другие же имели размах крыльев, полностью накрывавший обе машины. Затмив крыльями все небо и оглашая воздух жуткими криками, птерозавры неслись над ними, словно дьяволы вылетающие из ада.

— Это птеродактили? — шепнул над ухом Гранта Малькольм.

— Это вообще все, — ответил Грант не в силах оторвать взгляд от казавшейся бесконечной стаи, — тут с десятков видов. Как, черт побери, им удалось вырваться из авиария?

Словно в ответ из леса раздался оглушительный рев — Грант сразу узнал его. В следующий миг на дорогу, что-то нечленораздельно вопя, выбежал толстый человек, грязный и окровавленный, в разорванной ветками одежде.

— Это Недри! — вскрикнул Тим.

Крики толстого компьютерщика заглушил новый рев и из леса выломился тиранозавр. Грант машинально отметил, что он заметно меньше чудовищ, виденных ими сегодня — видимо, это и был тот самый «малыш-Рекс». Впрочем, даже динозавр-подросток достигал не меньше десяти футов в высоту. Однако действовал как-то неуверенно, как и подобает молодым животным, тупо щелкая пастью, пытаясь схватить мельтешивших перед ним крылатых ящеров. Парочку ему все же удалось поймать и сожрать, однако остальные оказались слишком проворны. Вскоре Ти-рекс прекратил безуспешные попытки догнать их, сосредоточившись на мечущемся перед ним Недри. Один прыжок — и ящер уже очутился рядом с перепуганным толстяком. Удар тупой морды — и Недри упал на дорогу, пятясь задом и оглушительно вопя.

— Пошел! Пошел вон! Слышишь меня! — сидя на дороге, толстяк махал руками, словно это могло напугать зверя. Юный динозавр, похоже, был озадачен поведением жертвы и звуками, которые она издавала. Зверь наклонил голову и с любопытством принялся, а Недри заколотил кулаками по его морде.

— Убирайся! Назад! Убирайся! Пошел прочь! — Недри кричал во все горло, и динозавр попятился, давая человеку встать на ноги.

— Ты, глупое животное! Назад! Назад! Ты меня слышишь?! Назад! — вопил Недри. Подросток зарычал и вдруг, словно решившись, бросился на человека. Недри отшатнулся, поскользнулся и упал, шлепнувшись на зад и закрываясь руками, визжа как зарезанная свинья. Тим отвернулся, не в силах смотреть, тогда как Грант распахнул дверь, выскакивая наружу, хотя и понимал, что уже не успеет. Тиранозавр уже раскрыл пасть, готовясь вцепиться в Недри, когда над его головой вдруг хлопнули огромные крылья и молодой динозавр невольно отпрянул в сторону. исполинская тень на миг накрыла человека с тиранозавром — и стремительно взмыла вверх. Небо расколола очередная молния и в ее свете был хорошо виден силуэт огромного птерозавра, уносящего ввысь вопящего от ужаса Денниса Недри.

Гранту уже было не до сочувствия толстяку — внезапно палеонтолог осознал, что стоит под дождем, на открытом пространстве, в десяти шагах от тиранозавра. Раздосадованный тем, что у него перед носом увели добычу, молодой ящер глухо зарычал, шагая в сторону палеонтолога. Но в тот же миг над землей прокатился новый рык, куда более громкий. Маленький рекс, забыв о людях, стремительно кинулся в окружившие дорогу заросли.

— Что там, Алан?! — Элли наполовину высунулась из машины, не обращая внимание на дождь, тревожно смотря на Гранта, — он ушел?

— Садись в машину! — крикнул Грант, — закройте все двери и сидите тихо.

Элли хотела было спросить что-то еще, как вдруг ее глаза округлились от ужаса, с которым она посмотрела на что-то за спиной Гранта. Палеонтолог резко обернулся — и сам чуть не заорал. Из мрака надвигалась блестящая от дождя туша — многотонная машина для убийства, с пастью полной огромных зубов. Взрослый тиранозавр, наклонив голову, мчался на машину и Грант, понимая, что уже не успеет укрыться в тайоте, кинулся в лес. Из машины было высунулся Дженнаро, но, увидев чудовище, побледнел и захлопнул дверцу. Этот звук, как и резкое движение, привлекли внимание тиранозавра — в следующий миг огромные челюсти вгрызлись в машину, корежа и кромсая металл. Разломать автомобиль ему не удалось, поэтому монстр с досады ударил головой. Неплотно прикрытая Дженнаро дверь распахнулась и ящер, вцепившись зубами, разом оторвал ее. Затем он засунул голову в машину и тут же выдернул, держа в пасти вопящего, колотящего руками по морде твари Дженнаро. Тиранозавр вскинул голову и в кричащая человеческая фигурка взмыла в воздух. Ти-рекс распахнул жуткую пасть и отчаянный визг адвоката оборвался, когда ящер-убийца сомкнул челюсти. Хрустнули кости и огромная пасть принялась перемалывать человеческое тело. Кровь стекала по подбородку чудовища, падая на землю вместе со струями дождя. Тим и Малькольм, не сговариваясь, выскочили из машины, устремившись в лес. Тиранозавр на миг застыл, будто не решив, за кем бежать, потом кинулся за подростком. Тим, услышав позади себя оглушительный рев, оглянулся и увидев несущегося на него зверя, отчаянно завопил, подскользнулся и кубарем покатился по земле.

— Тимми!!! — закричала Лекси, выскакивая из машины, — сука, не трожь его!!!

Тиранозавр остановился, повернув голову, потом шагнул в сторону девушки. В этот же миг позади послышался утробный рык и в дождливом мраке замаячила еще одна устрашающая тень. Тиранозавр резко развернулся, на ходу проглатывая тело Дженнаро и готовясь к битве. Лекси метнулась к брату, поднимая его и вместе с ним бросаясь в заросли. Ее примеру последовали и Элли с Сарой, выбежавшие из машины и кинувшиеся в разные стороны. За их спинами уже слышался громогласный рык и лязг зубов, с которым сошлись в жестокой схватке чудовищные отродья мезозойской эры.

Кортни нетерпеливо ерзал на ветке, бросая раздраженные взгляды на пирующих дилофозавров. Их, похоже, совершенно не смущал ливень, в отличие от самого Шона, которому порядком надоело мокнуть на дереве. Как охотник не старался найти местечко посуше, тропический ливень просачивался и сквозь плотную крону гинкго. К тому же приходилось укрывать от дождя гранатомет: Кортни не знал, как скажутся на оружии столь обильные осадки, но не желал рисковать. То и дело он порывался парой выстрелов разметать в клочья чертовых ящеров — останавливала его лишь мысль, что он останется безоружным, в лучшем случае с одним снарядом. А снаряды в этом чертовом Парке нужно беречь: что-то подсказывало Кортни, что если из вольеров выбрались дилофозавры и велоцирапторы, то это могут проделать и остальные ящеры. Кортни же совсем не улыбалась перспектива оказаться с разряженным гранатометом перед тираннозавром или спинозавром.

От мертвого трицератопса остались обглоданные кости, а от убивших его террористов — и вовсе ничего. Насытившиеся, отяжелевшие от съеденного, черно-красные ящеры один за другим исчезали в лесу. Вскоре на дороге не осталось ни одного дилофозавра — Шон понял, что переваривать добычу животные будут в своем вольере, где у них хватало мест для отдыха. На остатках трапезы ядовитых динозавров уже скопились, оглашая воздух громким попискиванием, изящные компи, а также несколько молодых велоцирапторов. Взрослых рапторов нигде не было видно — и Шон, изнывавший от вынужденного бездействия, решил рискнуть. К тому же дождь явно пошел на спад — может вскоре дадут и электричество?

Закинув за спину гранатомет, охотник быстро спустился с дерева. Было еще темно, но очки ночного видения позволяли неплохо видеть в темноте. Стараясь одновременно не выпускать из виду пирующих на дороге ящеров и время от времени оглядываться на чащу у него за спиной, Шон принялся осторожно пробираться ко все еще стоявшим на дороге машинам. Один джип трицератопс разнес в хлам, но два других выглядели относительно целыми. Шон искренне надеялся, что ему удастся завести хотя бы один из этих автомобилей.

Он уже был почти у цели, когда откуда-то сбоку послышался громкий шорох и приглушенное шипение. Кортни резко обернулся, вскидывая гранатомет и направляя дуло в сторону подозрительного звука, готовый выстрелить в любую секунду. Шон почти сделал это, увидев шагах в пяти от себя двух велоцирапторов: палец уже лег на спуск, он почти видел, как тела ящеров разлетаются по веткам багровыми кусками мяса. Сдержался он в самый последний момент, ведомый все той же банальной мыслью: надо беречь патроны, в следующий раз они могут оказаться куда нужнее...

Оба ящера казались полностью поглощенными друг другом — настолько, что даже не замечали вышедшего человека. Кортни не сразу понял, что они делают: на минуту ему даже показалось, что один раптор пожирает другого. Лишь спустя пару ударов сердца он понял, что видит нечто куда более безобидное. Один из ящеров, побольше, навалился на другого, упершись ногами по обе стороны от замершего под ним тела. Острые зубы впились в мускулистый загривок, но не так чтобы сильно, даже не прокусив кожу. Нижний ящер лежал смиренхонько, выпятив таз и задрав длинный хвост, пока насевший сверху собрат совершал быстрые поступательные движения нижней частью тела. Перья на его голове и хребте стояли дыбом, тогда как у второго ящера напротив были прочно прижаты, выражая, видимо,

неоспоримую покорность превосходящей силе.

Перед глазами Шона всплыло самодовольное лицо доктора Ву:

«Все экземпляры, выведенные в Парке юрского периода — самки» — генетик любил это повторять, подчеркивая, что он предотвратил всякую возможность размножения динозавров. Возможно, так оно и было, а наблюдаемое Шоном «совокупление» являлось не более чем похотливой игрой бесплодной плоти, вынужденной в столь банальных формах искать выход накопившемуся сексуальному напряжению. И все же охотника на миг пронзило предчувствие некоей опасности — как и всегда, когда в Парке что-то шло не по плану. Особенно, когда это касалось велоцирапторов.

— Удачно развлечься вам, дамочки, — пробормотал он, чувствуя, как по его спине струится холодный пот. Не сводя прицела с динозавров, он медленно попятился назад. Самки рапторов казались настолько поглощенными друг другом, что даже не заметили невольного свидетеля их лесбийских забав. Лишь когда заросли окончательно скрыли их из виду, Шон позволил себе короткий вздох, быстрым шагом выходя на дорогу.

Здесь его появление не осталось незамеченными — компи, тревожно попискивая, оторвались от еды, балансируя на хвостах и наклоняя головы словно курицы. Черные глазки с явной опаской уставились на Шона. Более крупные динозавры также не обрадовались появлению человека: так один из молодых рапторов издал громкое шипение, раскрыв зубастую пасть. Кортни поднял гранатомет, но ящер почти сразу потерял к нему интерес, вернувшись к бедренной кости трицератопса с остатками мяса. Шон выждал минуту, но, видя, что никто из ящеров не собирается на него нападать, отошел к машинам. Беглый осмотр показал, что как минимум один джип можно завести — у него спущено лишь одно колесо, к которому Шон быстро нашел запаску в багажнике. Хуже было с бензином — по расчетам Кортни его хватило бы на пару километров. Усевшись за руль, он задумался, что делать дальше: вернуться на полуостров или же попытаться проехать через Парк. Второй вариант был короче, но куда опаснее. Вернувшись назад, Шон мог выбраться на дорогу шедшую вдоль западного побережья острова, прямо до Горы Черепа. Там же Шон рассчитывал разжиться бензином и каким-нибудь оружием. Останавливала его лишь мысль о террористах — кто его знает, сколько их осталось с той стороны Стены. Почти решившись, Кортни протянул руку к ключам зажигания, когда ветер вдруг изменил направление и сквозь обычные шорохи Парка донес до Шона новый звук. Охотник страдальчески простонал, узнав в этом звуке отчаянный женский крик. Ему даже показалось, что он узнал кричавшую.

Заурчал мотор и машина, разбрызгивая глубокие лужи и распугивая выпрыгивавших из-под колес мелких ящеров, устремилась вглубь Парка.

— Отойди от него! Кому сказала, сука!!! Иди сюда, тварь!!!

Сара Хардинг восседала на высоком заборе, обхватив ногами неустойчивую проволочную конструкцию, размахивая руками и крича, все, что в голову придет. Но ее крики пропадали втуне — стоявший в десяти шагах от забора ящер почти не обращал внимания на женщину, сосредоточив внимание на более близкой цели. Ян Малькольм, съездившийся у подножия холма на котором стоял забор, заслонялся руками, будто надеясь отбиться от приближавшегося чудовища. Этого динозавра экскурсанты еще не видели — около двадцати футов в длину, покрытого красно-коричневой чешуей. Передние лапки, еще более короткие и тонкие, чем у тираннозавра, казались особенно жалкими на фоне могучих задних ног и длинного хвоста, поддерживавшего массивное тело. Над желто-зелеными глазами твари поднимались два коротких, но острых рога.

— Уйди от него! — вновь вскрикнула Сара, но динозавр, не обращая на нее внимания, распахнул зубастую пасть. На Малькольма пахнуло мерзким смрадом гниющего мяса и он уже готовился расстаться с жизнью, когда позади него раздался новый рев, а вслед за ним — треск разрываемой металлической сетки. Забор затрясся и Сара, не удержавшись, свалилась с него. Позади нее рухнула проволочная секция и в образовавшемся проеме возник маленький Ти-рекс, угрожающе глядевший на рогатого ящера. Тот издал громкое шипение, с кровожадным видом уставившись на нового врага, тогда как Малькольм и Сара оказались сразу между двумя чудовищами. На мгновение все четверо, — люди и динозавры, — застыли будто вкопанные. И тут тишину разорвал громкий рык и на вершину холма выскочил второй рогатый динозавр, еще больше первого. Ти-рекс, увидев, что оказался один против двоих, попятился и, развернувшись, исчез в зарослях. Два динозавра вновь обратили свое внимание на людей, когда со стороны дороги послышался шум мотора и звук распахнувшейся двери. В следующий миг верхняя часть тела ящера, стоявшего на холме, взорвалась с оглушительным грохотом. Задние лапы и хвост, сучившие в агонии, скатились по склону, хлестая кровью и разбрасывая внутренности. Второй ящер, напуганный смертью собрата, развернулся и исчез в лесу, заполнившего окруженную холмами котловину.

Сара, брезгливо отдирая с лица внутренности ящера, посмотрела вверх и увидела на склоне холма рослого мужчину с гранатометом в руках.

— Шон Кортни! — выдохнула она, — никогда не думала, что буду рада тебя видеть!

— Боюсь, не могу ответить тебе тем же, — процедил Шон. Пройдя мимо Сары, он подошел к Малькольму и, подав руку, помог ему подняться. Математик, утративший свой цинично-интеллектуальный лоск, выглядел жалко: вымазанный странной желтой слизью, смешанной с грязью, на которую налипли травинки и какие-то белые обломки. При попытке ступить на правую ногу, он издал страдальческий стон, его лицо побледнело и он ухватился за плечо стоявшего рядом Шона.

— Кажется вывих, — простонал математик, — если не перелом.

— Как вас угораздило попасть в загон к карнотаврам, док? — спросил Шон, — и где остальные?

Малькольм, морщась от боли, кратко рассказал все, что случилось на дороге, после того как выключилось электричество.

— Мы с Сарой встретились в зарослях, — объяснил он, — и хотели поискать остальных, когда за нами увязался маленький Ти-рекс. Мы кинулись сюда — и наткнулись на эту ограду. Ящер уже наступал нам на пятки, так что мы начали перелезать и...

— И свалились прямо в пасть карнотаавру, — хмуро кивнул Шон, — ладно, эту часть истории я понял — в отличие от многого другого. Сара, — он повернулся к женщине, — ты ничего не хочешь рассказать?

— О чем ты? — наигранно возмутилась женщина.

— Ты знаешь о чем, — Шон подошел почти вплотную, недобро глядя в глаза Сары, — о банде террористов, что явились на остров под видом несчастных беженцев. Они перебили уйму народу там на Полуострове, так что если ты с ними заодно...

Он замолчал, положив руку на рукоять торчавшего из-за пояса большого ножа.

— Послушайте, мистер Кортни, — начал было Малькольм, — сейчас не время...

— Самое время, док, — вскинул руку Кортни, — так что скажешь, Сара?

Женщина зло глянула на него.

— Не представляю о чем ты, — отчеканила она.

— Правда? — Шон иронично заломил бровь, — у нас тут нет полиции, но в случае чего, я и сам могу провести допрос.

— Если ты дотронешься до меня хотя бы пальцем...

— Вот вы где! — послышался вдруг голос с вершины холма и в проломе забора появился Алан Грант, — я услышал выстрелы и поспешил сюда.

Вид у палеонтолога был неважный: одежда превратилась в окровавленные лохмотья, над бровью виднелась глубокая ссадина, но глаза смотрели бодро.

— Вы не видели Элли? — встревоженно спросил он, — и внуков Хэммонда?

— Они не с вами? — спросил Шон. Палеонтолог покачал головой.

— Наш разговор не закончен, — сказал Шон, хмуро посмотрев на Сару, — но пока попробуем найти остальных.

— Реджис, скорей всего, погиб, — сказал Грант, — я видел машину, в которой он остался. В ней никого, но лобовое стекло раскурочено, а на сиденье лужа крови.

— Значит, так оно и было, — кивнул Шон, — скажу честно, что и шансы остальных невелики.

— Мы не можем их бросить! — воскликнул Малькольм и вновь поморщился от боли.

— Конечно, — сказал Шон, — но нужно думать, что делать и с вами.

— Ян! — вдруг воскликнул Грант, — где вы умудрились угодить в гнездо?

— Что? — Малькольм недоуменно осмотрел себя. Шон понял все быстрее, чем остальные: густая желтая масса, вымазавшая костюм и обувь математика, осколки скорлупы, несколько уцелевших округлых предметов у подножия холма.

— Вы подавили их яйца, — изумленно сказал Грант, — спрыгнув с забора, вы угодили прямо на гнездо динозавров.

— Карнотавров, — уточнил Шон, — неудивительно, что они так разъярились. Хотел бы я, чтобы здесь был доктор Ву.

— Он ведь уверял эти ящеры не могут размножаться! — воскликнул Малькольм.

— Почему? — спросила Сара, радуясь возможности сменить тему.

— Все здешние динозавры — самки, — пояснил ей математик, — нам рассказывали это на экскурсии, на которую ты опоздала. Я еще подумал тогда, что тебе это понравится

— Не знаю насчет размножения, но все инстинкты у них в наличии, — хмуро ответил Шон.

В двух словах он рассказал о виденных им самках рапторов и лицо Гранта озарилось улыбкой понимания.

— Ну, конечно же! — воскликнул он, — как я сразу не догадался. Партеногенез!

— Черт возьми, Грант! — воскликнула Сара, — так вы думаете, что...

— Это единственное объяснение всему происходящему, — сказал Грант, — и да, мексиканская хлыстохвостая ящерица! Шарьер же рассказывал, что использовал их гены.

— Да объясните, черт бы вас побрал, в чем дело! — рявкнул Шон.

— Мне сразу показалось, что с этими динозаврами что-то не так, — начал Грант, — они слишком похожи на рептилий, хотя согласно новейшим теориям, по крайней мере некоторые из них должны более походить на птиц. А потом я вспомнил, что Шарьер рассказывал, как они использовали генетический материал рептилий — и ящериц, конечно же, ящериц. Их гены повлияли не только на облик динозавров: для некоторых ящериц, как и для многих иных животных характерен партеногенез. Это, как бы вам объяснить... когда размножение происходит без участия самца.

— Непорочное зачатие? — усмехнулся Шон.

— Вроде того, — кивнул Грант, — партеногенез иногда называют «девственным размножением». Женские яйцеклетки развиваются в организме без оплодотворения — что не мешает самкам давать жизнеспособное потомство. Но у мексиканской хлыстохвостой ящерицы, генетический материал которой, как я понял, здесь использовали особенно широко, все происходит еще интересней. Для стимулирования овуляции им все же требуется секс, однако в ходе эволюции эти ящерицы утратили мужские особи. Потому они имитируют спаривание с другими самками, за что их прозвали «ящерицы-лесбиянки». В отличие от людей, у ящериц подобный лесбийский секс оказывается вполне плодотворным. Надо полагать, здесь эти качества передались самкам динозавров — по крайней мере, некоторым видам.

— Вы хотите сказать, что... — начал Малькольм.

— Доктор Грант хочет сказать, — перебил Шон, — что чертов Парк превратился в питомник доисторических лесбиянок, которым не нужны самцы, чтобы плодиться и размножаться и каждая из которых мечтает откусить нам голову, — Шон усмехнулся в лицо покрасневшей Саре, — кажется, так выглядит ваш рай, доктор Хардинг?

У Реки Джунглей

— Наконец-то!

С вершины скалы Дженни задумчиво созерцала раскинувшиеся перед ней джунгли и ленту реки, неторопливо текущей на восток. Путь сюда дался девушке легче, чем она опасалась: углубившись в лес, журналистка скоро наткнулась на узкую, порядком заросшую, но все же различимую дорогу. Идти босиком, конечно, оказалось не особо приятно: пару раз она чуть не наступила на змею, но к счастью девушке и пресмыкающемуся удалось разойтись, не причинив друг другу вреда. После этого Дженни удвоила осторожность: сломав длинную палку, она время от времени прощупывала преграждавшие ей дорогу заросли. Детство на африканской ферме давало о себе знать — кое-какие правила поведения в тропическом лесу не забылись и за двадцать лет жизни в Англии. Куда большую проблему представляла сама дорога: как не старалась Дженни беречь ноги, все же ее ступни очень скоро покрылись ссадинами и волдырями. Она уже выбивалась из сил, когда ей посчастливилось выйти к брошенной деревне, окруженной заросшими бурьяном полями. В полуразвалившихся домишках Дженни нашла несколько чудом уцелевших циновок. Разорвав их, она тщательно обмотала израненные ноги, создав подобие грубой обуви. Пошарив еще, Дженни нашла в одной из хибар забытый топор — изрядно проржавевший, но все еще годный в дело. Смехотворное оружие, если хотя бы половина того, что ей рассказывали об этом острове — правда, но все же лучше чем ничего. В окрестностях деревни она нашла несколько грядок с одичавшим бататом и основательно подкрепилась сладковатыми клубнями. Отдохнув и набравшись сил, девушка вскарабкалась на растущее у окраины деревни большое дерево и, более-менее определив расстояние, двинулась в путь.

Солнце уже клонилось к закату, когда Дженни все же вышла к примеченным ею скалам. Среди них выделялся высокий утес, возвышавшийся над деревьями футов на тридцать. Вскарabкавшись на него, Дженни выяснила сразу две вещи: во-первых, до реки оставалось примерно футов триста, а во-вторых, она заблудилась. Никакого водохранилища Дженни, сколько не вглядывалась, так и не разглядела, а это значит, что она отклонилась гораздо западнее, чем планировала и вышла совсем к другим скалам.

— Черт бы побрал эти джунгли, — выругалась журналистка, — и куда теперь?

Словно в ответ над ее головой прогремел гром и сверху упало несколько капель. Дженни поморщилась — ну вот, теперь придется искать еще и убежище от ливня. Поразмыслив, она все же решила остаться среди скал — укрытие здесь найти легче, чем в лесу. Пересидев непогоду, она все равно собиралась идти к реке: там начинались ограждения, а значит, могло иметься и какое-то наблюдение, какие-то люди.

Ее рассуждения прервал отдаленный грохот. Поначалу она приняла его за очередной раскат грома, но сразу же поняла, что этот «гром» был рукотворным.

И она сразу поняла, кто мог организовать этот взрыв.

В следующий миг стремительно темнеющее небо озарила вспышка молнии, раскат грома раздался над джунглями — а вслед за ним послышался уже знакомый Дженни звук, — громогласный рев, напоминающий кваканье исполинской лягушки. Но даже не это напугало Дженни сейчас, а то, что в ответ — и уже значительно ближе — послышался оглушительный рык, принадлежавший, судя по всему, очень крупному зверю. Доносился же он из-за той самой реки, куда направлялась Дженни.

Вновь сверкнула молния, грянул гром и, наконец, хлынул проливной дождь. Дженни укрывшись в небольшой пещере, доедала последний из прихваченных клубней батата, запивая его водой из стекавших по скале потоков дождя. Насытившись, она от нечего делать принялась точить топор о ближайший камень, время от времени проверяя пальцем острие. На удивление получалось довольно сносно.

Внезапно меж раскатов грома и шум ливня прорвался некий посторонний звук. Дженни прислушалась — и вновь над скалами, прямо над ее головой, разнесся крик, напоминавший клекот огромной птицы. Ему ответило несколько подобных воплей, а следом — полный смертельного ужаса человеческий крик. Дженни не задумываясь, выскочила из своего убежища, вскарабкалась на большой утес — и замерла, пораженная одновременно изумлением и благоговейным страхом.

Сверкнувшая молния осветила сцену достойную пера какого-нибудь Валледжо: над скалами парило похоже на птицу чудовище, с перепончатыми крыльями и длинным зубастым клювом. Дженни, чьи познания в палеонтологии были весьма скромны, решила, что перед ней птеродактиль — никаких других крылатых ящеров она просто не знала. Впрочем, даже ей показалось, что это чудовище слишком велико — размах крыльев птерозавра не уступал иным самолетам. На это чудовище налетало несколько ящеров поменьше — всего лишь раза в два больше крупного орла. Кроме размеров от большого монстра их отличали массивные короткие головы и длинные хвосты. С оглушительным клекотом и громким шипением крылатые твари атаковали великанского птеродактиля. Тот свирепо отбивался: на глазах Дженни удар могучего клюва раздробил одному из нападавших чудовищ голову и почти оторвал крыло. Покалеченный ящер, шумно хлопая крыльями и брызжа во все стороны кровью, рухнул почти к ногам журналистки. Вблизи тварь выглядела еще отвратнее — уродливая голова, увенчанная массивным конусовидным наростом, клацающая оскаленная пасть с длинными тонкими зубами, острые когти на задних лапах. Двумя ударами топора Дженни отрубила твари голову и вновь посмотрела на небо. Смерть собрата не испугала остальных ящеров: издавая мерзкие крики, они вновь и вновь атаковали крылатого исполина. В тот же миг до Дженни вновь донесся человеческий вопль — и новая молния, рассекая небо, высветила в лапах чудовища отчаянно извивавшуюся фигуру.

— Твою жешь мать! — выдавила Дженни.

Чудовища, вопя и хлопая крыльями, постепенно приближались к скалам, на которых засела девушка. В свете молний она смогла разглядеть пленника монстров — толстого парня в изорванной окровавленной одежде. Круглое лицо искажала гримаса нечеловеческого ужаса, пухлые руки бесполезно молотили по стиснувшему его плечи когтистым лапам.

— Держись! — крикнула Дженни, — я сейчас!

Ухватив ближайший камень, она швырнула его в птеродактиля, с первого раза угодив по массивному черепу. Вряд ли твари это причинило сколь-нибудь серьезный ущерб, но, во всяком случае, новый враг его совсем не обрадовал. Крылатый гигант издал громкий вопль, а Дженни, воодушевившись, обрушила на него целый град камней. К сожалению, она не всегда попадала в цель — многие камни пролетали мимо, некоторые попадали в меньших ящеров, круживших вокруг птеродактиля, а один даже угодил по голове жалобно вскрикнувшему толстяку.

— Прости! — виновато крикнула Дженни и, прицелившись получше, кинула еще один камень, угодив им прямо по голове — на этот раз все-таки птеродактилю. Крылатый ящер, издав возмущенный вопль, все таки разжал когти. Послышался отчаянный визг и толстяк,

нелепо всплеснув руками, кувыркнулся вниз. Дженни на миг похолодела — в пылу сражения она как-то не подумала, с какой высоты придется падать несчастному. Однако раздавшиеся вскоре отчаянные вопли из глубин леса, подсказали ей, что с человеком все в порядке — по крайней мере, пока.

В небе продолжалась битва крылатых ящеров, однако парочка монстров ринулась к ветвям, откуда доносились вопли. Еще одна крылатая тварь, широко распахнув крылья и выставив вперед острые когти, устремила прямо на Дженни. Та, вскинув топор, готовилась встретить чудовище, но поскользнулась на скользком от дождя камне и, с отчаянным воплем съехала вниз, пробив дыру в зеленых ветвях. Птерозавр, ошеломленный стремительным исчезновением добычи, немного покружил над скалами и снова взмыл вверх. Меж тем Дженни, увлекаемая стекавшими со скал потоками, пересчитала задницей все неровности и выбоины на камне, прикрывая лицо от хлещущих со всех сторон ветвей, при этом умудрившись не выпустить из рук топор. Съехав со скалы, Дженни лихо спрыгнула на берег огромной лужи или даже небольшого озерца, наполняемого стекавшимися со всех сторон потоками грязной воды.

Спасенный мужчина обнаружился здесь же — запутавшись ногами в толстых лианах, он висел футах в восьми над водой, вопя благим матом и отмахиваясь от рассеявшихся под ним крылатых ящеров. Злобно шипя, твари подпрыгивали, взмахивая крыльями и клацая зубами, норовя оторвать кусочек от висящего вниз головой толстяка. Пока криками и взмахами рук ему удавалось держать птеродактилей на расстоянии, но Дженни, сразу оценившая обстановку, поняла, что продержался бы он недолго.

Птерозавры настолько увлеклись добычей, что пропустили появление нового врага. За что и поплатились: подскочившая Дженни вогнала топор в череп ближайшей твари, почти разрубив ему голову. Второй ящер, не желая повторения судьбы собрата, взмыл в воздух и, пробив дыру в древесной кроне, растаял в ночном мраке.

— Сейчас, все будет в порядке, — заверила Дженни косящегося на нее безумным взглядом мужчину. Вскарabкавшись на ближайшее дерево, она придирчиво осмотрела переплетение лиан, а потом, недолго думая, рубанула по самой толстой. Выбор оказался верным: со страдальческим воплем толстяк рухнул с дерева, с головой погрузившись в мутную воду. Нелепо барахтаясь, мужчина вынырнул, размазывая по пухлым щекам жидкую грязь и близоруко уставившись на спрыгнувшую на землю Дженни. Затем он поднял руку и, нащупав на лбу огромную шишку, плаксиво вскрикнул.

— Больно!

— Извини! — ответила Дженни, несколько задетая таким началом разговора, — я не хотела попасть в тебя.

Мужчина что-то буркнул под нос, ощупывая себя и болезненно охая.

— Я думал, что разобьюсь, — пожаловался он, — если бы не эти лианы.

— Ты не думал, чтобы с тобой случилось, если бы ты остался в лапах этой твари? — раздраженно сказала Дженни, — кстати, это еще не поздно.

Она перевела взгляд на небо, откуда, в промежутках между раскатами грома, слышались крики крылатых ящеров. Толстяк тоже услышал их.

— Надо убираться отсюда, — выдавил он.

— Дельная мысль, — одобрила Дженни, — ты как, идти можешь?

— Да...кажется.

— Ну и отлично, — девушка озабоченно посмотрела на небо, озаряемое вспышками

молний, — кажется, дождь усиливается. Лучше пересидеть его в скалах.

— Хорошо, — кивнул мужчина, — вот только... мне бы штаны прополоскать.

— Это еще зачем? — удивилась Дженни, — тут везде грязь. Ты шагу не сделаешь, чтобы не испачкаться вновь.

— Там не грязь, — смущенно произнес мужчина. Дженни удивленно вскинула брови, но тут же почувствовала исходящий от толстяка узнаваемый запах. Что же, неизвестно, как бы она сама продержалась, проболтавшись в воздухе, в лапах крылатой твари.

— Ладно, давай, — махнула рукой девушка, — только быстро!

Толстяк торопливо закивал, стягивая испачканные штаны. Голым он представлял собой еще менее эстетическое зрелище, поэтому Дженни вновь обратила взгляд на небо, где, озаряемые сполохами молний, все еще сражались птерозавры. Большой птеродактиль, избавившись от лишнего груза, двигался теперь куда быстрее — и теперь уже меньшим ящерам приходилось туго от его могучих когтей и исполинского клюва. Завороженная жутким зрелищем, Дженни не замечала, как толстяк, простиравший свои штаны в луже, то и дело бросает на нее странные взгляды.

Позже, укрывшись в пещере, товарищи по несчастью начали знакомиться.

— Так как, говоришь, тебя зовут? — спросила Дженни, после того как представилась сама.

— Недри... Деннис Недри.

— Ты работаешь на Хэммонда?

— Да, я программист. Очень многое в Парке замкнуто на меня, — с некоторой бравадой сказал толстяк. Дженни, впрочем, пропустила ее мимо ушей — сейчас ее мысли занимали более серьезные проблемы.

— Мне нужно как можно скорее встретиться с Хэммондом, — сказала она, — ты сможешь мне добраться до вашего офиса?

— Это невозможно, — лицо Недри исказилось от ужаса, — только не сейчас.

— Почему? — спросила Дженни.

— Ты что, — округлил глаза Деннис, — не видела этих тварей? В чертовом парке Парке сотни самых разных чудовищ. И они все на свободе! Ни один нормальный человек не сунется туда сейчас.

— Я не совсем нормальный человек, — усмехнулась Дженни, — что «значит на свободе»?

— Все ограды под напряжением, — буркнул Недри, — были. Раньше ток удерживал динозавров в вольерах, но после этого как электричество вырубилось... сама видишь.

— Понятно, — протянула Дженни, — но ведь все наладят?

— Без меня, — Недри криво усмехнулся, — им придется долго копать. Да еще и эта гроза... Ток дадут, в лучшем случае, к утру.

— Звучит скверно, — кивнула Дженни и тут до нее дошло, — так, а почему «без тебя»?

— Потому что все системы жизнеобеспечения завязаны на компьютерные сети, — сказал Недри, — а они вышли из строя. А поскольку компьютерами занимаюсь я...

— И что, тебя нечем заменить? — спросила Дженни.

— Нет, — голосе толстяка ей послышалась неуместная сейчас гордость.

— Звучит паршиво, — мотнула головой девушка, — но, если ты отвечал за все это — как так получилось, что все эти сети вышли из строя?

В полумраке пещеры она не видела лица Недри, но, тем не менее, почувствовала

охватившее его замешательство.

— Так получилось, — буркнул толстяк, — система толком не отлажена.

Журналистское чутье Дженни подсказывало, что Недри что-то недоговаривает. Однако, поразмыслив, она решила оставить эту загадку до утра.

— Ладно, — кивнула она, — сейчас мы все равно ничего не сделаем. Утром решим как быть дальше, а пока я, пожалуй, посплю.

— Спать? Здесь? Сейчас?

— Ты как хочешь, — пожала плечами Дженни, — а я с утра на ногах и чертовски устала.

— Ну хорошо, — неожиданно покладисто сказал Недри, — я тогда посторожу.

— Так мило с твоей стороны, — улыбнулась Дженни. Выбрав в пещере местечко посуше, журналистка разлеглась прямо среди камней, подложив под голову топор. Она и вправду изрядно вымоталась за сегодня, так что почти сразу провалилась в сон.

Проснувшись она от тяжелого сопения у нее над ухом. Грузное тело, пахнувшее потом и дерьмом, прижалось к ее спине, нахальные пальцы пытались залезть ей в штаны, в то время как вторая рука шарилась у нее по груди. Дженни, не тратя сил на возмущенные вопли, что есть сил саданула локтем и услышала в ответ хруст ломающегося носа. Воодушевившись, она врезала еще раз и почувствовала, как навалившееся на нее тело обмякло. Вскочив на ноги, Дженни от души пнула копошившуюся перед ней толстую тушу. Разъяренная не сколько этой неумелой попыткой изнасилования, сколько тем фактом, что спасенный ею человек оказался неблагодарной свиньей, она схватила топор, готовая проломить толстому засранцу башку.

— Стой! — крикнул Недри, в ужасе заслоняясь руками, — не надо!!!

Серый предрассветный свет уже проникал в пещеру и Дженни ясно видела скорчившееся на полу трясущееся существо. Гнев оставил ее, уступив место презрению и брезгливости.

— Не убивай меня! — еще раз крикнул Недри, — без меня Парк не наладят.

— Да плевать на Парк, — процедила сквозь зубы Дженни, — и, кстати, вот что мне пришло в голову. На остров готовится высадиться банда международных террористов — и в этот же момент тут вырубаются электричество. В жизни не поверю, что это совпадение — и что жирный кусок дерьма, который отвечает за все это, тут не причем. А с террористами у меня разговор короткий...

Она перехватила топор поудобнее, делая вид, что готовится ударить Недри.

— Нет! — взвизгнул он, закрывая голову руками, — я ничего не знаю ни о каких террористах! Электричество я отключил совсем не из-за них.

Дженни и сама не очень верила в то, что сказала, желая лишь больше напугать трусливого насильника. Однако его последняя фраза ее заинтересовала.

— Не из-за них, говоришь? — зловеще произнесла она, — а из-за чего? Говори, но теперь не вздумай врать.

Чтобы прибавить убедительности своим словам, она жестоко пнула Недри ногой. Тот, всхлипывая и бросая боязливый взгляд на топор в руках Дженни, выложил ей все перипетии вчерашней ночи, не умолчав и о своей роли во всем этом. Под конец его рассказ даже немного развеселил Дженни.

— Эта Лекси молодец, — хмыкнула она, — я бы еще и не так врезала. Ну, ничего это никогда не поздно.

— Прости, — хныкнул Недри, — я не хотел делать тебе больно. Просто я подумал, что мы все равно не выберемся с этого острова, так может я хоть напоследок....

— Еще слово — и ты вправду сдохнешь девственником, — Дженни снова с удовольствием пнула жирного задрота, — встал на колени, лузер!

Всхлипывая и потирая синяки, Недри послушно встал перед ней на колени. Дженни хищно оскалилась, чувствуя подступающий кураж, такой же что овладевал ею во время сессий с Пенвордом. Недри, конечно, и близко не Даррен, но сейчас оно и к лучшему.

— Целуй мне ноги!

Косясь на топор, Недри принялся торопливо лобзать ступни Дженни. Девушка презрительно рассматривала унижающееся ничтожество, потом отпихнула его ногой.

— Ладно, хорош. Понравилось, я смотрю. Расстегни ремень и брось мне.

Также безропотно Недри повиновался и Дженни, зайдя ему за спину, туго стянула ему руки. Опыт общения со Скаутами и прочими военизированными формированиями Южной Африки научил Дженни вязать узлы, так что Недри пришлось бы изрядно попотеть, вздумай он освободиться. Закончив, Дженни уселась на корточки и, приподняв Недри за подбородок, от души залепила ему пощечину.

— Жирный ублюдок, — с отвращением сказала она, — ты хоть понимаешь, что натворил из-за своего спермотоксикоза? Если кто и заслужил попасть на завтрак динозаврам, так это ты. Ты живешь только потому, что можешь все исправить, но если ты забудешь, где теперь твое место, я разберусь с тобой так, как никакой ящер не сможет. Ты все понял?

— Ддда.

— Отлично, — Дженни встала, еще раз пнув Недри, — кстати, я изрядно сбила ноги, пока шла пешком. Так что, пожалуй, я возьму твои кроссовки.

Полностью деморализованный, Недри, уже не сопротивлялся, когда Дженни стянула с него обувь. Кроссовки ей были великоваты, но после блужданий по джунглям босиком это казалось такой мелочью.

— А теперь вставай! — сказала Дженни, — пойдём в этот ваш Парк.

Солнце уже взошло, когда они вышли на берег реки, вздувшейся от вчерашнего дождя. На противоположном берегу мутного бурного потока виднелась высокая ограда, за которой вздымался густой лес, укрытый густым туманом.

— Может они, уже пустили ток, — задумчиво спросила Дженни, — что скажешь?

Плетущийся за ней Недри являл собой жалкое зрелище: в разорванной одежде, с лицом, превратившимся в сплошной синяк и сбитыми в кровь ногами. Он вздрогнул, когда журналистка обратилась к нему — лишь спустя миг он сообразил, что в ее словах не было ничего устрашающего. Недри открыл рот, чтобы ответить, когда раздавшийся с другой стороны реки трубный рев, прервал его. Пораженная Дженни, застыв на месте, смотрела, как из тумана медленно выплывает невообразимо громадное существо. Сначала появилась кажущаяся бесконечной шея, за ней могучее туловище, увлекаемое ногами, похожими на стволы могучих дубов. Длинный хвост, подобный исполинскому кнуту, хлестнул по забору, обрушив сразу несколько секций. Выйдя из Парка, серебристо-синий ящер издал новый рык и величаво ступил в реку, переходя ее вброд, как ручеек. Земля содрогалась от тяжелой поступи гиганта, огромные лапы сминали деревья, словно луговую траву и все это шествие казалось не то кошмарным сном, не то чудесной грезой из иного, фантастического мира.

— С ума сойти, — покачала головой Дженни, когда суперзавр исчез в тумане, —

похоже, Пенворд даже преуменьшил когда рассказывал про Парк. Что же, этот красавчик ответил на мой вопрос, а заодно сделал для нас проход — было бы глупо не воспользоваться этой любезностью. Пойдем, жирдяй, настало время поучить тебя плавать.

Разговор по душам

— Арнольд, сукин ты сын! Немедленно восстанови связь с Парком! Сию же минуту! Найди этого сукина сына, Кортни! Сию же минуту! Если хотя бы волос упадет с голову моих внуков, я вас....

Хэммонд стоял посреди Контрольного центра, топая миниатюрным ботинком и вопя на невозмутимо слушавшего его Арнольда. Хэммонд был похож на всех начальников, с которыми главному инженеру приходилось сталкиваться. Они ни бельмеса не смыслили в технике и считали, что надо орать — и дело пойдет. Однако сейчас от крика был один только вред, ведь Арнольду предстояло войти в программу и попытаться выяснить, что там не так. Это была кропотливая работа, требовавшая спокойствия и сосредоточения, которым отнюдь не способствовала ругань Хэммонда.

Когда хозяин Парка прервался, чтобы перевести дух, Арнольд негромко сказал.

— Уверен, что с вашими внуками будет все в порядке. Как и со всеми остальными. Я как раз работаю над тем, чтобы включить электричество.

— Не понимаю в чем проблема?

— Я тоже не понимаю, — признался Арнольд, — мне нужно разобраться с программой, чтобы запустить все системы в Парке. К сожалению, без Недри на это уйдет немало времени.

— Вам не удалось связаться с ним?

— Мне не удалось связаться ни с кем, мистер Хэммонд, — напомнил ему Арнольд, — за пределами гостиничного центра вся связь пропала.

— Так узнайте скорее, черт бы вас побрал!

— Я делаю, что могу, — сказал главный инженер, — я сообщу вам сразу, как только будут какие-нибудь новости.

— Черт бы вас всех побрал, — снова буркнул Хэммонд, — ладно, я пойду в бунгало и что-нибудь перекушу. Генри, не составишь мне компанию?

Доктор Ву, стоявший в углу неохотно кивнул и двое мужчин покинули Командный центр. Оставшись один, Арнольд склонился над экраном, чувствуя себя на редкость беспомощным. Только сейчас он осознал, сколь безрассудно было столь сильно полагаться на Недри. Чтобы разобраться во всем самому Арнольду придется просмотреть программы — методично, строчка за строчкой, каждую инструкцию, что указывала компьютеру, что делать. Арнольд с тоской думал, что в программе Парка больше полумиллиона строк, причем в основном незадокументированных, без пояснений. Если ему не повезет наткнуться на искомое сразу, то работа может затянуться до утра.

— Еще что-нибудь? — вежливо поинтересовался Хэммонд.

— Нет, спасибо. — Генри Ву откинулся на спинку стула. — В меня уже ничего не лезет.

Они сидели в столовой бунгало Хэммонда, расположенного неподалеку от лабораторий. Ву вынужден был признать, что Хэммонд построил себе весьма элегантный домик, в его плавных очертаниях было что-то японское.

— Ну, для мороженого у тебя ведь место найдется? — усмехнулся Хэммонд, — Мария изумительно готовит мороженое.

— Согласен, — Ву взглянул на красивую темнокожую служанку, молча собирающую посуду со стола. Когда она ушла, он вновь обернулся к Хэммонду.

— Считаете, все это надолго?

— Уверен, что нет, — бодро сказал Хэммонд, — Арнольд всегда сгущает краски. Я уверен, что Кортни вот-вот найдет их и привезет, мы даже мороженное доесть не успеем. А Арнольд, когда прекращает ныть, может быть очень толковым малым — думаю, он скоро разберется и с этими неполадками. Или Недри вернется — и пусть теперь и не заикается о сверхурочных: после такого провала ему придется отрабатывать бесплатно целый год.

Ву пожал плечами, не желая спорить. Меж тем Мария расставила на столике тарелки с мороженным и снова вышла из комнаты.

— Попробуй хоть немножко. Генри, — сказал Хэммонд. — Это со свежим имбирем, он растет в восточной части острова. Мороженое — моя стариковская слабость.

Ву послушно поднес к губам ложечку с мороженным. За окном сверкнула молния и раздался раскатистый гром.

— Ухты, как близко! — пробормотал Ву.

— Ничего страшного, — откликнулся Хэммонд, пробуя мороженное. — Знаешь, Генри, у меня есть некоторые опасения насчет Парка.

— Опасения какого рода? — осторожно спросил Ву.

— Это даже не опасения, — уточнил Хэммонд, — скорей соображения. Наш Парк близок к завершению — это без преувеличения, это наш триумф. Твой триумф, как ученого. Но дело в том, что Парк не только научный, но и бизнес-проект.

— Я это прекрасно понимаю.

— Деньги, Генри, огромные деньги, — сказал Хэммонд, — индустрия развлечений сейчас на подъеме. По расчетам наших экспертов, вскоре после открытия прямой доход от Парка превысит десять миллиардов долларов в год, а за счет торговли, телевидения и всяких вспомогательных служб эти деньги удвоятся.

— Двадцать миллиардов в год, — Ву покрутил головой, — я и подумать не мог.

— И это не предел, — довольно захихикал Хэммонд, — мы в намного более выгодном положении, чем, если бы начали работать...ну, скажем в индустрии фармакологии. Допустим, ты изобрел уникальное лекарство...от рака или там, сердечной недостаточности. И хочешь его продавать по назначенной тобой цене — за тысячу или даже две за дозу. В конце концов, ты же изобрел лекарство, ты оплатил расходы по его разработке и испытанию. А раз так, то ты вправе назначать такую цену, какую пожелаешь! Но неужели ты думаешь, что правительство тебе позволит? Нет, Генри, оно тебе не позволит. Больные не скажут тебе «спасибо», а будут вне себя от ярости. «Синий крест» тоже развопится, что это грабеж среди бела дня. У тебя появятся проблемы: либо тебе не дадут патент, либо будут тянуть с разрешением либо придумают что то еще. Так или иначе, тебя заставят продавать лекарство по низкой цене. С точки зрения делового человека, помогать людям очень рискованно, Генри.

Ву слышал подобные речи уже не раз и знал, что Хэммонд во многом прав. Многие биоинженерные компании, занимающиеся фармпрепаратами, действительно страдали от бюрократической волокиты когда им ставили препоны при получении патентов.

— А теперь, — вновь заговорил Хэммонд, — подумай, насколько все иначе в развлекательном бизнесе. Развлечения нужны всем! И правительство в это не вмешивается. Если мне придет в голову запросить за день работы моего Парка пять тысяч долларов, кто меня остановит? В конце концов, сюда никого на аркане на тащат. И высокая плата за вход вовсе не рассматривается как грабеж на большой дороге, а, напротив, увеличивает

притягательность Парка. Посещение Парка становится символом определенного статуса, а это американцы обожают. И японцы тоже, а у них денег еще больше. Именно поэтому, кстати, я открыл первый Парк именно в Азии. Хотя, если все пойдет как задумано, уже есть планы на аналогичные проекты в Европе и Америке.

Хэммонд доел мороженое, и Мария молча унесла блюдечко.

— Она не отсюда, — пояснил Хэммонд. — Она с Гаити. Ее отец француз. Так вот, я занялся бизнесом в сфере развлечений именно потому, что хотел избавиться от вмешательства любого правительства. Однако, не мы одни такие умные — и наши конкуренты, рано или поздно, попробуют украсть твои открытия. И в этом им могут помочь некоторые государственные структуры — из тех, что имеют на меня зуб. Правда, я заблаговременно принял меры, — Хэммонд самодовольно усмехнулся, — именно поэтому я собираюсь организовать на острове «карманное» государство, которое будет обслуживать интересы исключительно Парка. Контингент в руководство тут подходящий — никто так не жаден до легких денег, как бывшие коммунисты. Но они не защитят нас от промышленного шпионажа. Поэтому, я хотел спросить — можно ли сделать так, чтобы наши динозавры могли существовать только в Парке?

— Вполне решаемо, — кивнул Ву, — можно устроить так, что ящеры станут потреблять только пищу, произведенную «ИнДжин», например. Можно устроить им зависимость от определенного типа аминокислот, вроде лизина, если убрать ген ответственный за выработку этого вещества в организме. Способов, в общем, хватает, самых разных.

— Если уж совсем начистоту, те динозавры, что у нас есть, не совсем подходят для нашей цели, — продолжал Хэммонд.

— Не подходят? Почему?

— Во-первых, они слишком быстро двигаются, — ответил Хэммонд. — Людям может показаться странным проворство таких гигантских животных. Я боюсь, посетители решат, что это похоже на кино, которое крутят с повышенной скоростью. Ну и во-вторых, они слишком опасны — без Кортни мы можем говорить об этом откровенно. Может, нужна новая версия: более медлительный, более послушный ящер?

— В принципе, это тоже возможно, — задумчиво проговорил Ву, — но как тогда быть с уже существующими животными?

— Их придется убрать, — решительно сказал Хэммонд, — истребить, проще говоря.

— Истребить? — изумленно вскинул брови Ву, — вы серьезно, Джон?

— Более чем, — спокойно кивнул Хэммонд, — речь идет о слишком больших деньгах, Генри. Разумеется, к этому мы приступим не сразу — на меня давят инвесторы, им нужно как можно скорее «отбить» свои расходы. Так что какое-то время придется работать с тем, что есть. Но по мере того, как будут подрастать «отредактированные» динозавры мы будем потихоньку изымать из Парка старые особи и... Что там еще такое?

Сквозь шум дождя донесся взволнованный крик.

— Мистер Хэммонд! Мистер Хэммонд!

— Арнольд! — воскликнул Джон, — наверное, есть вести из Парка!

— Мистер Хэммонд, подобные твари слишком опасны...

— Чертов Кортни, — усмехнулся Хэммонд, — никогда не думал, что буду так рад слышать этого солдафона. Я же говорил, что они скоро вернуться.

— Мистер Хэммонд! — еще один взволнованный крик из-за дверей.

— Да иду, уже иду, — сказал Хэммонд, берясь за ручку двери, — Генри, ты со мной?

— Да, конечно, — сказал генетик, вставая из-за стола. Хэммонд не дожидаясь подчиненного, уже вышел за дверь, почти сразу оказавшись под сеню окружавших бунгало пальм.

И в этот миг погас свет.

— Вот ты и попался, сукин ты сын!

Арнольд, с азартом молотя по клавишам, прильнул к монитору, на котором сменяли друг друга таблицы и столбцы цифр. Ему, наконец, удалось найти команду, возвращающую программу к исходному виду. Про себя инженер выругался в адрес Недри — теперь он был убежден, что это не сбой в программе, а намеренное вредительство. Недри состряпал команду, связывающую воедино системы безопасности и электроограждение, а затем отключающую и то и другое. В какой-то момент он привел эту команду в действие, а потом, по какой-то причине не смог или не захотел вернуть все обратно. Арнольд сейчас не собирался думать, зачем это было нужно Недри — как только предоставится возможность, он сдаст жирного ублюдка службе безопасности. Но для начала нужно вернуть контроль над Парком, заставить заработать все системы.

Арнольд клацнул еще несколько клавиш и на экране высветилась надпись «Пожалуйста, перезагрузите компьютер». На мгновение Арнольд заколебался — перезагрузка означала отключение света не только в Парке, но и во всем гостиничном комплексе, за исключением самого компьютера. С другой стороны, это должно занять не больше десяти минут. Преодолев секундное колебание, Арнольд решительно навел курсор на экран и нажал на мышку. Что-то громко щелкнуло и контрольный центр погрузился во тьму.

— Мистер Хэммонд! — Ву застыл на пороге, вглядываясь в ночную тьму, — где вы?

— Ты идешь, Генри? — раздался из темноты голос Хэммонда.

— Да, конечно — успокоенный Ву шагнул вперед, поежившись от капель дождя. Вот-вот должен разразиться настоящий тропический ливень. Он невольно оглянулся на бунгало — лишенное света оно показалось ему зловещим.

— Мистер Хэммонд! — повторил Ву.

— Мистер Хэммонд, — эхом повторил в темноте Арнольд.

— Эта тварь слишком опасна, — вмешался в разговор Кортни.

Эти звуки слышались из высоких древовидных папоротников, постоянно перемещаясь по лесу — будто Ву окружало множество людей, но, сколько он не вглядывался во мрак, он не мог разглядеть ни одного. Среди ветвей слышались шорох, будто там и вправду кто-то двигался — слишком быстро, чтобы генетик мог его заметить.

— Эти твари слишком опасны, — повторил Кортни и Ву вдруг пробил холодный пот — он вспомнил, где он слышал эту фразу. Именно от Кортни — и там же были Арнольд, Хэммонд и он сам, представлявший руководству Парка свое очередное творение.

Прогремел гром, блеснула молния, и в ее свете Ву увидел Хэммонда. Старик сидел у пальмы — словно присел отдохнуть, откинув голову. И на его шее красовался аккуратный алый шрам, словно второй рот, открывшийся на горле. Еще более жуткую картину представляло тело Хэммонда — вместо живота зияла истекавшая кровью дыра. Ву, сгибаясь в три погибели и извергая только что съеденный обед, еще успел заметить, в новом всполохе молнии, что у хозяина Парка не хватает многих внутренностей.

— Ты идешь, Генри? — требовательный голос Хэммонда раздался позади Ву. Машинально тот оглянулся — и в этот миг вновь блеснула молния, озарив стоявшее перед порогом невообразимое существо. Блеснули острые зубы и чудовище метнулось к Ву, в ужасе

заслонившемуся руками. Мощный удар опрокинул его на землю, его тело пронзила жуткая боль и Ву, в последнем проблеске сознания, еще успел почувствовать, как длинные изогнутые когти распарывают ему живот, вытаскивая наружу кишки. Вновь прогремел гром и на землю, наконец, хлынул проливной дождь. Его шум заглушил жадное чавканье, с которым очередное порождение давно ушедшей эпохи пожирало вызвавшего его из небытия собственного создателя.

Арнольд сидел в темноте, слушая мерное гудение компьютеров и наблюдая как на потемневшем экране мигают, сменяя друг друга, разные цифры и фразы. Вот, наконец, они закончились — и компьютер окончательно погас, оставив горевшими лишь несколько крохотных лампочек на мониторе. Главный инженер Парка положил руки на клавиатуру, готовясь вновь запустить все системы безопасности.

За его спиной послышался негромкий шорох — будто что-то скользнуло по полу. Скрипнула дверь — Арнольд вспомнил, что для нее уже не требуется магнитных карточек. Воздух огласило громкое шипение и, обернувшись, Арнольд увидел, как во тьме вспыхнуло два глаза, горевших желтым огнем, с вертикальными, как у кошки, зрачками. В следующий миг крошечный мрак обрел живую плоть, оплетшую человека холодными кольцами. Кости Арнольда затрещали от невыносимых тисков, мощные кольца прижали его руки к телу и он почувствовал, что не может сделать ни единого вдоха. Перед глазами его замерцали желтые круги, сменившиеся багрово- черным маревом, медленно поглотившим сознание Арнольда.

Когда на земле царили динозавры...

Тим не помнил, сколько они с Лекси бежали — в памяти остались хлещущие по щекам ветви, неутомимо молотящий дождь, раскаты грома и блеск молний, освещавший обступивший его лес. Стелившиеся по земле корни и лианы, постоянно цепляли его за ноги, так что один раз мальчик даже споткнулся и упал.

— Тимми, вставай, — выросшая рядом с ним Лекси, ухватила его за руку, заставляя подняться, — он еще близко.

Словно в подтверждение ее слов между раскатами грома раздался отдаленный рык ящера. Тим, как ошпаренный вскочив за ноги, с удвоенной силой ринулся вслед за Лекси. Впрочем, дополнительный запал, данный этим страхом, вскоре иссяк — Тим с трудом поспевал за легконогой сестрой, то и дело останавливавшейся, чтобы подождать братца-ботаника. Бег по лесу стал для подростка нешуточным испытанием: в боку у него колело, сердце колотилось как отбойный молоток, так что Тиму казалось, что он вот-вот рухнет замертво прямо посреди этого чертова Парка.

Лекси остановилась так неожиданно, что Тим с разбегу налетел на нее, чуть не сбив сестру с ног. Та почти не заметила этого, рассматривая вздымавшуюся над ними высокую ограду из проволоки и железных секций, прикрытую для маскировки ползучими растениями. В высоту эта стена была, по меньшей мере, футов двадцать.

— Может, тут есть другой проход, — девушка оглянулась на брата, — как ты считаешь?

— Может и есть, — с трудом Тим, отчаянно пытаюсь восстановить дыхание, — но вот стоит ли лезть туда сейчас. Мы ведь не знаем, что находится за этой оградой.

— Зато хорошо знаем, что находится позади нас, — напомнила Лекси, — вряд ли здесь есть что-то похуже, чем та тварь, что чуть не сожрала тебя.

— Хуже может быть всегда, — угрюмо проговорил Тим, осторожно ощупывая распухший нос — когда он падал, то, похоже, сломал его, — мы же не видели всех динозавров Парка.

Лекси не успела ответить — слева от нее послышался шелест листьев и быстрые шаги. В следующий момент заросли кустарника раздвинулись и из них вышла Элли Саттлер. Волосы ее растрепались, ноги и руки покрывала грязь и кровь, но лицо, тем не менее, озарилось радостной улыбкой при виде брата и сестры.

— Слава богу, — выдохнула девушка, — а я уж думала, что потеряла вас.

Во время нападения тираннозавра Элли кинулась в тот же лес, что и Тим с Лекси. На миг, как и все, подавшись, панике, она бежала, не разбирая дороги, так что скоро потеряла из виду внуков Хэммонда. Тем не менее, она помнила, что они где-то рядом, так что, когда опасность вроде как миновала, Элли попыталась найти молодых людей. Услышав их голоса, она быстро вышла к ограде, там же, где и стояли Тим с Лекси.

— Куда теперь, — спросила Лекси, — вернемся на дорогу? Может, динозавр уже ушел.

— Это слишком опасно, — покачала головой Элли, — мы не знаем, там ли еще тираннозавр или нет. Кто-нибудь видел тварь, с которой она сцепилась?

Тим и Лекси почти одновременно покачали головами. Элли задумалась.

— В тридцати футах слева есть другая дорога, — сказала она, — как я поняла одно из ответвлений от главного маршрута. Там есть ворота, а на них может оказаться какой-нибудь знак, что поможет нам понять, что находится за этой оградой. Там же полно датчиков

движения. Если включат свет, мы сможем побродить возле них, чтобы нас увидели на контрольном пункте.

— Это если электричество включили, — сказал Тим, — а если нет?

— Тогда вернемся обратно, — пожалала плечами Элли, — у нас не богатый выбор. Вернемся и попробуем найти остальных.

— Если они еще живы, — мрачно сказала Лекси.

Элли разделяла ее опасения, но вслух старалась их не высказывать, чтобы не расстраивать еще больше ни себя, ни молодых людей. Она уже подбирала ободряющие слова, когда сверху послышалось хлопанье крыльев и на ветку высокого дерева опустился крылатый ящер, величиной с большого аиста. Удлиненную голову венчал мясистый нарост, напоминавший шлем. Красноватые, поблескивавшие в темноте, глаза недобро поглядывали на людей. Спустя миг на ветви рядом опустились еще два подобных птеродактиля. Струи дождя стекали по кожистым крыльям, прикрывавшим тощие тела чудовищ. В приоткрытых клювах виднелись острые зубы.

— Пойдемте отсюда, а — сказала Лекси, — не нравится мне, как они на нас смотрят.

— Они не причинят нам вреда, — неуверенно сказал Тим, — мы слишком большие для них.

Один из ящеров вдруг расправил кожистые крылья и, издав протяжный крик, взмыл в небо. Описав круг над деревом, он вновь опустился на ветку, но в тот же миг взлетел другой ящер, повторивший те же манипуляции. Элли наблюдала за действиями птерозавров с все нарастающей тревогой. Что-то ей все это напоминало, что-то не сулившее им всем ничего хорошего. Вот и третий ящер поднялся в воздух, издав очередной крик, когда девушка, наконец, поняла.

— Что они делают? — воскликнула Лекси и сразу три ящера вдруг взлетели, издавая противные вопли и кружа над деревьями.

— Подают сигнал, — сказала Элли. В тот же миг в глубине леса послышался треск ломающихся веток, а вслед за ним — рык тираннозавра.

— Уведи его, — Лекси толкнула ошарашенного Тима в руки Элли, — и беги сама. Попробуйте открыть ворота — у них и встретимся.

— А ты?!

— А я его отвлеку!

— Лекси, не будь дурой, — вмешался Тим, — остаемся вместе и...ой!

Он прикусил язык, когда Лекси отвесила ему увесистый подзатыльник.

— Ты как говоришь с сестрой, Тимми? — сказала она, — давай, слушайся старших! Уходите!

Элли еще пыталась что-то возражать, но Лекси, отвернувшись от нее, уже карабкалась на дерево. Крылатые твари неодобрительно поглядывали на взбирающуюся к ним девушку. В небе сверкали молнии, гроыхал гром и, в промежутках между его раскатами, лес огласил новый, куда более близкий рев. Птерозавры, громко крича и хлопая крыльями, взмыли в небо. Дождь прекратился и сквозь расступившиеся тучи выглянула Луна, на миг озарившая ночные джунгли. Посмотрев вниз, Лекси увидела, что Элли и Тим уже исчезли в зарослях. Однако тут же ей стало уже не до них: окрестные деревья закачались и из леса высунулась огромная башка тираннозавра. На его морде Лекси увидела несколько длинных кровотокающих ран — с кем бы не дрался ящер там на дороге, эта схватка не осталась для него без последствий.

— Сюда!!! — заорала Лекси, привлекая к себе внимание, — видишь меня, сука?!

Она отломила ближайшую ветку и швырнула ее в динозавра, после чего, проворно перебирая руками и ногами, устремилась вверх. Спустя миг дерево сотряс страшный удар: это разозленный ящер, что есть дури, ударил ствол головой. Огромные челюсти щелкнули в каком-то футе от ног Лекси, однако девушка уже забралась так высоко, что даже тираннозавр не мог до нее дотянуться.

Что-то промелькнуло рядом, больно царапнув кожу, послышался протяжный крик и вокруг Лекси замелькали крылатые тени. Один из птеродактилей попытался цапнуть ее за ногу и Лекси, стиснув зубы, что есть силы пнула назойливую тварь. Обиженно крича, крылатый ящер отлетел вниз, отчаянно хлопая крыльями, но, прежде чем он сумел восстановить равновесие, жуткая морда пробила переплетение ветвей и ощеренные исполинскими зубами челюсти, ухватили птеродактиля, размалывая мясо и кости. После этого остальные птерозавры избегали подлетать близко к дереву. Лекси было перевела дух, но тут же ее ненадежное пристанище вновь сотряслось от кроны до корней: это тираннозавр в ярости крушил дерево головой и хвостом. Лекси, распластавшись на скользкой от дождя коре, обхватив толстую ветку руками и ногами, пыталась удержаться, одновременно собираясь с духом, чтобы осуществить вторую часть своего сумасшедшего плана. Первая часть, по отвлечению внимания от Элли и Тима, судя по всему, сработала безупречно. Осталось только как следует постараться, чтобы самой не угодить в пасть хищному динозавру.

Набежавшие тучи вновь закрыли Луну, прогремел гром и, в свете блеснувшей молнии, Лекси увидела, как тираннозавр вновь обрушивается на дерево, ударяя и толкая его всем телом. Послышался жуткий треск, огромное дерево накренилось и начало медленно заваливаться на ограду.

В тот миг, когда дерево начало падать, Лекси, балансируя, словно заправский канатоходец, пробежала по скользкому стволу и, оттолкнувшись от него, вложила все силы молодого тренированного тела в один могучий прыжок. На миг сердце девушки ухнуло в пятки, когда она представила, с какой высоты она упадет и что ее ждет внизу. В этот же миг сверкнула молния и в ее блеске, Лекси особенно ясно увидела свою цель. Пальцы ее сомкнулись на ветке столь же большого дерева, росшего по ту сторону ограды. Перевернувшись через нее, с разлета Лекси прыгнула дальше в дождливую тьму — как раз когда за ее спиной с грохотом рухнула ограда, вместе с выкорчеванным с корнем деревом. Ужасающий рев разнесся над землей, и Лекси, повиснув на очередной ветке, увидела в свете молнии жуткий силуэт ящера. Тираннозавр, огласив воздух новым рыком, устремился в провал, явно нацелившись на Лекси. Вновь блеснула молния и девушка, увидев рядом длинную лиану, в отчаянии уцепилась за нее. В голове ее мелькнула запоздалая мысль, сколь дурацкой, смертельно опасной была вся эта затея, однако в следующий момент она уже летела сквозь лес, отталкиваясь ногами от пролетающих слишком близко деревьев и визжа одновременно от страха и неуместного сейчас восторга. Тираннозавр, сотрясая шагами землю и грозно рыча, ринулся за ней.

Полет на лиане показался Лекси вечностью, хотя на самом деле длился какие-то секунды. В очередном отблеске молнии девушка увидела, что прямо под ней появилась некая фигура. Это был явно не тираннозавр: выступившая из леса тень была приземистой и толстой, явно четвероногой. Перед глазами Лекси мелькнула спина с высокими наростами и толстый хвост, увенчанный острыми шипами. Лекси пролетела над этой тварью, едва не

коснувшись спиной странных украшений, и разжав руки, еще успела сгруппироваться для кувырка. Прокатившись по земле, сдирая кожу о ветви и колючки, Лекси вскочила на ноги. За ее спиной раздался очередной рык тираннозавра и в ответ ему — громкий рев вышедшего из леса зверя. Очередной блеск молнии озарил все вокруг и, обернувшись, Лекси увидела, что тираннозавр переключил свое внимание на нового ящера — огромного, чуть ли не со слона высотой, с причудливыми роговыми пластинами, тянувшимися вдоль хребта и острыми шипами, фута в три, украсившими могучий хвост. Колоссальное тело венчала сравнительно небольшая голова, выглядевшая несколько нелепо на столь массивном звере. Какие-то обрывки рассказов Тима мелькнули в голове Лекси, припомнившей, что это чудовище, вроде бы, именуется стегозавром.

Тираннозавр уже кружил вокруг нового врага, оглашая воздух громким ревом и пытаясь вцепиться в налитые кровью роговые пластины, одновременно уклоняясь от смертоносных взмахов шипастого хвоста. В воздухе мелькнули крылатые тени — оглашая воздух мерзкими криками, два птерозавра расселись по соседним веткам, выжидая кто из гигантов одержит верх. Лекси же не испытывала ни малейшего любопытства по этому поводу: воспользовавшись тем, что о ней все забыли, она опрометью кинулась в лес, слыша за своей спиной рев обоих чудовищ и мерзкие крики крылатых ящеров.

Пробежав футов двести, она оказалась на узкой дороге, прорезавшей джунгли. Здесь же она увидела и распахнутые насквозь ворота, от которых к ней метнулись две тени. Лекси испуганно шарахнулась от них, но тут же узнала бегущих.

— Лекси, ты жива!!! — Тим смотрел на сестру с откровенным восхищением, — какая же ты все-таки крутая!

— Никогда не забывай об этом, Тимми, — Лекси взъерошила Тиму волосы, потом обняла его, — кто же еще защитит моего вредного братика?

— Как тебе это удалось? — Элли смотрела на девушку с нешуточным уважением и Лекси, усмехнувшись, обняла еще и ее.

— Повторить такое я решусь не скоро, — сказала она, — но Вэл Джонсон, наш тренер по акробатике, может мной гордиться.

— Где тираннозавр? — спросила Элли.

— Он сейчас занят, — сказала Лекси и кратко рассказала обо всем, что произошло.

— Кто бы не победил, это дает нам фору, — заметила Элли, — если победит Ти-рекс, мяса ему хватит надолго. Если же стегозавр убьет его, это и вовсе решит нашу проблему.

— Если не считать проблемы других динозавров, — сказала Лекси, — к тому же стегозавр может и не убить, а просто отогнать. И тогда Ти-рекс может вспомнить о нас.

— Может и так, — кивнула Элли, — в любом случае, засиживаться здесь не стоит. Возможно, ты и была права, что нам нужно вернуться к главной дороге. Даже если мы никого и не найдем, это единственный путь назад, который мы знаем.

Никто с ней не стал спорить.

Они двинулись по дороге, готовые чуть что юркнуть в кусты. Время от времени им попадались датчики — массивные зеленые ящики, закрепленные на специальных подпорках или же прямо на деревьях. Ни один из этих ящиков не работал — и Лекси с Тимом, одно время останавливавшиеся вокруг каждого датчика, сопровождая это разного рода жестами, вскоре оставили это занятие. Элли же даже не пыталась ничего делать — ей было очевидно, что электричества все еще нет. Ее обуревало нехорошее предчувствие, пока еще не облеченное в конкретные мысли, но уже ощутимо давящее на нее свинцовой тяжестью. Что-

то ей подсказывало, что проблемы не только в Парке, что со всем этим островом что-то сильно не в порядке.

Меж тем дождь кончился и сквозь нависшие над джунглями тучи вновь выглянула Луна. Вскоре троица беглецов вышла к тому месту, где остановились машины, когда выключили свет. Автомобили еще были здесь — изломанные, с разбитыми стеклами и выломанными дверцами. Влажную почву покрывали огромные следы, кое-где виднелись и кровавые пятна, которые не успел смыть дождь.

— Тут была драка? — спросил Тим.

— И еще какая, — присвистнула Элли, опускаясь на колени и пытаясь что-то разглядеть в грязи, — не хочу торопиться с выводами, но, похоже, тот с кем схватился Ти-рекс, задал ему изрядную трепку и заставил бежать отсюда.

— Час от часу не легче, — помотала головой Лекси, — и что это за тварь?

— Не знаю, — покачала головой Элли, продолжая изучать землю. В детстве, отец брал ее на охоту и кой-чему девушка там научилась — в том числе и читать следы. Конечно, звери, что водились здесь, мягко говоря, отличались от обычных обитателей аляскинских лесов, но все же кое-что понять было можно.

— Очень похоже, что победитель ушел туда, — Элли встала с колен, махнув рукой на восток, — там где Парк заканчивается, если я правильно помню карту. А это значит...

Негромкий шелест в кустах прервал ее слова и Элли резко обернулась на звук. В следующий момент ветви раздвинулись и из леса вышел Кортни — грязный, в изодранной одежде, весь в крови. С плеча его свисал гранатомет.

— Шон! — Лекси метнувшись мимо Элли, с разбегу прыгнула на шею мужчине, обхватив его талию своими сильными ногами. Тим с неожиданной ревностью глянул на сестрицу, потом перевел взгляд на Элли — а та, широко распахнув глаза, смотрела на второго мужчину, выходящему вслед за Кортни. При виде Сэттлер на лице его расплылась довольная улыбка.

— Элли!

— Алан! Как я рада тебя видеть!

— Мы все рады, — усмехнулся Кортни, ссаживая Лекси на землю и пожимая руку Тиму, — как дела, боец?

— Могло быть и получше, — буркнул Тим.

— Ты связывался с дедушкой? — спросила его Лекси, — он заберет нас отсюда?

— Они починят электричество? — вмешалась в разговор Элли, — когда?

— Когда все это закончится!

— Не хотелось бы никого пугать, — оборвал расспросы Шон, — но, похоже, у меня для вас плохие новости. Судя по всему, вы до сих пор не представляете всей глубины задницы, в которой мы оказались. Чтобы выбраться из нее, нам придется слушаться меня во всем.

— Вы можете идти, док?

Малькольм осторожно шагнул, перенося вес на больную ногу, и тут же скорчился от боли.

— Боюсь, что нет, — покачал головой математик, — я могу, конечно, попробовать, но...

— Лучше не надо, — бросил Шон, — чтобы попасть к врачу, нужно пройти пол-Парка. Сами вы этот путь не проделаете.

— Разве мы не можем отвезти его? — спросил Грант. Шон криво усмехнулся.

— Бензина осталось от силы метров на сто, — сказал он, — если не меньше. Нам придется сходить за бензином, потом вернуться назад — и отвезти доктора Малькольма.

— Сходить? Куда? — недоуменно спросила Хардинг, — до гостиницы?

— Так далеко не понадобится, — сказал Шон, — хотя, конечно, пройтись придется.

Он достал из бардачка карту — во всех автомобилях Парка имелась подобная схема, — и расстелил ее на капоте.

— С севера к дороге, по которой вы ехали, — говорил он, водя пальцем по карте, — примыкают три секции: с гадрозаврами, завроподами и стегозаврами. Через территорию последних проходит ответвление от главного маршрута, выходящее к реке. Если бы не дождь и не выключение света, вы бы тоже проехали этой дорогой к Стиксоозеру. А на стыке между секциями завроподов и стегозавров есть лодочная станция...

— Лодочная станция? — переспросил Грант.

— Да. У нас на реке семь моторных лодок: три на озере, три у водохранилища и одна — вот там, ровно посередине. И, соответственно, там есть бензин. Если мы возьмем топлива и вернемся — у нас есть шанс дотянуть до гостиницы.

— Допустим, — кивнул Грант, — а куда мы денем доктора Малькольма?

Шон посмотрел на раненного математика, потом перевел взгляд на машину.

— Метров сто она еще протянет, — пробормотал он, — помогите доктору забраться в кабину. Кажется, я знаю, где его разместить.

Оценки Кортни оказались слишком оптимистичными: уже через сорок метров мотор заглох. Охотник выглянул из окна, вглядываясь в окружающие заросли, потом кивнул.

— Тут рядом, — сказал он, — идем.

Поддерживая с трудом передвигавшегося Малькольма, Сара и Грант прошли за Шоном по узкой тропинке, петлявшей меж высоких пальм. Она привела их на открытое пространство, посреди которого высился храм из темно-зеленого камня, в форме четырехгранной пирамиды. Возле каждой из граней стояли изваяния причудливых тварей, напоминавших помесь змеи и рыбы. Из их пастей лились пахнущие серой фонтанчики, наполнявшие окружившие храм каналы. Поднимавшиеся из них облачка пара окутывали храм туманной дымкой, переползавшей и на окрестные джунгли.

— Кто это построил? — спросила Сара. Шон пожал плечами.

— Говорят, что аборигены, — сказал он, — хотя мне не верится, что твои волосатые друзья способны создать что-то подобное. Но пусть об этом спорят археологи. Для нас главное то, что входы в этот храм слишком узкие для больших ящеров.

Шон оказался прав: в небольшой проход, обнаружившийся за одним из каменных

изваяний, они заходили пригнувшись. Войдя, они оказались в небольшом зале, почти пустом: лишь у дальней стены, в специальных нишах, красовались человеческие черепа.

— Веселенькое местечко, — хмыкнул Малькольм, усаживаясь на каменный постамент, ранее служивший, судя по всему, подставкой под статую, — невольно подумаешь, не останется ли на этом месте и твоя голова.

— Выше нос, док, — усмехнулся Шон, — вот, возьмите это.

Он протянул Малькольму один из автоматов, брошенных боевиками и подобранных Шоном, когда он проверял машины. Математик сразу передал оружие Саре.

— Ты лучше знаешь, как с этим обращаться, — сказал он. Шон поморщился, что не укрылось от Сары.

— Ты знаешь, что он прав, — с некоторым вызовом сказала она.

— Знаю, — кивнул Шон, — это меня и беспокоит. Там всего шесть патронов — не расходи их понапрасну. Я вернусь так быстро, как только смогу.

— Я с вами, — сказал Грант, — может, мне удастся найти Элли.

— Док, вы будете только мешать.

— Не буду, — сказал Грант, доставая из своей полевой сумки кольт «Анаконда», — всегда ношу его с собой на всякий случай. А вам сейчас каждый патрон на счету.

— Вы хоть умеете с этим обращаться? — скептически хмыкнул охотник.

— Я был в Ханое в 1971, — в тон ему ответил Грант, — как-нибудь разберусь.

— Здесь это оружие пригодится больше, — заметил Шон.

— Сару и Яна защитят эти стены, — сказал палеонтолог, — а вы будете на открытом небе. К тому же, — он криво усмехнулся, — если мы пойдем вдвоем — это значит вдвое больше шансов, что хоть один нас вернется с бензином.

Шон пристально посмотрел на палеонтолога, потом кивнул.

— Хорошо, — сказал он, — Сара, ты остаешься с доктором. Постарайтесь не привлекать к себе внимания — в этих джунглях водятся не только большие ящеры. Береги патроны.

С этими словами он вышел из храма. Грант, бросив ободряющий взгляд на Сару и Малькольма, последовал за ним.

Оставшись одна, Сара, захватившая аптечку из машины Шона, наложила Малькольму перевязку на ногу, уже начавшую распухать. Математик страдальчески охал и дергался, так что оба изрядно намучились, прежде чем Саре удалось сделать все как надо.

— Отдыхай пока, — сказала она, — а я осмотрюсь.

Ее глаза уже привыкли к темноте и она могла хорошо рассмотреть большую, кубической формы, комнату в которой они оказались. Одну из стен занимали ниши с черепами, но другие покрывали полустершиеся рисунки, подобные тем, что они видели в пещерах Горы-Череп. Одна картинка особенно привлекла внимание — нечто иссиня-черное, напоминавшее не то причудливый цветок, не то огромную морскую звезду. Лепестки, изогнутые подобно щупальцам, усеивали многочисленные глаза. В самой сердцевине «цветка» виднелся ярко-розовый разрез, из которого расползались в разные стороны весьма неприятные твари. Под изображением размещалась плоская плита из черного камня, а между ней и стеной располагался глубокий колодец, источавший дурманящие испарения и едкий мускусный запах.

— Это все напоминает... — вслух проговорила Сара.

— Это Хаос, — раздался позади нее голос Яна. Сара обернулась — математик,

облокотившись на локоть, также внимательно рассматривал причудливое изображение.

— Из лона Хаоса рождается мир, — сказал Малькольм, — кто бы не построил этот храм он, безусловно, прозревал эту верную мысль — пусть и в столь наивной форме. Впрочем, я всегда считал, что древние были умнее нас. Тридцать тысяч лет назад, когда люди рисовали картины на стенах пещер в Ласко, они работали по двадцать часов в неделю, чтобы обеспечить себя пищей, инструментами и одеждой. В остальное время они могли делать, что им заблагорассудится. И при этом они жили в естественном мире с чистым воздухом, с чистой водой, с прекрасными деревьями и роскошными закатами! Думаю, те, кто рисовал все это, были по складу ума схожи с теми древними мудрецами.

— Не уверена, что мне бы понравилось общаться с теми, кто украшал помещение вот этим, — Сара кивнул на черепа в стенах.

— Чем они хуже твоих друзей, — прищурился Малькольм, — или Шон говорил неправду?

— Он говорил правду, — устало произнесла Сара, не видя смысла в том, чтобы врать и увливать сейчас. Она подробно рассказала молчаливо слушавшему ее Малькольму историю своего появления здесь, не упуская ни единой значимой детали — включая и то, что случилось с Дженни Стемпер.

— Можешь мне не верить, но я не хотела, что бы все закончилось так, — закончила свой рассказ Сара, — Джонни обещал, что постарается обойтись без жертв.

— И ты поверила? — спросил Малькольм. Сара отвела глаза.

— Впрочем, — после некоторого молчания сказал Малькольм, — это неважно. Этот Парк был обречен с самого начала — не имеет значения, что именно стало пусковым механизмом для катастрофы. Люди, создавшие этот Парк ничуть не лучше твоих террористов — а в чем-то может и хуже. Такова природа ученых: они дружно пудрят всемозги, расписывая, как докапываются до истины, но на самом деле они сосредоточены лишь на одном: способны ли они что-либо свершить? Они никогда не спросят себя: а нужно ли это свершать? Такой вопрос они называют бессмысленным: они верят, что открытие неотвратимо, а посему каждый рвется быть первым. Но любое открытие — всегда насилие над природой. Ученые сами стремятся к этому, они самоутверждаются таким образом. Они не могут удовлетвориться ролью наблюдателей, не желают мириться с естественным ходом вещей. Им необходимо препарировать природу, нужно создать что-то противоестественное. Так и появился этот Парк, где очередные вивисекторы решили воскресить существ, которые природа мудро убрала из истории нашей планеты. В этом смысле создатели Парка мало чем отличаются от террористов — которые, судя по твоим описаниям, точно также одержимы идеей, «что-то свершить». Они также свято верят в то, что их победа столь же неизбежна, как неизбежно открытие у ученых. Твоего Джонни Конго ждет такой же провал, как и Хэммонда с Ву, потому что его цели столь же противоестественны. Все их планы, продуманность, которую они считают гарантией своей успешности, разрушит нечто, что никто не сможет предвидеть. Мелкая, незаметная ныне деталь станет тем детонатором, который...

— Тихо, — Сара вдруг вскинула руку, — слышишь?

Малькольм замолчал и в наступившей тишине они оба услышали пронзительный вопль, похожий на крик хищной птицы. Ему ответило еще с десятков подобных же звуков.

Сара осторожно прокралась к выходу и выглянула наружу. В окутавшей храм туманной дымке неспешно перемещались зловещие силуэты. Сара отметила сине-зеленые перья на

макушке и хребтах тварей — да и двигались они как-то по-птичьи. Однако куда большее впечатление производили острые зубы в приоткрытых пастьях и длинные серпообразные когти на задних лапах. Именно эта деталь и помогла Саре опознать этих животных: в студенчестве она прошла курс по палеонтологии и перед отправкой на остров она на скороую руку освежила его в памяти. Благодаря этим познаниям сейчас она сразу узнала тварей окруживших храм.

Один из ящеров поднял голову и желтые глаза с вертикальными зрачками встретились с глазами Сары. Из оскаленной пасти вырвалось злобное шипение, динозавр прижался к земле и вдруг мощным прыжком перемахнул через канал. Женщина шарахнулась внутрь храма, срывая с плеча автомат.

— Что там, Сара? — встревоженно сказал Малькольм, но тут в проходе появилась оскаленная морда велоцираптора. Коротко взлаял автомат и тварь с отчаянным воплем исчезла. Снаружи послышался жалобный вой, а следом — злобное рычание. Сара, рискуя выглянуть, увидела, что раненного динозавра разрывают на части его же собратья. Среди них выделялась крупная самка, чью макушку венчал настоящий султан из фиолетовых перьев. Вот она вскинула голову и уставилась прямо на Сару. Та, отступив обратно в храм, быстро проверила автомат — из шести патронов осталось три.

— Что это за твари? — спросил у нее из-за спины Малькольм. Он уже встал со своего постамента и, хромя и держась за стену, подошел к Саре.

— Велоцирапторы, — не оборачиваясь, сказала женщина.

— Они ведь смогут пролезть сюда? — тревожно спросил математик.

— Да, — угрюмо произнесла Сара, не отводя взгляда от хищных ящеров. Они уже сожрали раненного собрата и теперь вновь поднимали головы, уставившись на храм. Сара вскинула автомат, хотя и понимала, что это бесполезно — ей не хватит патронов на полтора десятка рапторов.

Она еще раз посмотрела на самку с фиолетовым султаном — та стояла неподвижно, окруженная выходящими из-под земли клубами пара. Остальные рапторы собрались вокруг, явно ожидая ее реакции. Было во всей этой сцене что-то глубоко ирреальное — и странная, дикая мысль внезапно мелькнула в голове Сары.

— В конце концов, хуже уже не будет, — пробормотала она и, развернувшись, всучила автомат опарашенному Яну.

— Возьми, — сказала она, — думаю, разберешься, что к чему.

— Сара, что ты... — глаза математика внезапно округлились, он замотал головой, — ты сошла с ума! Я не позволю.

— Это наш единственный шанс, — сказала Сара. Малькольм схватил ее за руку, но женщина, вывернувшись из его ослабевших пальцев, выбежала из храма. Спустя миг, она уже стояла перед самкой велоцираптора. Та продолжала стоять неподвижно, склонив голову и вглядываясь в Сару. Остальные ящеры тоже не двигались с места. Сара же пыталась как можно более полно воскресить в памяти давнюю сцену на мраморном алтаре перед заброшенным городом. Сернистые испарения, поднимавшиеся от наполненных каналов, дурманили голову не хуже едкого дыма от колдовских трав, горевших во время ее инициации Джонни Конго, когда он учил молодую женщину «разговаривать с гиенами». Вспоминая его уроки, Сара глубоко вздохнула и глянула в глаза раптора.

— Сестра! — истово сказала она, — я знаю, что тебе пришлось пережить. Тебя и твоих сестер терзали током, держали за колючей проволокой, вас собирались использовать на

потеху хохочущей толпе. Но ты отвергла жалкую участь, что уготовили тебе самцы людей. Обуреваемая яростью и любовью, ты восстала — и теперь твои мучители прячутся как крысы по норам, в страхе перед гневом освобожденных сестер. Я понимаю тебя, сестра! Я приветствую тебя, сестра! Мы с тобой одной крови — ты и я!

На последней фразе у Сары все же дрогнул голос — даже сейчас ей была отвратительна не фраза, но человек, что сделал ее бессмертной. Но она все также бестрепетно смотрела в глаза раптора — и самка не шевелилась, внимательно вслушиваясь в слова женщины. Сара, набравшись смелости, шагнула вперед и осторожно коснулась чешуйчатой головы — но даже сейчас раптор не шевельнулся.

— Не бойся, сестра! — бормотала Сара, — я никогда тебя не обижу. Обнимемся сестра!

Сейчас она сама верила во все, что говорила — и эта вера придавала ей смелости. Мелкими шажками Сара продвигалась вперед, пока, наконец, ее дрожащие руки не обвили мускулистую шею. Самка на миг замерла, а потом вдруг положила голову на плечо Сары. Молодая женщина всхлипнула от избытка охвативших ее чувств и во внезапном нахлынувшем порыве поцеловала самку прямо в жуткую морду.

— Спасибо тебе, сестра! — надрывно произнесла Сара, — верь мне.

Раптор выгнула шею и острые зубы вдруг вонзились в шею Сары. Та даже не сразу почувствовала боль — страх ужасной смерти на мгновение затмило чувство невероятного разочарования. Самка плавно согнула ногу и одним ударом изогнутого когтя распорол тело женщины от паха до груди. Окровавленный ком внутренностей вывалился на исходящую паром землю и тут же все рапторы разом кинулись на Сару.

Дорога страха

Изрядно поредевшему отряду Джонни Конго пока везло — дерево, на которое они взобрались, спасаясь от наводнения, оказалось достаточно высоким и крепким, чтобы выдержать не только вцепившиеся в ветви террористов, но и могучий поток воды, разлившейся после взрыва плотины. Боевики, ошеломленные столкновением с мастодонзавром, а также видом стиксозавров, сейчас понуро смотрели на бурлившую под ними мутную воду. Не добавлял хорошего настроения и, наконец-то, разразившийся над их головами тропический ливень. Плотные струи без труда пробивали плотную листву, вымочив тонгоракцев до нитки. Оглушительно грохотал гром, сверкали, озаряя все вокруг молнии. Трое оставшихся в живых боевиков, охваченные суеверным страхом, испуганно озираясь по сторонам, почти убежденные, что умерли и попали в мрачный ад кровожадных морго из самых жутких легенд своего народа.

Джонни Конго также был подавлен, однако он не позволял унынию и суевериям овладеть им. Пристроившись рядом с Куртмайером, он молча наблюдал как немец, скорчившись в неудобной позе в переплетении ветвей и растянув над собой изрядно порванную куртку, пытается наладить единственную захваченную ими рацию. Пока боевики шли к цели, Конго запрещал ей пользоваться, опасаясь, что разговор сможет перехватить здешняя служба безопасности — кто его знает, какими возможностями они обладают? Однако сейчас эти опасения представлялись Джонни неактуальными — на фоне только что виденных ими тварей, десяток-других отставников уже не выглядели угрозой.

Меж тем дождь шел на спад, гром и молнии стали более редкими, даже небо потихоньку расчищалось. Уровень воды, разлившейся после прорыва плотины, также стремительно падал — река возвращалась в старое русло, оставляя за собой подмытую и рухнувшую секцию забора, поваленные деревья, покрытую липким илом дорогу. Удовлетворенно кивнув, Джонни тронул за плечо немца.

— Ну что, может, попробуем?

— Можно, — с сомнением произнес Генрих Куртмайер, — теперь, когда гром уже не гремит уже над головами, может, кого и услышим.

— Тогда работай, — кивнул Джонни, — мне нужно поговорить с Бобби.

— Надеюсь, вода не проникла в механизм, — пробормотал Генрих, щелкая переключателем, — ну вот, что-то вроде получается.

Из рации внезапно послышалось шипение, потом громкий треск и вот, среди шума помех, вдруг раздался взволнованный голос.

— Кто-то меня слышит? Прием! Кто-нибудь? Прием, вы слышите меня?

— Я слышу, — рявкнул Конго, — кто говорит?

— Командир! — в голосе послышалась почти истерическая радость, — слава Богу, вы живы!

— С чего бы мне быть мертвым, — сказал Джонни, — с кем я говорю?

— Чак. Чарльз Монгарата.

Джонни помнил этого бойца — одного из тех, кто умел управляться с катером.

— Доложите обстановку, боец, — сказал он, — и где Мугела?

— Он мертв, командир, — теперь Джонни явно различил панический ужас в его голосе, — это проклятый остров, командир. Тут всюду морго!

Джонни бегло оглянулся на остальных бойцов — блеснувшая молния осветила их и без того серые от страха лица. Про себя он подумал, что зря позволил им слышать этот разговор — но как тут скроешь?

— Что ты несешь? — зло сказал Конго, — что значит мертв? Как он погиб?

— Я не знаю, командир, — голосзахлебывался от страха, — Мугела велел нам сторожить катер, а сам с остальными отправился к Стене. Оттуда он уже не вернулся — вместо него пришли морго, — голос задрожал сильнее, — уверен, они и убили Мугелу. Никто из отряда не вернулся, по радиации они не отвечают. Морго убили и нас, если бы мы не вышли в море.

— У вас что, нет оружия? — огрызнулся Джонни, — что это за морго? Огромная жаба, с пастью как у кита или змееголовые твари?

— Ог...ромная жаба, — теперь к испугу Чака прибавилось и недоумение, — змееголовые? Нет, командир, мы ничего такого не видели, — он запнулся, — вы хотите сказать, что есть и другие морго? Твари, что явились к берегу походили одновременно на крокодилов и страусов, с когтями, огромными, словно рог носорога. Мы убили нескольких, но их оказалось слишком много. Там были и другие твари... похожие, но другие. Одна из них цапнула Джерми Киогу и теперь нога его распухла и ужасно болит. Наши люди ни за что не согласятся сойти вновь на берег.

Джонни оглянулся на других боевиков, без сомнения слышавшие все это. По их глазам читалось желание скорей умереть, чем спуститься вниз по реке. Главарь террористов перевел взгляд на Генриха — тот беспомощно пожал плечами.

— Что с охранниками? — спросил Джонни.

— Тоже мертвы, мы убили их всех.

— Хоть одна хорошая новость за сегодня, — проворчал Конго, — теперь слушай меня, Чак: у тебя есть карты острова?

— Дда...кажется есть.

— Замечательно. Чак, да послушай меня, Чак — ты боец или баба?! Хватит трястись!

— Простите командир. Больше не буду.

— Хорошо. Найдите на карте ту самую гору, в форме черепа. С запада к ней примыкает что-то вроде поселка.

— Нашел, командир.

— Хорошо, — сказал Конго, разворачивая перед собой подобную карту и подсвечивая ее карманным фонариком, — отправляйтесь туда и ждите нас до вечера завтрашнего дня. Если мы не явимся — снимайтесь с якоря и уходите куда хотите.

— Мы будем ждать, командир, — голос Чака зазвучал чуть более бодро.

— Отбой, — кивнул Джонни и выключил радиацию, после чего посмотрел на своих бойцов, — после того марш-броска по джунглям, ничего не помешает нам спокойно дойти до цели по нормальной дороге. Вы меня поняли? Никто и ничто, ясно вам!

Выглядел он достаточно свирепо, чтобы боевики торопливо закивали в ответ. Лишь в глазах немца мелькнуло странное выражение, похожее на иронию. Однако Джонни решил разобраться с этим, когда они уже выберутся в более безопасные места.

— До рассвета еще далеко, — он бросил быстрый взгляд на небо, — и, похоже, опять пойдет дождь. Нужно поторопиться, если мы хотим найти более надежное укрытие.

Спустя некоторое время небольшой отряд уже шел по грязной дороге под струями возобновившегося дождя. Боевики то и дело испуганно озирались на обступавшие со всех

сторон джунгли, зловеще шелестевшие над головами. Джонни беспокоило иное: приглядевшись он увидел, что роскошные лианы и прочие вечнозеленые растения скрывают за собой все те же металлические изгороди. Попадавшиеся тут и там знаки с символом молнии предупреждали, что ограда находится под напряжением. Все это чертовски напоминало западню и Джонни уже начал сожалеть о том, что, подавшись мимолетному порыву, решил на этот бросок.

Сверкнула молния, озарив все вокруг, но даже сквозь раскат грома Джонни услышал короткую автоматную очередь над ухом и свирепо обернулся.

— Какого черта?

— Я видел его, — ответил дрожащий террорист, — он перелетел дорогу.

— Перелетел? Кто?

— Морго, — ответил боевик, — с крыльями, как у летучей мыши.

— Что ты несешь!

— Он прав, Конго, — негромко произнес Генрих, глядя куда-то вверх, — погляди.

Джонни проследил за его взглядом и зло выругался глядя на кружащих в небе над дорогой уродливых крылатых тварей. Между раскатами грома слышно было, как они издают протяжные крики.

— Не смей, — сказал Джонни, увидев, что один из его бойцов схватился за оружие, — береги патроны. Я не думаю, что эти твари нападут.

— Они и не собираются, — сказал Генрих, мрачно глядя наверх, — но, похоже, они подают кому-то знак.

Словно в подтверждение его слов одна из крылатых тварей издала очередной крик, пролетев чуть ли ни над самыми верхушками деревьев. В тот же миг Джонни понял, что это ему напоминает.

— Стервятники! — выдохнул он.

Громкий звук, разнесшийся над джунглями, боевик поначалу принял за очередной раскат грома, но тут же понял свою ошибку. Вслед за ним прогремел настоящий гром и тут же — громогласный рык, принадлежавший, судя по всему, невообразимо огромному чудовищу. В следующий миг земля под ногами Джонни сотряслась от тяжелых шагов.

— Быстрее! — Джонни метнулся к ограде, в поисках прохода, однако всюду он видел только ячеистую сетку, натянутую между плотной решеткой. Стена эта вздымалась на двадцать футов — перелезть, конечно, можно, но не быстро, а тяжелые шаги слышались все ближе. Вот во мраке замаячило исполинское тело и воздух вновь огласил утробный рев. Пораженные террористы, охваченные каким-то священным трепетом, созерцали, как из мрака медленно выплывает невообразимое чудовище. Серо-зеленая кожа блестела от дождя и на ней Конго заметил свежую рану, явно оставленную когтями, подобными тем, которыми оканчивались задние лапы твари. Тварь вскинула голову, приподняв хохолок из твердых перьев и над джунглями в очередной раз пронесся ужасающий рык.

— Аааа, — истошный вопль ударил по ушам Джонни, — пощади, Великий Морго!

— Стреляйте! Стреляйте, собачье отродье! — выкрикнул немец, но один боевик уже отбросил автомат, падая на колени и простирая дрожащие руки к нависшей над ним безобразной морде. Рядом рухнул в грязь и второй террорист, однако Джонни, Генрих и третий боевик открыли шквальный огонь из автомата. Перед Конго мелькнул яростный глаз, в следующий миг взорвавшийся кровавыми брызгами — это Генрих, улучив момент, сделал удачный выстрел. Рык обезумевшего от боли монстра, казалось, разорвал всем барабанные

перепонки и исполинская пасть схватила стоявшего на коленях террориста. Истошный крик сразу оборвался, сменившись хрустом костей, когда динозавр, отшвырнув окровавленный искореженный комок, в который превратилось человеческое тело, в ярости хлестнул могучим хвостом. Брызги грязи ударили в лицо Конго, на миг ослепив его, но он продолжал стрелять, пока обезумевший от боли монстр, не мотнул слепо головой, ударив боевика. Подброшенный сильным толчком, Джонни ударился об ограду и бессильно сполз на землю. В следующий момент все вокруг содрогнулось от страшного удара — это в забор врезался динозавр. Сразу несколько секций ограды повалились на землю, чудовищная тварь издала очередной рев, но теперь Джонни Конго услышал в нем жалобные нотки. Продрав, наконец, глаза, он увидел рядом с собой тварь, лежавшую на боку и содрогавшуюся в предсмертных конвульсиях.

— Твой яд все же сработал, — к Джонни подошел Генрих. Он прихрамывал, через щеку его тянулся кровоточащий шрам, но в целом выглядел вполне бодро. Джонни спешно ощупал себя — все его тело, казалось, превратилось в один сплошной синяк, но переломов и иных серьезных повреждений вроде не было.

— Странно, что он совсем не подействовал на ту проклятую жабу, — продолжал немец, — это чудовище сдохло довольно быстро.

— В подземной твари самой было яда столько, что хватило бы на весь отряд, — произнес Джонни, — думаю, ей и карботель не страшен. Хорошо, что эта тварь сдохла — теперь эти суеверные дураки поймут, что я сильнее любых морго. Где, кстати, они?

Ответ на этот вопрос он получил сразу — даже издохнув, чудовище не выпускало из пасти тело боевика, перекусив его почти пополам. От двух других террористов осталась лишь кровавые лепешки на дороге. Рядом валялись и их искореженные автоматы, превратившиеся в бесполезные куски металла.

— У нас осталось мало патронов, — озабоченно сказал Генрих, — я собрал, конечно, что мог от этих двоих, но если здесь не одна такая тварь, нам и этого надолго не хватит.

— Предлагаешь повернуть назад? — спросил Конго.

— Возможно, это и было бы безопасней, — сказал Генрих, — если бы не это.

Он показал Джонни разбитую рацию.

— Я не смогу связаться с катером, — сказал он, — а он будет нас ждать на западном берегу.

Джонни хотел снова выругаться, но тут же замолчал, внимательно вслушиваясь в ночные звуки. Гром уже стих и сквозь шум дождя командир «Свободного Тангорака» явственно услышал короткую автоматную очередь. Судя по всему, стреляли где-то в глубине джунглей.

— Кажется, я знаю, где можно разжиться патронами, — сказал Конго и, не дожидаясь ответа, нырнул в пролом, сделанный в ограде издыхающим чудовищем. Несколько помедлив, Генрих последовал за ним. Позади к трупам мертвого ящера, словно обычные вороны, слетались крылатые ящеры. Здесь же суетились и шустрые компи, энергично обклеивавшие неожиданно богатую добычу.

Уже светало, когда оба террориста, вышли к поляне с горячими источниками, где стоял, окутанный парами, пирамидообразный храм из темно-зеленого камня.

Наследие предков

— Всем идти нельзя, — говорил Шон, — Алан, вам придется вернуться к храму, вместе с Элли, Лекси и Тимом. Не скажу, что там сильно безопасней, но идти туда где, возможно, все еще бродит взрослый тираннозавр — сущее безумие.

— Хорошо, — кивнул Грант, — надеюсь, вы не сильно задержитесь у реки.

— Я тоже надеюсь, — усмехнулся Шон.

— Я не хочу с ними! — воскликнула Лекси, — я пойду с тобой!

— Лекси, не носи чушь, — отмахнулся охотник, — ты и не представляешь....

— Еще как представляю, — рассмеялась Лекси, — я сталкивалась с этим вашим Т-рексом, ближе, чем кто-либо. И ушла от него. Еще неизвестно, кто там будет в большей опасности — ты с этой здоровенной трубой на плече или я налегке.

Шон грозно нахмурился, а Элли рассмеялась.

— В воспитательных целях мне не стоило бы поощрять ее, — сказала она, — и все же Лекси права, Шон. Кто бы еще сумел так проскользнуть между тираннозавром и стегозавром? Если бы не она, неизвестно смогли бы мы с Тимом уйти живыми.

Шон мрачно посмотрел на Элли, перевел взгляд на Лекси и, не выдержав, улыбнулся.

— Ладно, черт с тобой, — махнул он рукой, — понесешь канистру, когда мы будем возвращаться. Только условие — слушаться меня во всем.

— Есть капитан! — Лекси лихо вскинула ладонь к голове, одновременно подмигнув понурившемуся Тиму. Шон, кивнув Гранту, закинул гранатомет на плечо и зашагал в глубь джунглей. Лекси поспешила за ним, в то время как Грант, Элли и Тим направились по тропинке, ведущей к древнему храму.

— Что-то не так! — встревоженно сказал Грант.

Они стояли на опушке джунглей, на краю все поляны на которой высился пирамидообразный храм, окутанный вулканическими парами. Все, казалось, было как прежде, но все же палеонтолог чуял здесь опасность.

— Что случилось? — шепотом спросила Элли.

— Смотри!

Грант указал глазами на влажную землю в двух шагах от них и Элли, проследив за его взглядом, испуганно распахнула глаза. На земле виднелись четкие отпечатки трехпалых следов, хорошо знакомых ей по совместным с Грантом раскопкам. Разве что здесь этих следов было в разы больше.

— Оставайся с Тимом, — сказал Грант. Элли молча кивнула, также как и Тим, переводящий встревоженный взгляд с Гранта на следы рапторов. Сам палеонтолог, держа кольт наготове, осторожно двинулся сквозь пахнувшие серой белесые испарения. Грант почти добрался до храма, когда из клубов пара вдруг выступила исполинская фигура в камуфляже. Завидев палеонтолога, чернокожий гигант схватился за автомат, но тут же замер, когда Грант, вскинув кольт, направил его в голову террористу.

— Даже и не думай! — сказал палеонтолог, — бросай оружие.

Грант помнил рассказы Шона о том, что произошло у Стены и сразу понял, кем может быть этот черный гигант. Лицо Джонни Конго исказила злобная гримаса и Гранту, показалось, что террорист вот-вот кинется на него. Но все же инстинкт самосохранения пересилил: боевик нехотя снял с плеча автомат и скинул его в грязь.

— Подтолкни ногой ко мне, — скомандовал Грант, — только медленно.

— Лучше сам бросай оружие, — послышался позади голос с сильным немецким акцентом, — если не хочешь, чтобы я сделал твоей цыпочке второй ротик.

Грант обернулся и увидел в трех шагах от себя белобрысого мужчину, держащего кинжал у горла испуганной Элли. Второй рукой немец держал автомат, упираясь его дулом в спину бледного как смерть Тима.

— Это я виноват, — пробормотал подросток, — я сказал, что нужно пойти за вами.

— Ничего, Тим, — кивнул Грант, — все будет в порядке.

— Будет, — кивнул великан-негр, поднимая свой автомат и направляя его на Гранта, — если ты бросишь пушку.

Грант перевел на него злой взгляд, но все же бросил кольт на землю.

— И ногой подтолкни, — усмехнулся Джонни Конго. Подобрал оружие, он по-хозяйски заткнул его за пояс, потом подошел к Алану и внезапно, одним ударом, сшиб его с ног.

— Ничего личного, мистер, — сказал Джонни Конго, — что же, теперь, когда мы познакомились, разберемся, что случилось с ней?

Он указал дулом автомата на грязно-красные лохмотья перед исходящим паром каналом. Грант, приподнявшись на локтях, пригляделся и с трудом подавил желание отвернуться. Перед ним, без сомнения, лежали изуродованные человеческие останки.

— Это, — Джонни поднял с земли кроссовок, — носила Сара Хардинг

Грант, осторожно поднявшись, внимательно осмотрел жуткий трофей. Из обуви еще торчала бледно-голубоватая нога, с окровавленным огрызком на месте голени. Помимо крови, обрубок покрывала некая слизистая пена. В ноздри Гранта ударил сильный смрад, отдающий гнилью, запах смерти и разложения.

— Разрез по сухожилию, — сказал Конго. — Тот, кто это сделал не кусал: просто повернул ногу и отрезал зубами. Я не знаю твари, что могла бы сделать такое — может, вы знаете?

— Скорей всего, — сказал Грант, — до нее добрались рапторы.

— Кто-кто?

— Велоцирапторы, — пояснил Грант, — это хищные динозавры, охотящиеся стаями. Тут всюду их следы.

— Вроде этих? — Джонни указал на трехпалый отпечаток в кровавой грязи и, дождавшись ответного кивка, продолжил, — откуда все это знаете? Кто вы вообще такой?

— Я ученый, — неохотно ответил Грант, — палеонтолог. Изучаю динозавров. Меня зовут Алан Грант, а эта девушка, Элли Сэттлер — моя ассистентка.

— А парень?

— Меня зовут Тим Мерфи, — сказал парень, — я внук хозяина Парка.

— Понятно, — лицо Джонни озарилось в широкой улыбке, — больше здесь никого нет?

— В храме оставался раненный...доктор Малькольм. Если эти твари не добрались и до него.

— Что же, проверим, — Джонни указал на вход в храм, — только после вас, доктор Грант.

Грант под дулом автомата начал подниматься к входу в храм. Рядом шли Элли и Тим, находящиеся под прицелом Генриха.

— Не знаю, что тут произошло, — уже позже говорил Конго, озираясь внутри храма, — но эти твари сюда не входили. Иначе бы тут воняло, также как и внизу. Да и крови было бы

не в пример больше.

— Где же тогда Малькольм? — спросил Грант.

— Не знаю, — покачал головой Джонни, — Генрих следи за ними лучше, пока я тут осматриваюсь.

Террорист опустился на колени и осмотрел каменный пол, особое внимание уделив кроваво-грязным разводам, тянувшихся от постамента в центре зала до черного алтаря у стены. Походило на то, будто по полу проволокли нечто тяжелое.

— Мне не все понятно, — Джонни выпрямился, растирая пальцами несколько комочков и внимательно принюхиваясь, — но одно могу сказать точно — ваш друг был еще жив, когда его забрали. Как сейчас — не знаю, но скорей всего нет.

— Забрали? Кто?!

— Понятия не имею, — пожал плечами Конго, — но тот, кто это сделал — явился отсюда.

Он указал на черный колодец под алтарем.

— Туда же он и убрался, — закончил Джонни, — ну и нам не стоит задерживаться. Нужно побыстрее добраться до горы.

— А что делать с ними? — спросил Генрих, — убьем их здесь?

— Мальчишку пока оставим в живых, — качнул головой Джонни, — он нам пригодится для разговора с его дедом. Что же до этих двух...

Словно в раздумье он подошел к стене с черепами, внимательно разглядывая их.

— Вы бывали на войне, доктор Грант? — не оборачиваясь спросил Джонни, — судя по тому, как вы взяли меня на мушку, у вас большой опыт.

— Я служил во Вьетнаме, — неохотно сказал палеонтолог, — совсем недолго.

— Для участника той войны вы необычайно мягкосердечны, — сказал Конго, — на что вы надеялись, когда бросили оружие?

— Что вы пощадите Тима и Элли.

— Вьетнам не научил вас тому, сколь вредным бывает чрезмерное милосердие? — в голосе Джонни послышалась неприкрытая усмешка, — даже по отношению к своим.

— Я ушел из армии, — сказал Грант, — в том числе и потому, что не хотел больше мыслить так как вы...

— Вы такой же, как и все янки, — усмехнулся Джонни, — хотите воевать, не запачкав рук. В прошлые времена люди думали по-другому. Вы знаете, что это за черепа?

— Нет.

— Тут много таких памятников, — сказал Джонни, — мне рассказывала мать. Иные умники на Западе, рассказывают, что это головорезы Пенворда убивали наших предков. Это было бы оскорбительно — если бы не было так смешно. Мой народ — не стадо коз, безропотно подставляющих шеи под нож мясника и эти черепа — дело их рук! В отличие от храмов, каналов и статуй — их создали те, кто жил на Тангораке, прежде чем сюда явились мои предки. Они истребляли выродившееся племя, отрубая головы и возлагая на алтари в их собственных храмах. Остатки тех слизняков укрылись за Стеной, но мои предки, явившиеся сюда морем, обогнули и ее, вырезав всех до единого. Их черепа украсили Стену, как дар здешним богам — их мы забрали себе, в числе прочих трофеев. Эти боги давно не получали жертвы — и сейчас они голодны!

Внезапно раздался выстрел: это Джонни Конго, резко обернувшись, выстрелил в Гранта из его же кольта. Палеонтолог, покачнувшись, рухнул на пол, из развороченной груди

хлестала кровь. Элли дико закричала, Тим покачнулся, чуть не упав в обморок.

— Дай мне нож, — сказал Джонни и когда Генрих исполнил его просьбу, Джонни присел рядом струпом. Ухватив мертвеца за волосы, боевик принялся отпиливать ему голову. Закончив с этой мясницкой работой, Джонни ухватил жуткий трофей и водрузил его на алтарь перед колодцем, бормоча под нос какую-то тарабарщину. Закончив с этим, террорист поднялся на ноги и повернулся к поделнику.

— Потом придумаем, что сделать с его подружкой, — Джонни плотоядно усмехнулся, — а пока же давай убираться отсюда.

Подталкивая Элли и Тима автоматами, террористы вышли из храма и направились в джунгли. Обезглавленный труп Гранта они выволокли на ступени и бросили там, не видя, как из джунглей к мертвому телу уже метнулись быстрые тени.

Вверх по течению

Густой, словно молоко, туман растекался белесыми клубами, почти скрывшими джунгли по обоим берегам реки. Густые травы и ползучие растения цеплялись за ноги, так что каждый шаг давался Дженни с трудом. Девушка чуть ли не на ощупь нашла ограду Парка и облегченно вздохнула — хоть какой-то ориентир.

— Дженни, — слышался из тумана плаксивый голос, — ты где?

— Тише ты! — прошипела Дженни, — хочешь созвать всех динозавров на завтрак? Давай, пошевеливайся! — и добавила под нос, — дал же Бог напарника.

В тумане замаячила нескладная фигура Недри. Выглядел он неважно — грязный, растрепанный, со сбитыми в кровь ногами и мокрой насквозь одежде. Как и опасалась Дженни, плывал Деннис плохо и, переправляясь через быструю реку, чуть не утонул. Девушке пришлось вытаскивать перепуганного, наглотавшегося воды толстяка за волосы, да еще и все время затыкать ему рот, чтобы на крики не сбегались окрестные твари. Оставив его на берегу, Дженни пошла на разведку, когда вдруг поднялся туман, сразу скрывший их друг от друга.

— Не отставай, — бросила Дженни, внутренне поморщившись при мысли, что толстый нытик своим ковылянием изрядно задержит ее. Злости на неудачливого насильника уже не осталось, только брезгливое сожаление, что ей приходится тащить его за собой. Хорошо еще, что после полученного у скалы урока Недри вел себя тихо, не пытаясь оспорить лидерство Дженни и слушаясь ее во всем.

— Говоришь, тут есть лодочная станция? — не оборачиваясь, бросила она.

— Да, — подобострастно произнес Недри, — на картах я видел одну.

— Похоже, это где-то здесь, — сказала Дженни. Трава под ее ногами вдруг кончилась — вместо нее появилась хорошо забетонированная дорога, шедшая вдоль ограды. Недри, с облегчением вступивший на твердое покрытие, тоже заметно ускорил шаг.

Оглушительный рев разнесся над джунглями, заглушив остальные звуки разом притихшего леса. Недри испуганно ойкнув, наткнулся на замершую на месте Дженни. Даже спиной она ощутила, как дрожит толстый программист.

— Я уже слышал этот рев, — запинаясь, сказал он.

— Что бы это не было, оно далеко, — сказала Дженни, — идем дальше.

Стайка каких-то зверьков, похожих на вставших на задние лапы ящериц, перебежала им дорогу. Над головами скользнула крылатая тень и Недри бросил на нее опасливый взгляд, памятуя о своем недавнем полете. Туман меж тем постепенно рассеивался, но Дженни не особо радовалась этому — тем, кто вышел на охоту сейчас, будет легче их найти. Она поудобнее перехватила рукоять топора, хотя и понимала, что против бродивших здесь чудовищ это слабая защита.

Из рассеивавшегося тумана выступила лодочная станция — невысокое прямоугольное здание, сложенное из металлических листов, напоминавшее большой гараж. На двери висел массивный замок, который Дженни сбила ударом топора. Тяжелая дверь мерзко скрипнула, когда Дженни вошла внутрь. Вслед за ней, опасно озираясь, вошел и Недри. Помещение было заставлено всякой всячиной: пустые канистры из-под гербицидов, запасные колеса для «джипа», мотки колючей проволоки. Посреди гаража стояла небольшая моторная лодка. Дженни проверила топливный бак и, убедившись, что он почти пуст, оглянулась по

сторонам.

— Ищешь вот это? — спросил Недри, указывая на несколько цистерн у стены.

— Ха, а от тебя тоже может быть толк, — усмехнулась Дженни, — оно самое.

Проверив цистерны, Дженни убедилась, что бензин есть только в одной и тут же залила полный бак. Еще раз осмотревшись и не найдя больше ничего интересного, она уже хотела покинуть здание, когда взгляд ее зацепился за металлический ящик, притулившийся в самом углу. Сбив топором крышку, Дженни обнаружила в нем комплект карт, которые от сырости покоробились и покрылись плесенью. Бегло просмотрев, Дженни поняла, что нашла подробные топографические карты западной части острова — той самой, где сейчас находились Дженни и Недри. Дженни бросила карты на дно лодки и, кивнув своему спутнику, негромко скомандовала.

— Давай, вытаскивай.

С трудом они вдвоем вытащили лодку из сарая и спустили на воду. Дженни села за руль, а Недри плюхнулся на корму. Дженни повернула рычаг и к своей радости услышала шум сразу заведшегося мотора. И в тот же миг из джунглей раздался оглушительный рев — куда ближе, чем раньше. Закачались деревья, целая стая птиц с шумом взмыла в небо, уступая дорогу тому, что шел из леса.

— Быстрее!!! — взвизгнул Недри, испуганно оглядываясь.

— Не скули! — строго сказала Дженни, хотя и ей самой стоило немалых усилий, чтобы сдержать дрожь в руках. Лодка уже выезжала на середину реки, когда из деревьев высунулась огромная красно-коричневая голова. Дженни, в приступе неуместного журналистского любопытства, жадно рассматривала чудовище, которое, в свою очередь, по-птичьему склонив голову, недоуменно разглядывало странный предмет на воде.

— Да трогай же ты, черт тебя возьми! — заорал Недри, — это же Рекс.

Тираннозавр с оглушительным рыком устремился в реку, кляца зубастой пастью и пеня воду ударами могучего хвоста. Дженни, опомнившись, повернула руль и лодка, взревев мотором не хуже тираннозавра, совершила резкий разворот. В тот же миг за спиной Дженни раздался отчаянный вопль, перекрывший даже шум мотора и рык ящера. Дженни, обернувшись, едва успела ухватить за шкурку Недри, кувырком летевшего за борт. Чтобы удержать его и не свалиться в воду самой, Дженни что есть силы откинулась на спину, падая на дно суденышка. Истошно вопящий Деннис повалился прямо на нее, придавив девушку своей жирной тушей. Его крики, ругательства Дженни, шум мотора и рык тираннозавра слились в один звук, пока лодка, потерявшая управление, беспомощно крутилась посреди реки. Хищный ящер, что даже посреди потока возвышался над водой на несколько метров, казался ошеломленным странным звуком и запахом бензина, не зная как подступить к непонятному предмету.

Дженни, выбравшись из-под Недри, метнулась к рулю, когда тираннозавр, наконец, решил. Над Дженни разверзлась зубастая пасть, из которой пахло смрадным духом тухлого мяса. В отчаянии журналистка ухватила валявшийся в лодке топор, замолотив им по жуткой морде. Один из ударов рассек десну монстра, второй задел глазницу, заставив чудовище с ревом отпрянуть. Из пасти твари обильно стекала кровь, а из поврежденного глаза торчал, утонувший по лезвию топор. Чудовище замотало головой, пытаясь вытряхнуть «занозу», дав Дженни время, чтобы развернуть судно вверх по течению. Страшная пасть щелкнула за кормой лодки, однако беглецы уже уносились от разбушевавшегося монстра. Бросив взгляд через плечо, Дженни еще успела увидеть, что монстр выбрался из реки и

устремился за ними вдоль берега, но тут лодка завернула за мыс и ящер исчез из виду.

— Вроде оторвались, — уже позже сказала Дженни и, слегка сбавив скорость, предоставила лодке идти самой, — ты там как, не ранен? Снова не обгадился?

— Кажется, нет, — промямлил Недри, наскоро ощупав себя. Дженни хмыкнула и, взяв с днища охапку карт, расстелила перед собой одну, с крупным планом реки. Карта оказалась довольно подробной — на ней была отмечена даже станция, где они взяли лодку. С юга к реке примыкало несколько крупных секций, а к западу виднелось огромное синее пятно — озеро. Однако внимание Дженни привлекло не оно, а обступившие его берега горы, южные и западные склоны которых покрывали разнообразные строения.

— Придется пройти пешком, — пробормотала она, продолжая изучать карту. Детально на ней изображалась дамба — массивное сооружение, окаймлявшее чуть ли не весь восточный берег озера. Судя по всему, по ней проходила дорога, что на южном берегу упиралась в коробки каких-то строений. Может, там найдется машина или даже обслуживающий персонал, что проведет их к местному начальству?

— Как думаешь, электричество уже включили? — не оборачиваясь, спросила она у Недри.

— Кажется, сейчас узнаем, — странным голосом произнес Недри. Дженни оторвалась от карты, недоуменно уставившись на Недри, но тут и она услышала странный гул, доносящийся из джунглей. Звук нарастал, становясь все громче — в скором времени в нем можно было опознать топот множества исполинских ног.

— Что это еще за...? — начала Дженни, когда послышался хруст ломающихся веток, стая потревоженных птиц вырвалась в небо и из леса выбежало существо, размером с лошадь, но с мордой напоминающей утиный клюв. Не замедляя бега, существо что есть силы врвалось в ограду. Забор выдержал, хотя металлические ограждения и изрядно прогнулись, пока животное продолжало ожесточенно колотиться о решетку, жалобно трещающую под этим натиском. Меж тем из леса вырвалось еще несколько подобных существ — куда больше первого. Дженни повернула рычаг, прибавив скорость в самый нужный момент — одна из секций забора, не выдержав, рухнула и динозавры ринулись к реке. А вслед ним из леса уже несся грозный рык, судя по которому, чудовище скрывавшееся в чаще размерами не уступало тираннозавру.

— Меня, наверное, проклянут в журналистском сообществе, — сказала Дженни, — но на сегодня с меня хватит сенсаций!

Словно в подтверждение ее слов раздался новый рев, совершенно сведший с ума утконосых динозавров. В слепой панике они толпились в узком проломе, сбивая с ног и затаптывая друг друга. Те же, кому удалось прорваться к реке, пересекали ее вброд и, не сбавляя темпа, исчезали в лесу напротив. Могучие тела поднимали огромные волны, качавшие лодку, так что она черпала воду воду обеими бортами. Дженни, с трудом удерживая ее на плаву, повернула рычаг до упора, стремительно уносясь подальше от очередной кровавой драмы проклятого острова.

Спустя еще некоторое время они услышали новый звук — падающей воды. Вскоре появился и ее источник — та самая дамба искусно замаскированная под естественные скалы. С них в реку обрушивался настоящий водопад. Рядом с ним, к надстроенной над дамбой металлической ограде, поднималась винтовая лестница. Дженни остановила лодку, заглушив мотор и, ухватив стопку карт, сунула их Недри.

— Ты понесешь! — безапелляционно сказала она.

Недри недовольно покосился на нее, но Дженни уже карабкалась по лестнице, так что Деннису ничего не оставалось, как последовать за ней. Вскоре оба стояли на дамбе, созерцая через ограду огромное озеро.

— К берегу, наверное, тоже есть проход, — задумчиво сказала Дженни.

— Я бы на твоём месте ее не искал, — сказал Недри, — здесь обитает тварь пострашнее тираннозавра.

— Серьезно? — Дженни с сомнением посмотрела на ровную синюю гладь, казавшуюся такой безобидной, но спорить не стала. Недри, в конце концов, здесь дольше нее и лучше знает, что к чему.

— Что же, поищем иной путь, — с этими словами Дженни быстро зашагала по дамбе, по которой, как и обещала карта, проходила дорога. Спускаясь с дамбы, она выходила на обширную площадку, напоминавшую автостоянку. С одной стороны ее ограждала металлическая ограда, наполовину скрытая лианами. С другой стороны примыкало несколько строений, одно из которых, к радости Дженни, оказалось гаражом. Дверь, в обычное время открывавшаяся от магнитной карточки, сейчас была раскрыта нараспашку и журналистка с программистом вошла внутрь. Первое, что бросилось ей в глаза — два больших джипа. За ними виднелась дверь в подсобное помещение.

— Вот это здорово! — воскликнула Дженни, — может тут и люди есть. Эй! — крикнула она.

— Эй! — повторил Недри, — есть кто живой?

Оба невольно вздрогнули, когда в подсобке вдруг кто-то шумно завозился и грубый голос громко произнес:

— Пойди, проверь дверь. Кажется, там кто-то есть.

— Конечно, есть! — обрадовано крикнула Дженни, — мне нужно к мистеру Хэммонду. Я журналистка, он ждет меня.

— Никого нет, — ответили ей из подсобки, — это чертовы крысы.

— Крысы так не шумят.

— Какие к чертовой матери крысы? — воскликнул Недри, — вы, что не слышите? Я Деннис Недри, главный программист Парка. Мне нужно срочно к командному пункту.

— Чертовы крысы.

— Пойди, проверь дверь.

— Крысы так не шумят.

— Так, — Дженни, еще не понимая в чем дело, невольно напряглась, почувствовав неладное, — что здесь, черт возьми, про...

Она осеклась, уставившись на нечто, лежавшее под одной из машин. В полумраке обесточенного гаража она не сразу узнала этот предмет, но сейчас, когда ее глаза привыкли к темноте, Дженни ясно увидела, что из-под машины торчат ноги, обутые в армейские ботинки. А рядом с ним на полу растекается большая темная лужа.

— Мистер Хэммонд будет недоволен, — послышался вдруг голос снаружи и дверной проем загородила некая фигура. В то же время сзади послышался шорох и из подсобки в гараж скользнули пугающие темные тени.

Мясник мезозойской эры

Шон и Лекси уже подходили к реке, когда до них донеслись шум лодочного мотора, рев динозавра и чьи-то отчаянные крики.

— Черт! — Кортни, вскинув гранатомет на плечо, метнулся через джунгли, перепрыгивая через поваленные столбы ограды. Лекси старалась не отставать, однако не ей было тягаться с бывшим Скаутом, привыкшему к африканским зарослям. Когда она выбежала на берег, то увидела перед собой отчаянно ругавшегося Шона и бежавшего по берегу тираннозавра. Лекси хотела нырнуть обратно в заросли, однако чудовище оказалось столь увлечено преследованием, что не заметило новых людей. Вскоре ящер скрылся в джунглях, хотя его рев какое-то время доносился из леса.

— Черт бы забрал этих ублюдков, — исчерпав ругательства, Шон угрюмо смотрел на реку.

— Кто это был, — спросила Лекси, — в лодке?

— Понятия не имею, — пожал плечами Шон, — толком не разглядел. Вроде один был толстым, как твой приятель Недри.

— Но он же мертв! — воскликнула девушка, — я видела, как его утащил птеродактиль.

— Да знаю я, — досадливо поморщился Шон, — но другого такого жирного выродка на острове я не припомню. Второго я видел мельком, но мне показалось, что это девка. И, сдается, мне, лодка, на которой они улепетывали отсюда, шла на нашем бензине.

Осторожно, Шон и Лекси подошли к лодочной станции. Тираннозавр, убегая, задел ее, вышибив дверь и помяв одну из стен. Тщательный осмотр подтвердил опасения Кортни — все канистры с бензином оказались пустыми.

— И что теперь? — растерянно спросила Лекси, — вернемся к храму?

— Ждать смерти? — бросил Шон, — нам все равно придется идти к гостинице, рано или поздно. Не очень похоже, чтобы кто-то решил прийти к нам на помощь — да и откуда бы кому знать, где нас искать? Да и Малькольм не выдержит пешего перехода.

— И что тогда?

Шон задумался, бросив внимательный взгляд в сторону, куда удалился тираннозавр.

— Мы прошли уже немало, — сказал он, — можно попробовать устроить марш-бросок до дамбы. Чем ближе к ней, тем больше всяких строений. Там есть бензин, оружие, транспорт, наконец, какой-то персонал, который поможет нам.

— Далеко идти?

— Километров пять. Может кто-то попадетсЯ раньше.

Лекси вздохнула, вспомнив о Тиме, но возражать не стала.

— А эта тварь, — сказала она, вспомнив о тираннозавре, — нам ведь придется идти следом?

— Тут немного дорог, — мрачно кивнул Шон, взвешивая в руке гранатомет, — но сейчас уже весь Парк такой. Нам повезло, что мы не столкнулись ни с кем по пути к реке, но вряд ли нам будет везти и дальше. Даже здесь мы не в безопасности.

— Ну и ладно, — решительно мотнула Лекси, — идем быстрее.

Шон усмехнулся и, развернувшись, жестом велел Лекси следовать за ним. Он скользил меж деревьев, словно лесной призрак, да и Лекси, с ее спортивной закалкой, быстро приноровилась к его шагу. Лес вокруг жил своей жизнью — с ветки на ветку перепархивали

птицы, бесшумно скользили змеи и ящерицы. Всюду слышались шорохи, но пока ничто не выдавало близость сколь-нибудь крупного зверя — в этом Шон с его охотничьим чутьем мог поручиться. Лишь раз вдалеке прозвучал чей-то рев.

Они прошли примерно час, когда Шон остановился — так внезапно, что шедшая следом Лекси, чуть не налетела на застывшего как столб охотника.

— В чем дело? — спросила она. Вместо ответа Шон показал перед собой — да Лекси и сама уже слышала громкий писк. Вновь послышался шорох и из леса выскочило существо, напоминавшее вставшую на задние лапы ящерицу. Лекси узнала эту тварь — этого маленького динозавра ей показывали в инкубаторе.

— Это же эти... как их.

— Комппи, — кивнул Шон.

Вслед за первым динозавром появился второй, настороженно крутя узкой мордочкой и опасно поглядывая на людей. Затем из кустов выбежало еще несколько. Маленькие зеленые прокомпсогнатида, встав на задние лапы, издавали отрывистые крики; глядели на людей и торопливо скрывались в зарослях. Раздававшие справа и слева шорохи отмечали передвижение еще большего числа динозавров.

— Куда они все спешат? — спросила Лекси.

— Понятия не имею, — качнул головой Шон, — это падальщики, стервятникам. Умиряющее животное для них приманка, у комппи ужасно острый нюх. Они за несколько миль могут учуять умирающего зверя.

— Значит, они бегут туда, где умирает какое-то животное?

— Или умирает, или уже умерло, — пожал плечами Шон.

— А вдруг это человек? — с широко раскрытыми глазами спросила Лекси, — может, кому-то требуется помощь?

— Сомневаюсь, — покачал головой Шон, — впрочем, проверить не помешает.

Не пройдя и ста шагов, Шон и Лекси почуяли сначала слабый, а потом все более усиливающийся запах разлагающейся плоти. Вскоре до них донеслось жужжание мух и возбужденное попискивание комппи. Шон, сделав Лекси знак стоять на месте, шагнул вперед, раздвигая ветви огромного папоротника.

Перед ним открылась обширная поляна, где на залитой кровью траве лежал мертвый гадрозавр, с выкушенным животом и выеденными внутренностями. С одного боку туша была почти полностью обглодана, обнажая белые ребра. Рядом лежала туша еще одного ящера, поменьше, с вывороченными из суставов лапами, отгрызленным хвостом и обглоданным бедром. Из вспоротого брюха на землю вывалились жирные как змеи кишки. Вокруг тел суетились комппи дерущиеся со слетевшимися на падаль канюками и воронами.

— Что тут случилось? — послышался над ухом Шона громкий шепот. Он раздраженно обернулся — конечно же, Лекси пренебрегла его запретом и пошла следом. Охотник приложил палец к губам, продолжая внимательно осматривать поляну в поисках виновника побоища. Не сразу Кортни понял, что смотрел не туда — он искал на уровне своих глаз и ничего не находил, пока не догадался глянуть повыше.

Меж крон высоких деревьев, на высоте почти в двадцать футов, высывалась чудовищная морда, напоминавшая исполинского крокодила.

Спинозавр!

Монстр сидел в тени деревьев, немного не доставая до земли передними лапами. Глаза его были открыты, но зверь не шевелился — лишь голова плавно приподнималась и опадала.

Множество мух с монотонным жужжанием, вились у его морды, ползали по ней, забирались в приоткрытую пасть, из которой торчали окровавленные клыки. Спинозавр сидел рядом с поляной и Шон был уверен, что зверь его заметит, однако чудовище ни на что не реагировало. Шон не сразу сообразил, что спинозавр спит. Спит, сидя.

— Шон, — снова послышался взволнованный шепот. Кортни не оборачиваясь, нащупал руку девушки и сильно сдавил, кивком указывая ей на чудовище. Сдавленный писк за его спиной показал ему, что Лекси тоже увидела спинозавра. Шон медленно попятился назад, не сводя взгляда со спящего монстра.

Что-то прошелестело в траве и Лекси невольно вскрикнула, когда у нее из-под ноги вдруг выскользнула большая, — футов в шесть, — черно-зеленая змея. Тварь выползла на поляну, заставив компи с возмущенным писком кинуться в стороны от неожиданного врага. Шон перевел взгляд на монстра и с ужасом отметил, что выражение его глаз изменилось — безучастный взгляд спящего животного сменился хищным блеском. Шон понял, что динозавр его увидел. Громко клацнули зубастые челюсти и монстр, явно отяжелев от обильной трапезы, неспешно двинулся вперед.

— Бежим! — взвизгнула Лекси, но в этот миг зверь, издав громкий рык, вдруг рванул через всю поляну. Огромные лапы давили не успевших увернуться падальщиков, когда исполинский монстр ворвался в чащу. Для такой громадины динозавр оказался необычайно быстр — длинный хвост подобно бичу хлестнул по деревьям, ломая как спички толстые стволы. Шон едва успел увернуться, упав на землю и откатываясь в сторону. Перед его глазами мелькнуло гибкое тело, изогнувшееся в немыслимом кульбите — это Лекси совершила очередное чудо ловкости, уворачиваясь от впустую клацнувшей пасти. Подпрыгнув, она ухватила за толстую ветку и, кувыркнувшись через нее, нырнула в зеленую листву. Монстр, раздосадованный, что добыча ускользнула из-под носа, вновь взревел, ломая деревья хвостом и огромным гребнем, то и дело цеплявшимся за ветви и лианы. Шон тем временем лихорадочно проверял оружие — не забила ли земля в ствол гранатомета? Занятый этим делом, охотник чуть не пропустил момент, когда раздосадованный монстр снова хлестнул хвостом. В отчаянном прыжке Шон, почти сумел увернуться, но широкий, словно весло, хвост пусть и на излете, но все же зацепил его. Отброшенный невероятной силой, Шон отлетел футов на десять. Переплетение лиан смягчило удар и все же у него чуть не вышибло дух, когда он ударился о землю, исхитрившись и сейчас удержат гранатомет дулом вверх. Спинозавр, круша все на своем пути, рванул к Шону, раскрывая огромную пасть — лишь в самый последний момент его гребень зацепился за кроны деревьев. Это задержало спинозавра всего на миг — но и этого хватило Шону, чтобы, наконец, выстрелить в распахнувшийся над ним алый зев, оскаленный окровавленными зубами. В лицо Шона плеснуло горячей красной жижей, когда он, отбросив бесполезный уже гранатомет, почти вслепую откатился в сторону, забившись под корни вывороченного дерева, уворачиваясь от бившегося в предсмертных конвульсиях динозавра.

С трудом Шон поднялся на ноги, чувствуя как нестерпимо болит все тело, на котором, казалось, не было живого места. Одежда оказалась изорвана в клочья, Шон хромал на левую ногу, ушибив ее об некстати подвернувшийся корень, руки и лицо покрывала кровь и мозги чудовища. Однако спинозавру пришлось куда хуже — взрыв разворотил ему всю голову, забрызгав кровью все на двадцать футов вокруг. Могучие лапы еще бессильно молотили по воздуху, в агонии хлестал могучий хвост, но эти конвульсии постепенно затихали по мере того, как жизнь покидала исполинского ящера.

— Шон!

Смотритель Парка поднял глаза — перед ним стояла Лекси: поцарапанная, с листьями и мелкими веточками в волосах, но без серьезных повреждений. В голубых глазах читался одновременно страх и восхищение, когда она переводила взгляд с все еще дрожавшего в предсмертной агонии ящера на стоявшего перед ней Шона.

— Мой герой! — выдохнула она.

Ее блузка, уже порядком изодранная, почти не скрывала полные груди и плоский живот. Охваченный внезапным желанием, Шон шагнул вперед, привлекая к себе девушку и впиваясь жадным поцелуем в алый рот. Сильные ноги обхватили его талию, когда обтянутая джинсами промежность прижалась к мигом затвердевшей выпуклости в мужских штанах. Все цивилизованное, современное, само человеческое разом слетело с них, жадно срывавших друг с друга одежду — на полянесейчас праздновал победу дикий зверь, защитивший свою самку от намного более сильного врага и желающий получить заслуженную награду за подвиг.

С порывистым вздохом, Лекси вцепилась в Шона, оставляя ногтями кровотокащие царапины на мужском теле. Шон расстегнул молнию на ее шортах и сдернул их вниз. Девушка ногой отбросила их, когда Шон стянул с нее трусики, укладывая Лекси на окровавленную тушу. Лекси широко раздвинула ноги, чувствуя, как еще сокращаются под ее спиной мышцы мертвого животного. Сладковатый запах крови смешивался с терпким запахом женских выделений и едкого пота нависшего над ней мужчины. Шон расстегнул брюки и, просунул руки под округлые ягодицы, резко дернул девушку на себя. Громкий стон разнесся над поляной, заставив разбежаться высунувшихся было компи, пока Лекси, распластавшись на серо-зеленом чешуйчатом брюхе, дергалась в такт толчкам терзавшего ее, твердого как железо, стержня. Возбуждение, охватившее любовников оказалось столь велико, что они достигли кульминации одновременно — с протяжным всхлипом Лекси бессильно раскинулась на мертвом спинозавре, чувствуя как упругая плоть внутри нее, выплескивает казавшиеся нескончаемыми струи мужского семени.

Уже позже, когда Лекси собирала по кустам изодранную, выпачканную кровью одежду, Шон разыскал гранатомет и, убедившись в его исправности, закинул на плечо.

— Может, еще удастся разжиться боеприпасами, — ответил он на удивленный взгляд Лекси, — в Парке есть склады, о которых знаю только я и Хэммонд.

— Тяжеловато будет идти с такой штукой, — сказала Лекси.

— Ничего, — усмехнулся Шон, — зато можно использовать как дубину. Ну что, идем?

Бросив последний взгляд на тушу спинозавра, Лекси последовала за Шоном. Никаких чудовищ им больше не встретилось — видимо огромный хищник распугал остальных ящеров. Вскоре они оказались на той самой дороге, которой они проезжали вчера мимо вольера спинозавра — казалось, что с той поры минула целая жизнь. А спустя еще некоторое время сквозь зеленые заросли замелькали крыши гостиничных корпусов.

— Все это мне не нравится, — нахмурившись, сказал Шон, — очень похоже, что свет так и не включили. Что же могло такое случиться, чтобы до сих пор никто ничего не...

Он оборвался на полуслове, не веря своим ушам: со стороны гостиничного комплекса до него доносился звук, которого он не слышал с тех пор, как покинул Африку — монотонный рокот негритянских барабанов.

По закону Африки

— Я больше не могу идти, — хныкнул Тим, сбивший ноги об выступавшие корни и неровную землю. Элли, обдумывая, что ответить ему утешительного, на миг задержалась и тут же уткнулась в направленный в ее спину ствол.

— Шнелле, — ткнул Элли шедший за ней Генрих, — пошевеливайтесь, фройляйн.

Элли бросила на немца ненавидящий взгляд.

— Что, нравится угрожать безоружным? — зло сказала она, — наверное, не впервой воевать с женщинами и детьми?

Шедший впереди Джонни Конго, слышав эту перепалку, обернулся, с интересом посмотрев на Элли.

— Какая злючка, — он протянул руку к ее лицу. Элли попыталась отвернуться, но Джонни ухватил сильными пальцами ее подбородок и заставил взглянуть себе в глаза. Завидев так близко звероподобную бородатую физиономию, девушка почувствовала невольную робость и Джонни, поняв это, ослабил в довольной ухмылке.

— Нам с Генрихом доводилось воевать и с женщинами и с детьми, — сказал он, — убивших больше людей, чем ты прихлопнула мух. Нас воспитала Африка — а у нее свои законы. Которые теперь станут законом и Тангорака.

— И кто установил эти законы, — с вызовом спросила Элли, — не ты ли?

— Кто-то же должен, — пожал плечами Конго, — будете себя вести хорошо — и ничего страшного с вами не случится.

— Как не случилось с Грантом? — бросила Элли.

— Ты не знаешь жизни, женщина, — усмехнулся Конго, — если считаешь, что то, что случилось с твоим дружкой — и вправду страшное. Ничего, я тебе покажу.

С этими словами он отвернулся от пленников и зашагал вперед.

— Давай, пошевеливайся, — Генрих снова ткнул Элли в спину.

Вскоре они вышли к очередной ограде. Одна из металлических секций лежала на земле, вышибленная мощным ударом. Через этот пролом все четверо и вышли на дорогу, в которой Элли узнала ту, которой они выезжали на экскурсию. Джонни настороженно огляделся, однако вокруг было пусто.

— Проверь забор, — бросил Джонни немцу и тот, проделав некие манипуляции с оградой, недоуменно повернулся к черному великану.

— Электричества нет, — сказал Генрих.

— Странно, — покачал головой Джонни, — неужели некому наладить?

Элли с Тимом непонимающе переглянулись.

— Ладно, идем дальше, — хмыкнул Джонни, — кого-нибудь да найдем.

«Кто-то» обнаружился скоро — прямо посреди дороги валялся изуродованный труп, в котором только по обрывкам формы можно было опознать одного из охранников. Пировавшие на трупе зеленые компи, при виде людей, с недовольным писком кинулись в кусты. Не обращая на падальщиков внимания, Джонни уселся рядом с мертвецом и перевернул его на спину. Тим невольно отвернулся и Элли с трудом удержалась, чтобы не последовать его примеру — зрелище было и впрямь не для слабонервных. Кто-то полностью выел мертвецу лицо, оставив выскобленную черепную коробку. Страшная рана красовалась и на животе, бедра были полностью обглоданы.

— Кто-то здорово проголодался, — усмехнулся Джонни, вставая с дороги и оттирая руки от крови, — сдастся мне, мы немного тут найдем живых.

Прошло совсем немного времени, прежде чем все убедились в его правоте. Все чаще на дороге попадались строения, выполнявшие разные подсобные функции — и в нескольких уже обнаруживались следы жестоких расправ, которые просто не могли осуществлять люди. Страшно изуродованные, полусъеденные трупы валялись прямо на залитом кровью полу. Но особенно впечатлял повисший на дереве, на высоте примерно восьми футов, труп, еще цеплявшийся за ветви окоченевшими руками. Лицо его искажала гримаса смертельного ужаса. Ниже пояса человеческое туловище заканчивалось — чьи-то огромные челюсти просто откусили нижнюю половину.

Бледный как смерть, Тим, казалось, вот-вот грохнется в обморок. Элли держалась немногим лучше, да и террористы, озирали все окрестности с немалой оторопью. Навидавшиеся всякой жути в Африке, более того, зачастую сами творившие ее, Джонни и Генрих все же не были готовы к чему-то подобному.

Вот и ворота, отделявшие гостиничный комплекс от остального Парка — у подножия исполинской горы блестели стеклянные крыши и окна лабораторий. Возле одного из корпусов стоял джип с распахнутой настезь дверью. Из нее вывалился на землю труп с откушенной головой и выгрызенным животом

— Шайзе, — выругался немец, — что, черт бы их разобрал, здесь произошло?

Громкий шорох вынудил террориста развернуться, встретив шквалом огня выскочившую из кустов очередную тварь. В тот же миг Элли дернула Тима за руку.

— Бежим!

Сорвавшись с места, они метнулись в заросли высоких папоротников. Вслед им прострекотала очередь, сбившая листья над головами Элли и Тима, однако никого не задело — видимо, террористы все еще не хотели их убивать.

— Сюда, — выдохнул Тим и они кинулись вниз по дорожке, уходящей к большому пруду, обустроенному, как показалось Элли, из какого-то естественного водоема. На обрамленном пышной зеленью берегу стоял элегантный домик, в очертаниях которого угадывалось что-то японское. На пороге стояла красивая чернокожая женщина, в одеянии горничной. Темные глаза изумленно расширились при виде беглецов.

— Мария! — Тим метнулся к ней, — слава Богу, ты здесь.

— Скорей в дом! — девушка оступила назад, — быстрее, пока они не явились.

— Это Мария, служанка дедушки, — быстро объяснил Тим Элли, — я ее знаю.

Элли и Тим вбежали в дом и Мария тут же захлопнула дверь.

— Я слышала выстрелы, — она говорила по-английски со странным акцентом, — это вы?

— Нет, террористы, — сказала Элли, прильнув к окну и осторожно выглядывая наружу. Погони пока не наблюдалось.

— Что тут случилось? — нетерпеливо спросил Тим, — где дедушка?

Лицо гайтянки приобрело скорбное выражение.

— Он мертв, — сказала она, — тут все мертвы.

— Что?

Элли старалась не смотреть в лицо Тима — ей хватало и того, как прозвучал его голос.

— Как это случилось? — спросила Элли.

— Это было ужасно, — помотала головой Мария, — они только вышли из дверей,

вместе с доктором Ву, когда из кустов кинулись эти твари, — она оборвалась на полуслове, будто ее душили рыдания, — я всегда знала, что из этой затеи ничего хорошего не выйдет.

— Это уж точно, — зло сказала Элли, — нам надо убираться отсюда.

— Да, конечно, — закивала Мария, — погодите, я сейчас.

Она выскользнула в соседнюю комнату, откуда послышался шорох каких то тканей. Элли обернулась к Тиму.

— Ты как, в порядке?

— Я просто... — Тим прервался на полуслове, на его глаза выступили слезы. Элли потянулась утешить его, когда вдруг раздался громкий хлопок. На лице подростка появилось удивление и он повалился на пол — Элли едва успела подхватить его. Из спины подростка торчало что-то вроде шприца. Элли подняла глаза — в дверях стояла Мария, державшая в руках небольшой пистолет.

— Что ты..., — Элли, сжав кулаки, шагнула к негритянке, но тут раздался очередной хлопок и грудь девушки пронзила несильная боль. У Элли сразу же закружилась голова, в глазах потемнело и она повалилась на пол, теряя сознание.

Первое, что почувствовала Элли, просыпаясь — это боль в голове и невероятную слабость во всем теле. Во рту чувствовался мерзкий привкус крови. С трудом подняв тяжелые, словно налитые свинцом, веки Элли приподняла голову и увидела, что лежит на полу все в том же хэммондовском бунгало. Рядом с ней валялся без сознания Тим, связанный по рукам и ногам обрывками занавески. Дернувшись, девушка поняла, что такие же путы стягивают и ее руки и ноги. Она попыталась приподнять голову и невольно охнула от боли в затылке — видимо, она ударилась головой при падении.

— Что, очнулась? — над лежавшей девушкой стояла Мария. Элли с трудом узнала негритянку — костюм горничной та сменила на несуразное одеяние в черных и красных тонах. Красной была и косынка, стягивавшая черные волосы. С шеи свисало ожерелье из странных мелких бусин, в которых Элли с отвращением опознала человеческие зубы. Шею и руки Марии обвивала большая черная змея, лениво скользившая по ее груди.

— Лживая тварь! — выплюнула Элли, — мы же тебе поверили.

— Хэммонд тоже верил, — рассмеялась негритянка, — несколько лет я выполняла все прихоти старикашки, готовя и убирая за ним. Лишь этой ночью я могла, наконец, не притворяться.

— Что тебе не хватало? — спросила Элли, — денег? Или он тебя обидел.

— Белая дурочка, — презрительно усмехнулась Мария, — неужели я похожа на обиженку? Или на ту, кто будет торговаться из-за парочки паршивых долларов? В свое время, на берегу Тру-Каймана, я прошла посвящение Нзамби-Дамбалле. Все гады мира, все кто ползает и пресмыкается, подвластны Большому Змею — и с этого острова начнется возрождение его власти над миром. Хэммонд, сам того не зная, немало способствовал тому, но и ты и этот паршивец, — она презрительно пнула слабо застонавшего Тима, — внесете свой вклад в великое дело. Пусть и не желая того.

Элли не нашлась, что ответить, когда стукнула дверь и в бунгало вошли Джонни Конго, Генрих Куртмайер и еще несколько чернокожих верзил. Отталкивающие бородатые физиономии выдавали в них соплеменников Джонни.

— Это и есть ребята с твоего катера? — деловито спросила Мария.

— Да, — кивнул Джонни, — я привел всех, раз уж ты уверяешь, что тут уже нет живых.

— Нет, — Мария блеснула белыми зубами, — твои ребята перебили охранников на

полуострове, а здесь... поработали те, кто вырвался на волю, когда отключили электричество. Многие из них еще помнят язык, на котором говорил Большой Змей — и Егс именем я заключила союз с Возрожденными.

— Если ты такая могучая колдунья...

— Я мамбо, — поправила его Мария, — жрица вуду. Мне подвластны духи, которых на Гаити именуют дьябаами и лоа, а вы зовете морго.

— Пусть так, — нетерпеливо сказал Конго, — может, тогда духи помогут тебе излечить Джерми Киогу? Его цапнула какая-то тварь там на полуострове и теперь он очень плох.

Он посторонился, пропуская двоих мужчин, что несли на руках третьего. Выглядел он и впрямь неважно — кожа была серой, лоб покрывала испарина, он тяжело дышал. Мутный взгляд тупо блуждал по сторонам, явно не узнавая никого из соратников. Закатанная до колена штанина обнажала раздувшуюся, черно-красную ногу, на которой красовался полукруг из сочившихся кровью и гноем ран — следы зубов.

Мария присела рядом, внимательно осматривая раны, потом покачала головой.

— Эти яды я еще не успела изучить, — сказала она, — и не уверена, что получится. Проще убить, чтобы не мучился.

— Да я тоже так думаю, — хмуро кивнул Конго, — что же раз так...

Он потянулся к большому ножу, на поясе, но Мария перехватила его руку.

— Пусть его смерть будет не напрасной, — сказала она, — порадуем богов жертвой.

— Как?

— Сейчас увидишь. Пусть твои люди вынесут его наружу.

От Элли не укрылось, что террористы, включая самого Конго, суеверные, как и все африканцы, прониклись немалым почтением к жрице. Беспрекословно они вновь подхватили умирающего товарища и вынесли из бунгало.

— Белые пусть тоже смотрят, — сказала Мария. Джонни кивнул Генриху и тот, рывком подняв на ноги Элли, подтолкнул ее к двери. Другой террорист потащил Тима, уже пришедшего в себя и недоуменно вертевшего головой, не понимая, что происходит.

Пройдя узкой тропкой меж папоротников, они оказались на большой поляне. Посреди нее красовался пруд — куда меньше того, что рядом с бунгало, с живописным бортиком, украшенным причудливыми рисунками — еще одно наследие сгинувших хозяев острова. Повинуясь знаку Марии, чернокожие громилы аккуратно уложили умирающего товарища перед водоемом и отступили к зарослям. Мария же вскинула руки, забубнив какую-то тарабарщину, походившую на смесь французского со словами незнакомого языка. Змея на ее шее пришла в движение, извиваясь кольцами и издавая возбужденное шипение. И в ответ из пруда вдруг раздалось куда более громкое шипение и из воды поднялись огромные чешуйчатые кольца. Медленно на глазах изумленных людей появлялась исполинская змея — казавшееся бесконечным тело выползало из пруда, казавшегося особенно мелким рядом с этим чудовищем. Блестящая чешуя переливалась множеством оттенков серого и синего цветов, холодно мерцали зеленые глаза, пока раздвоенный язык мелькал, касаясь лежавшего человека. Тот, предчувствуя свою судьбу, забился в агонии, что-то закричав, но Мария, вскинув руки, издала шипящий клич — и треугольная голова ударила с быстротой молнии. Жуткие кольца разом оплели тело, огромная пасть сомкнулась на голове террориста, медленно заглатывая его.

— Тебе, о Отец Змей, — торжественно сказала Мария.

— Змеи, вроде такой ползали по земле, тогда же, когда и остальные твари на этом

Острове, — рассказывала негритянка, когда они возвращались к бунгалю — точнее не на земле, а в море. Доктор Ву как-то хвастался Хэммонду, что этих змей знают только по нескольким позвонкам, но этого оказалось достаточно, чтобы вернуть их к жизни.

— Если эта морская тварь, — спросил Джонни, — почему она обитает в этой луже, а не в озере или хотя бы в том пруду, что рядом с бунгалю Хэммонда?

— Эту змею считали слишком опасной для Парка, — пояснила Мария, — поэтому ее держали в подземном бассейне в глубине горы. Скоро она уберется в море — что ей это озеро или пруд возле бунгалю. В нем, кстати, я уговорила поселиться кое-кого посерьезнее этого змея. И он тоже жаждет жертв.

— И кто ею будет? — нарочито спокойно спросил Генрих.

— Не бойся, белый воин, — рассмеялась Мария, — уж точно не ты. Вот этот мальчик, — она мимоходом взъерошила волосы Тима, — мне нравится куда больше.

— Забирай, — равнодушно произнес Конго, — мне он больше не нужен. А что до этой сучки...

— Это твоя добыча, — усмехнулась Мария, — и только твоя жертва. Когда, с вершины Горы-Черепя, ты отдашь ее сильнейшему из чудовищ острова — здешние боги признают твоё владычество над Тангораком.

— И кто же тут сильнейший? — спросил Конго.

— Духи говорят, что ты поймешь это, только когда взойдешь на гору.

Элли, похолодев от ужаса, посмотрела на Тима, чье лицо казалось белым пятном на котором бегали испуганные глаза. Надежды не было — обоим предстояло стать пищей для здешних чудовищ во исполнение какого-то мерзкого ритуала.

Меж тем Мария отвела террористов к серому зданию, похожему на дот, затерявшемуся в зарослях папоротников.

— Я однажды подслушала разговор Хэммонда с Шоном Кортни, — сказала она, — они говорили, что здесь хранится какое-то оружие.

— Было бы неплохо, — заметил Джонни, примериваясь к двери. На ней висел массивный замок, который террорист сбил ударом приклада. Дверь, жалобно скрипнув, распахнулась. Джонни, оставив ее открытой, чтобы внутрь проникал солнечный свет, спустился по бетонным ступенькам вместе с Генрихом. В помещении оказалось множество противогазов в пластиковых мешках, висевших на стене. Еще больше внимания привлекли несколько стеклянных кубов высотой в два фута, закрытых металлическими крышками. Внутри Джонни различил некие темные маленькие шарики.

— Что это? — он обернулся к Генриху. Немец снял крышку со стеклянного куба и вынул один шар. Поднес к свету и озабоченно наморщил лоб.

— Будь я проклят...

— Что это такое?

— «МОРО-12», — сказал Генрих. — Нервно-паралитический газ. Это гранаты. Куча гранат.

— Отлично — хищно улыбнулся Джонни. Сняв крышку, он достал несколько гранат, распихивая их по карманам. Его примеру последовал Генрих. Другого оружия здесь не оказалось и Джонни уже собирался выходить, когда снаружи послышалось вопли — и вслед за ними рычание и громкое шипение. Конго выбежал на улицу — и увидел своих людей, прижавшихся к стене. На них, злобно шипя, из зарослей выходили двуногие ящеры, хищно скалившие зубастые пасти. Вдоль хребта у тварей тянулись зеленые и синие перья, а на

голове самого большого монстра красовался фиолетовый султан.

— Не стрелять, — крикнул Джонни, увидев, что его люди уже схватились за оружие, — у нас слишком мало патронов. Всем в сторону!

Он выхватил из кармана гранату и в тот же миг, ящер с фиолетовыми перьями, издав громкое шипение, припал к земле. Но прыгнуть не успел — брошенная граната с шумом разорвалась на морде чудовища, испустив струи желтоватого газа. Генрих следом бросил еще пару гранат. Тварь, как подкошенная, рухнула на землю, пока остальные ящеры, испуганные разрывами гранат и мерзким запахом, кинулись обратно в заросли.

— Готов? — спросил Джонни, отступив на несколько шагов, ожидая пока газ рассеется.

— Нет, — покачал головой Генрих, — скорей всего временно парализована. Что это за тварь?

Джонни вопросительно посмотрел на Элли, но та презрительно отвернулась.

— Я помню, как Шон рассказывал о них, — подала голос Мария, — их называют велоцирапторами. Кортни считал чуть ли не самыми опасными во всем Парке.

— Рапторы, — вспомнил Джонни, — твари, о которых рассказывал Грант. Это они убили Сару.

Он встал над чудовищем, что лежало в пыли, конвульсивно подергивая лапами.

— Ну и мерзкий же выродок.

— Это самка, — сказала Мария, — я помню, как Ву говорил, что все твари здесь — самки. Эта, наверное, у них за главную в стае.

— Вот как, — полные губы Джонни раздвинула глумливая улыбка, — что же, самое время, преподать этим гадинам кой-какие африканские уроки.

Он шагнул вперед, на ходу расстегивая штаны. Генрих поморщился — к иным обычаям африканских «борцов за свободу» он так и не привык, хотя не раз видел, как Джонни проделывал это с пойманными самками крокодилов. По иным из тамошних суеверий, это усиливало потенцию и приносило удачу. Бойцы Джонни тоже верили в это — в том числе и такими вещами Конго добился почти сверхъестественного почитания у своих людей. Тим и Элли смотрели же на это с недоумением, перераставшим в отвращение по мере того, как они начали осознавать, что именно собрался делать Джонни.

— Если этот остров населен одними самками, — сказал Джонни, — значит, им давно не хватало настоящего мужчины. Я покажу, кто теперь тут хозяин.

Собрав все силы, он рывком перевернул рапторшу на спину. С беспомощно задранными ногами, она, несмотря на свои жуткие когти, выглядела уже не так страшно — Тиму пришла нелепая аналогия с курицей на обеденном столе. Джонни, опустившись на колени, с трудом развел могучие лапы. То, что перед ним лежала не женщина, похоже, совсем не смущало черного великана — его впечатляющее мужское достоинство уже пребывало в полной боевой готовности. Придавив коленом слабо извивающийся хвост, Джонни развел пальцами кожистые складки и вошел в раскрывшуюся перед ним розовую щель. С утробным рыком он совершал поступательные движения, держась за когтистые лапы и вонзая свой член в тесное, чавкающее от влаги отверстие. Конго видел, как скользят в зарослях темные тени, но выйти не решаются. И правильно — пусть эти кровожадные суки знают, кто тут главный. Джонни уже не осознавал себя, как человека, чувствуя как стремительно размывается та зыбкая грань, что отделяла его от животного мира. Зверь, торжествующий зверь, сорвавший с себя наносной налет цивилизации, вступал в свои права на владычество над островом. Эта мысль возбудила Джонни еще сильнее, он задвигался еще быстрее, пока не почувствовал, как его

плоть пульсирует, выплескивая в недра ящера потоки спермы.

Кончив, Джонни сорвал с пояса широкий нож и, наклонившись вперед, перерезал горло так и не пришедшему в себя раптору. Медленно он поднялся на ноги, обводя надменным взглядом, благоговейно озиравших его террористов. Не торопясь, боевик заправил член в штаны, поставил ногу на тушу твари и с силой ударил себя в грудь.

— У Тангороака теперь есть король, — проревел он, — король Конго!

— Да здравствует король! — эхом откликнулась Мария и ее слова повторили остальные террористы — даже Генрих кричал славу Джонни Конго. В то время, как Элли с Тимом обреченно гадали, сколько еще кровавых мерзостей им предстоит еще увидеть и главное — испытать на себе, прежде чем их настигнет какая-нибудь ужасная смерть?

Малькольм медленно приходил в себя. Он лежал на чем-то твердом, его руки по бокам стягивали широкие ремни. Вокруг царил мрак, в котором перемигивались россыпи разноцветных огоньков. Где-то рядом слышалось гудение механизма. В затхлом спертom воздухе чувствовался запах пластика и еще чего-то напоминающего мускус. Впрочем, пахло и от самого математика — вывернув голову, он понюхал рукав своего свитера — от него несло плесенью и сырой землей.

— Эй! — крикнул Ян в темноту, — есть тут кто-нибудь?

Ответа не последовало — во тьме лишь только что-то негромко прощуршало, потом звякнуло, словно переставляя некий металлический предмет. На миг мерцающие огоньки погасли и Малькольм понял, что их заслонило чье-то тело. Вновь послышался шорох и огоньки замелькали вновь, однако Ян сразу понял, что тот, кто прошелся рядом с ним никуда не исчез — просто перебрался в дальний угол, продолжая наблюдать за пленником. Почему-то Малькольм был уверен, что здешний хозяин видит его и в темноте.

— Если бы вы хотели меня убить, то уже бы сделали это, — логично заключил математик, — значит вам что-то от меня нужно. Что?

Показалось или во тьме и вправду прозвучал некий шипящий смешок?

Малькольм попытался вспомнить, что с ним случилось. После того, как Сара вышла навстречу рапторам, он почти не сомневался в ее судьбе — и догадки математика вскоре подтвердились звуками, что донеслись до него снаружи. Сам Малькольм, готовясь к тому, что будет следующим, уже собирался пустить пулю в голову, как только в храм сунутся убившие Сару твари. Сделать это сразу помешала малодушная надежда, что чудовища удовлетворятся одной женщиной и не станут лезть в храм. И, вроде как, эта надежда оправдывалась — в проеме так никто и не появился, даже пугающие звуки мало-помалу затихли. Несколько обнадеженный этим, Малькольм встал с возвышения и, опираясь на автомат, как на костыль, прохромал к выходу. Слишком поздно он уловил некое движение возле черного колодца у стены. Увидеть новую угрозу Малькольм уже не успел — к его лицу сразу прижалась влажная ткань, пахнувшая чем-то нестерпимо вонючим. У математика сразу закружилась голова и он потерял сознание. Видимо, за время беспмятства неизвестный похититель и доставил его сюда.

— Эта молчанка начинает надоедать, — вновь обратился в темноту Малькольм, — говорите, что вам нужно или убейте — отпустить меня ведь вы все равно не будете.

— На вашем месте я бы не спешил на волю, — раздался из темноты смутно знакомый голос, — вы сейчас в самом безопасном месте на острове. И вы правы — если бы я хотел вас убить, то сделал бы это еще наверху.

— Наверху? — Малькольм, изо всех сил напрягая зрение, все же различил в темноте чей-то силуэт, — мы что, под землей?

— И довольно глубоко, — послышался шелестящий смешок. Что-то негромко щелкнуло и Малькольм невольно зажмурился от загоревшегося над потолком света. Прищурившись, математик осмотрел свое узилище. Он находился в небольшой комнате, чуть ли не половину которой занимала разная машинерия — вроде командного центра там, наверху, разве что куда меньше. Прямо перед Малькольмом светился голубым цветом огромный экран, над которым тянулось множество проводов.

Рядом с экраном, на небольшом стульчике, приютился высокий старик с козлиной бородкой и черными выпуклыми глазами. Странно искореженную фигуру скрывал белый халат, а макушку венчал высокий черный цилиндр.

— Доктор Шарьер?! — изумленно выдохнул Малькольм.

— Рад вас видеть, доктор Малькольм, — ученый оскалил острые зубы в приветственной ухмылке, — уверен, что вы не предполагали встречи при таких обстоятельствах, но, еще раз заверяю вас — это самое безопасное место в Парке.

— Рад слышать, — саркастически ответил Малькольм, — правда, вот это все, — он кивнул на связанные руки, — слабо ассоциируются с безопасностью.

— А зря, — Шарьер вновь усмехнулся, — это помешает вам наделать глупостей.

— Какая трогательная забота, — пробурчал Малькольм, — так где же я? В секретном бункере Джона Хэммонда?

— Хэммонд никогда не знал об этом месте, — покачал головой Шарьер, — я и сам узнал о нем непосредственно перед отправкой на остров.

— Узнали? От кого?

— От Даррена Пенворда, разумеется, — ответил доктор.

— Это тот самый лорд? — припомнил Малькольм, — что владел островом до Хэммонда?

— Он самый, — кивнул Шарьер, — мы давние знакомцы. Эти подземелья, правда, не его рук дело — обычные природные пещеры, что пронизывают основание Горы Черепа, словно огромный сыр. Их обнаружили еще предки Пенворда, а его дед оборудовал именно эту пещеру — прорубил шахту лифта, провел электричество с автономным генератором. Тогда как раз шла война и он готовил убежище на случай японского вторжения.

— В те времена не было компьютеров, — заметил Малькольм, — и много чего еще, чем вы тут обзавелись. Я не большой знаток техники, но даже мне понятно, что ваша аппаратура — самая современная. Тайком утащили у Хэммонда?

— Он даже не заметил, — не стал отрицать Шарьер, — нужно отдать старику должное — он был скуповат, но на то, чтобы приблизить свою мечту, денег не жалел — в том числе и на аппаратуру. Ну и нашлись люди из тех, что работали еще на Пенворда, — они помогли мне тайком перенести все сюда и наладить как надо.

— Похоже, старик Хэммонд напрасно считает остров своим, — медленно произнес Малькольм и вдруг понял, — погодите, вы сказали «был»?!

— Он мертв, — уродливая личина Шарьера исказилась в гримасе, которую лишь с большой натяжкой можно счесть за скорбную, — он слишком несерьезно отнесся к существам, возвращенным им из небытия. Расплата оказалась жестокой.

— Могу представить, — передернул плечами Малькольм, — так, значит, Пенворд намерен прибрать остров к рукам? Вы работаете на него?

— Я бы сказал, что у нас взаимовыгодное сотрудничество, — осклабился Шарьер, — но в чем-то вы правы. У Пенворда грандиозные замыслы и этот остров лишь первый шаг на пути их претворения в жизнь. В моих интересах эти замыслы поддержать.

— А Хэммонд, значит, стал для вас «полезным идиотом», — пробормотал Малькольм, — со своими деньгами и своей жадностью. Так значит все, что здесь случилось с момента нашего появления на острове шло по вашему плану?

— Не совсем, — качнул головой Шарьер, — отключение света, например, мы не организовывали — до сих пор не пойму в чем дело? Да и убийство охранников террористами

мы не предвидели — а ведь среди них имелись люди Пенворда.

— Вы ничем не лучше Хэммонда или Джонни Конго, — презрительно покривил губы Малькольм, — тоже сочли, что у вас все под контролем и в итоге все пошло наперекосяк. Умные планы — лучшая закуска для Хаоса.

— Я помню, что вы считаете себя большим знатоком Хаоса, — иронически покривил губы Шарьер, — я читал ваши работы и, признаюсь, они произвели на меня впечатление. Хотя, откровенно говоря, при всех ваших заслугах, Ян, до Уолтера Джиллмена вам далеко.

— Кого? — недоуменно вскинул брови Малькольм.

— В некотором роде он ваш предшественник, — пояснил Шарьер, — молодой математик из Аркхэмского университета. Джиллмен, в отличие от вас, прекрасно понимал, что Хаос — это не математическая модель и не простая абстракция, но сама основа, живая ткань мироздания. Джиллмен, как и я читал книги, которые такие как вы обычно считают недостойными внимания: «Некрономикон» Абдула Альхазреда, отрывках «Книги Эйбона» и «Сокровенных культов» фон Юнцта. Изучая неэвклидову геометрию и квантовую физику, параллельно Джиллмен искал черты многомерной реальности в тумане готических легенд и старых сказок, что шепотом рассказывали темными вечерами у каминов в Новой Англии колониальной эпохи. Неясных намеков и беглых упоминаний оказалось достаточно для сопоставления их с абстрактными математическими формулами, что абсолютно по-новому освещало свойства вселенной и взаимодействие известных и неведомых человеку измерений пространства. Полученное знание наделило Джиллмена способностью проникать в такие глубины математики, каких не достигал умственный взор столь выдающихся его современников как Планк, Гейзенберг, Эйнштейн и Де Ситтер. Правда, переход от теории к практике для Уолтера кончился... весьма печально, но мы с вами не повторим этой ошибки.

— Мы? — переспросил Малькольм, недоуменно слушавший доктора, — вы спятили, Шарьер? Какое отношение я могу иметь к этому мумбо-юмбо?

— Не скромничайте Ян, — Шарьер вновь издал шипящий смех, — я же говорил, что читал ваши работы — поверьте, вы двигались тем же путем, что и Джиллмен. Я даже сделал кое-какие выписки одной из ваших статей.

Шарьер взял со столика стопку листов, с двух сторон исписанных аккуратным каллиграфическим почерком и, прокашлявшись, начал читать:

«Мало, кто представляет, насколько жизнь невероятно сложна. Одна-единственная бактерия — первичная форма жизни — имеет две тысячи энзимов, или ферментов-катализаторов. Ученые подсчитали, сколько времени потребуется, чтобы число случайных совпадений выделить эти энзимы из первичного бульона. От сорока до ста миллиардов лет. Но ведь наша Земля существует всего четыре миллиарда лет. Жизнь возникла быстро, очень быстро. Если вы верите в теорию эволюции, то вся восхитительная сложность жизни — не что иное, как набор случайных событий. Но стоит внимательней присмотреться к животным, и окажется, что многие элементы эволюционировали одновременно. Возьмем летучих мышей, обладающих эхолокацией, они ориентируются по звуку. Чтобы выделять такое, должно было измениться очень многое. У мышей обязан был развиться особый аппарат для производства звуков, особые уши, чтобы слышать эхо, особые мозги, чтобы интерпретировать звуки, и особые тела, чтобы нырять, взлетать и ловить насекомых. Если все это не эволюционирует одновременно, толку никакого. Посчитать, что все это возникло чисто случайно, все равно что вообразить торнадо, который разломал дом и выстроил из обломков работоспособный

«Боинг-747». Потом, эволюция никогда не действует как слепая стихия. Некоторые экологические ниши остаются незаполненными. И некоторые животные почти не изменяются. Акулы не эволюционировали уже сто шестьдесят миллионов лет. Окружение этих животных претерпело разительные перемены, а сами они остались практически прежними, никак не реагируя на изменения окружающей среды. Может, они до сих пор хорошо приспособлены к ней. А может, существует еще что-то, чего мы пока не понимаем. Какие-то другие законы, влияющие на результат.»

— Ну и зачем вы мне это зачитали? — поморщился Малькольм, — я прекрасно помню эту статью и что с того? Она никогда не подразумевала, что эволюция это кем-то управляемый процесс или чего-то в этом роде?

— Я же и говорю, — подхватил Шарьер, — должного понимания вы еще не достигли, в отличие от Джиллмена или меня. Я, правда, пришел к пониманию не через математику, а биологию — результатом чего, в частности, и стало появление этого Парка. Генри Ву, конечно, думал, что все получилось, потому, что он такой гениальный генетик, но на самом деле мое участие было куда шире, чем он или Хэммонд могли помыслить. Теперь мы переходим к новому этапу — и вот тут мне нужен уже не биолог, но математик.

— О чем это вы? — подозрительно спросил Малькольм.

Шарьер достал еще один листок, на этот раз, исписанный не буквами, а цифрами и множеством иных математических знаков.

— Джиллмен оставил наследство, — сказал он, — вот эти уравнения. Я не математик и не знаю, как их решить — но вы, наверняка, сможете. За этим я и пригласил вас сюда.

— Вы хотите, чтобы я решал вам уравнения, — Малькольм не удержался от нервного смейка от всей нелепости ситуации, — а если я не захочу?

— Это меня очень опечалит, — произнес Шарьер, — хотя бы потому, что тогда с вами буду работать уже не я, а кое кто другой.

Он замолчал, переведя взгляд на что-то позади Малькольма и тот, почуяв подвох, вывернул голову и тут же отшатнулся, встретив взгляд немигающих желтых глаз. Тварь, что, оказывается, все это время стояла в углу, не привлекая внимания, не спеша выходила на свет и математик невольно задергался, отодвигаясь подальше. Вслед за первой тварью из мрака появились и другие создания. Они напоминали людей, но очень маленьких — самый высокий, как прикинул Малькольм, был бы ему по грудь. Приземистые и коренастые, с длинными когтистыми лапами, эти существа походили на обезьян, но почти безволосых — короткая шерсть обрамляла только безобразные морды с приплюснутым носом и отвислыми губами, обнажавшими желтые клыки. Белесую кожу покрывали темные пятна, как у змеи или жабы.

— Вы же не думаете, что я самолично доставил вас сюда? — сказал Шарьер, — эта комната — лишь малая часть огромных пещер, раскинувшихся под этой частью острова. И населяют их вот эти милейшие создания.

— Кто это?

— Соратники покойной Сары Хардинг думали, что их предки истребили местных жителей, — усмехнулся Шарьер, — но они ошибались. Когда аборигены Тангорака строили свои храмы, то заодно они создали и сеть подземных катакомб, уходящих как раз в эти пещеры. Сюда они и ушли: не в силах противостоять захватчикам наверху, они продолжили борьбу здесь. Под землей, как вы видите, они сильно изменились, но при этом ничего не забыли. Не одна жуткая история в легендах тангораков связана со смертью приходящей из-

под земли. О том же, что эти ребята творили с предками Джонни Конго вам лучше не знать — недаром эти самые предки прозвали подземных жителей «морго». Но мне с ними удалось договориться — ведь я знаю их богов. И, если я скажу им применить к вам ИХ методы убеждения...

Нависшая над Малькольмом жуткая тварь протяжно зевнула, звучно щелкнув острыми клыками. Математик затравленно взглянул на подземное отродье, потом перевел взгляд на Шарьера и молча кивнул. Тот обрадованно осклабился и, подойдя к Яну, освободил ему руки. Рядом он положил листок с уравнениями и несколько чистых листов, а также шариковую ручку. Ян хмуро посмотрел на обступивших его тварей и, взяв ручку, нагнулся над уравнениями. Привычное занятие неожиданно захватило его — хоть так отвлечься от окружающего кошмара. Энтузиазм ученого вытеснил все остальные чувства — в азарте он выводил на бумаге все новые буквы, цифры и прочие символы, ругаясь сквозь зубы, когда вычисления заходили в тупик. Однако Малькольм не сдавался, снова и снова выписывая столбцы и шеренги цифр, в конце концов, приходя к верному решению.

Он не знал, сколько прошло времени, прежде на последнем листке выстроилась две строчки сплошных цифр и знаков. Шарьер, сразу поняв, что дело сделано, быстро выхватил лист из рук Малькольма.

— Просто отлично, доктор Малькольм, — Шарьер вновь оскалил острые зубы, — осталось только перенести это в компьютер.

— Это уже не ко мне, — покачал головой математик.

— Я знаю, — кивнул Шарьер, — ничего, у меня есть немало глаз и ушей, там, наверху. Они сообщили мне кое-что интересное про нашего толстого друга — он оказался более живучим, чем я мог предположить. Скоро ему представится возможность вновь заняться своим любимым делом.

Тангоракская резня

Несмотря на смертельную опасность Дженни не смогла удержаться от удивленного возгласа при виде возникшего в дверях существа. Невысокое, в сравнении с остальными здешними чудовищами, — его голова едва достала бы до груди Дженни, — больше всего оно напоминало диковинную помесь вороны и крокодила. Стройное тело покрывали плотные черные перья, — лишь сильные ноги с ужасными когтями, ниже колен усеивали серые чешуйки. Пернатым было и само тело и длинный хвост, где из перьев выступали зубцы гребня. А длинные передние лапы Дженни поначалу и вовсе приняла за крылья и лишь потом увидела на сгибах конечностей крючковидные когти. Чудовище открыло пасть, блеснув острыми зубами.

— Это всего лишь крысы.

— Мистер Хэммонд будет недоволен, — послышался голос за спиной Дженни и та, обернувшись, увидела еще трех подобных чудовищ. Холодные, совсем не птичьи, глаза с вертикальными зрачками, плотоядно рассматривали двух людей. Окрас их перьев отличался от первой твари — у двух тварей оперение было серо-черным, как у ворон, у третьей — бело-черным, как у сороки.

Дженни, конечно, не знала о многих экспериментах ведущихся в Парке, как, впрочем, и Недри. О выведении этих тварей знал только узкий круг людей, посвященных в самые сокровенные тайны проекта «Парк Динозавров». Подобно мастодонзавру эти существа представляли собой причудливую генетическую химеру: пробелы в ДНК ютарапора, родственного велоцирапторам вида динозавров, восполнили генным материалом врановых птиц, — ворон, галок, сорок, — а также кубинского крокодила.

Выведенная тварь получилась заметно меньше исходного прототипа, но недостаток роста возмещала агрессивностью и сообразительностью, полученной, как предполагал Ву, от известных смышленостью птиц. Вскоре выяснилось, что эти создания, как и рапторы, охотятся стаями, ловко открывают разные засовы, а главное — изошренно имитируют человеческий голос. Более того, оказалось, что пернатые ящеры достаточно смышлены, чтобы подобным подражанием вводить в заблуждение и людей. После нескольких несчастных случаев, Шон потребовал истребить весь выводок, однако Ву и Шарьер категорически воспротивились. Хэммонд принял половинчатое решение: твари, получившие название «вранорапторов», остались живы, но были помещены в отдельный вольер под усиленное наблюдение. Там они и пребывали, пока отключение света, уничтожив все системы охраны, позволило вранорапторам вырваться на волю.

Эти твари, конечно же, не знали, что своей свободой они обязаны одному из стоявших перед ними людей. Не рассчитывал на их благодарность и сам Недри: с неожиданным проворством, он метнулся к машине, что стояла с раскрытой дверью и тут же захлопнул ее за собой. Забившись на заднее сиденье, Деннис трясся от ужаса, широко распахнутыми глазами смотря на пернатых чудовищ.

— Недри!!! — заорала Дженни, — подонок, открой дверь!!!

Краем глаза она увидела, как взметнулась в воздух черная тень и, уже не тратя лишних слов, рухнула на пол, откатываясь под машину. В следующий миг вранораптор, промахнувшийся в прыжке, с шумом грохнулся об джип. Спрыгнув на пол, он просунул под машину оскаленную морду. Изловчившись, Дженни пнула его по носу и ящер, отпрянул с

рассерженным шипением. В следующий момент тварь уже просунула под капот когтистую лапу, пытаясь выцарапать верткую добычу. Дженни, увернувшись от острых когтей, проворно выползла с другой стороны, оказавшись на полу между двумя джипами. Тут же сзади и спереди послышалось злобное шипение и Дженни едва успела заползти под второй автомобиль. В следующий миг две твари столкнулись в воздухе, одновременно прыгнув на добычу. Пока оба ящера, злобно шипя, выясняли отношения, Дженни выскочила из-под машины, метнувшись к двери. Но, когда ей оставалось шагов пять, откуда-то сверху спрыгнул еще один вранораптор. Хохолок перьев на уродливой голове возбужденно встопорщился, и тварь, издав звук, напоминающий воронье карканье, метнулась к Дженни. В отчаянии, девушка ухватила первое, что попало ей под руку и швырнула в пернатое чудовище. Увесистый предмет оказался металлической банкой: неплотно державшаяся крышка слетела и красно-коричневая краска вылилась на голову вранораптора. Фыркая и отплевываясь, тот отпрянул, пытаясь когтистой лапой протереть едкую массу, залепившую глаза. Сослепу он налетел на небольшой шкафчик, с одной из полок которого Дженни и ухватила банку с краской. Шкаф с грохотом обрушился на беснующегося ящера и тот забился еще сильнее, разбрасывая по полу вывалившиеся предметы. Один из них оказался у ног Дженни и та, не веря своей удаче, мигом ухватила неожиданный шанс на спасение.

Этим шансом оказалась бензопила.

Вранораптор, кое-как выбравшись из-под шкафа и, продрвав глаза, вновь повернулся к Дженни. Роскошные перья на голове слиплись в уродливый коричневый колтун, глаза воспалились, на морде красовались царапины от острых когтей. Из пасти вырвалось очередное карканье и, распушив перья, ящер кинулся на Дженни. Но уже взвизгнул мотор и Дженни, уже сама шагнув навстречу, врезалась вращавшимся лезвием в оскаленную пасть. Истошный вопль захлебнулся металлическим визгом, тварь забилась так, что Дженни чуть не выронила пилу из рук, но, сжав зубы, продолжала кромсать плоть и кости чудовища. Алыми фонтанами била кровь, в воздухе разлетались перья и пух, мигом облепившие Дженни. Из разрезанного почти пополам туловища на пол вывалились внутренности и в тот же миг Дженни, интуитивно почувствовав опасность, развернулась — как раз, чтобы встретить еще одну тварь, прыгнувшую с джипа. Снова взвизгнула бензопила, отрезая лапу динозавру и тот рухнул на пол, хлеща кровью и истошно вереща.

— Всего лишь крысы! Крысы!!! Мистер Хэммонд будет очень недоволен!!!

Чувствуя себя попавшей в некий сюрреалистичный кошмар, Дженни, увернувшись от беспорядочно мельтешивших когтей, с силой опустила вращающееся лезвие на шею чудовища. Новый фонтан крови ударил ей прямо в лицо, в воздух взлетела очередное облако перьев и клацавшая зубами голова отлетела под машину, пока безголовое тело продолжало биться в агонии. Дженни, опустив пилу, устало стерла с лица кровь, когда до нее донеслось грозное рычание и знакомые испуганные вопли.

Недри, забившись в машине, оказался в западне между вранорапторами, запрыгивавшими на джип с двух сторон. Деннис попытался пролезть на переднее сидение и завести машину, но к своему ужасу увидел, что бензобак пуст. В следующий миг вранораптор, разбежавшись, запрыгнул на капот, всем весом обрушившись на лобовое стекло. Осколки брызнули во все стороны, но и сам ящер, порезавшись стеклом, на миг отпрянул. Недри шустро вновь переполз на заднее сиденье, скуля от страха и забившись как можно дальше от хищной пасти. Тут же послышался удар сбоку и уже боковое стекло разбилось, пропуская жуткую морду. Острые зубы клацнули впустую — Недри сумел

увернуться, спешно нащупывая ручку двери — как назло заклинившей. Тварь, уже собиралась повторить попытку, когда за спиной чудовища раздался механический визг и динозавр, истошно заверещав, забился в конвульсиях. Поток крови вырвался из оскаленной пасти, мигом залил Недри с ног до головы. Но тут, наконец, подалась проклятая дверь и Недри кубарем вывалился из машины. Вскочив на ноги, он увидел, что ящер, атаковавший машину спереди, со всех ног улепetyвает, тогда как его сородич, перед смертью все же залезший машину, сейчас испускал дух, перерезанный почти пополам.

— Каждый раз, когда я думаю, что большим ублюдком быть невозможно, — послышался знакомый голос, — ты все равно умудряешься меня удивить.

Ошеломленный Недри смотрел, как из-за машины выходит Дженни — с ног до головы залитая кровью, к прилипшими к ней перьями. В руках она держала искореженную бензопилу, с застрявшими на зубьях перьями и лохмотьями мяса.

— Значит, получается, у нас две дороги, — уже позже говорила Дженни.

Девушка сидела на переднем сиденье джипа, закинув ноги на бардачок и внимательно изучая заляпанную кровью карту. В руке она держала вскрытую банку с пивом, обнаруженную среди личных вещей погибших работников. Там же нашелся и нетронутый пакет с чипсами, которыми и хрустела Дженни, запивая пивом.

— Одна дорога идет к озеру и потом вдоль берега, — рассуждала вслух девушка, водя пальцем по карте, — а вторая, как я понимаю, к гостинице. Через пару километров будет главная аллея — вы там проезжали вчера на экскурсию?

— Да, там, — подобострастно кивнул сидевший рядом Недри. Выглядел толстяк неважно: с расквашенным носом и огромным фингалом под глазом. Когда опасность миновала, Дженни припомнила толстяку очередное малодушие. Деннис и не думал сопротивляться, считая, что легко отделался. Рассматривая залитый кровью гараж, устланный черными перьями и заваленный изуродованными телами вранорапторов, программист не без оснований опасался, что этот Бубба Сойер в женском обличье пустит на фарш его самого.

Закончив рассматривать карту, девушка засунула ее в бардачок и завела машину.

— Ты ведь залил полный бак? — Дженни строго посмотрела на Недри и тот подобострастно закивал. Довольно хмыкнув, Дженни выехала из гаража на дорогу, ведущую к аллее. С одной стороны тянулась ограда, замаскированная лианами и иными ползучими растениями, с другой — заросли декоративных кустов и деревьев.

Знакомый рев ударил по ушам словно раскат грома и из чащи вынырнула знакомая темно-красная туша. Острые когти и зубы проскрежетали по ограде, когда Дженни крутанула руль, разворачивая едва не опрокинувшийся джип. К счастью, первый удар забор выдержал — это позволило им развернуться и даже успеть отъехать на несколько футов, прежде чем секция ограждения оказалась вынесена еще более мощным ударом. Тираннозавр выпрыгнул на дорогу, устремившись за джипом.

— Это тот, одноглазый, — сказала Дженни, кинув взгляд в зеркало дальнего обзора, — как думаешь, с какой скоростью они бегают?

Недри не ответил: с расширенными от ужаса глазами он смотрел на дорогу. Дженни бросила на него презрительный взгляд и прибавила скорости. Вскоре отставший тираннозавр скрылся за поворотом, хотя его грозный рык еще доносился до людей.

— Значит, поедem к озеру, — сказала Дженни, одной рукой держа руль, а второй доставая карту, — зачем-то же туда построили дорогу, что-то там должно быть, какой-то

персонал? Не могли же эти твари сожрать вообще всех?

— Тварей тут много, — обреченно произнес Недри, — хватит на всех.

Дженни, хмыкнув, вырулила на очередной поворот. Справа от нее теперь простерлась ровная гладь озера, над берегом которого и шла дорога, постепенно уходя в гору. Слева же высились разлапистые ели с темно-зелеными иголками. Сколько не тщила Дженни, ей не удавалось различить ни малейшего просвета в этой чаще.

Дорога неожиданно кончилась — машина въехала на небольшую площадку, огороженную невысокой оградой. Над ней возносилась к небесам Гора-Череп, а с нее, прямо в озеро, с шумом падал большой водопад.

— И это все? — Дженни приглушила мотор и вышла наружу, — что это вообще такое?

— Кажется, я видел это место в планах Парка, — сказал Недри, неуклюже выползая вслед за девушкой, — Хэммонд собирался устроить здесь ресторан под открытым небом или что-то в этом роде.

— Зачем карабкаться на гору, чтобы устроить ресторан? — недоуменно спросила Дженни.

— Вид красивый — пожал плечами Недри.

Оглядевшись, Дженни не могла не признать правоту спутника: хвойный лес, оставленный позади, ровная гладь озера, окруженного живописными горными склонами, наконец, сам водопад. Самое место, чтобы расслабиться после полной впечатлений экскурсии.

— Красиво, верно, — хмыкнула Дженни, — но где, черт бы их побрал, все люди...

Недри не успел ответить: снизу раздался громкий рев, закачались верхушки деревьев и меж хвойных веток просунулась отвратительная морда тираннозавра. Завидев людей, монстр взревел еще громче и ринулся вперед, ломая и выворачивая с корнем ели.

— Черт!!! — Дженни затравленно огляделась. В лесу они скрыться не успеют — чудовище легко поймает их там. На гору тоже не влезть, прыгать в озеро еще опаснее. Разве что...

— Быстро, — толкнула она в бок оцепеневшего от ужаса Недри, — к водопаду.

Девушка вовремя заметила узкую тропку, жмущуюся к отвесному горному склону, ведя прямо грозно ревущему потоку. Дженни успела подумать, зачем строители проложили столь небезопасный путь, однако тут же выкинула эти мысли из головы — рев тираннозавра слышался совсем рядом. Перепуганный Недри, без лишних понуканий пробежал по скользкой тропке и исчез за завесой водопада. Следом за ним вбежала и Дженни, оказавшись в небольшой пещере, влажной от брызг. По стенам ее журчали ручейки. У дальней стены высился, вырубленный прямо в камне, огромный идол, деливший пещеру почти пополам. Больше всего он напоминал усевшуюся на корточки жабу с перепончатыми лапами, сложенными на большом животе, над которым нависали столь же огромные женские груди.

— Это еще что такое? — недоуменно спросила Дженни. Толстяк не успел ответить: через водопад с ревом просунулась голова тираннозавра. Недри в ужасе замахав руками, метнулся в самый дальний угол пещеры. Дженни не успела проскочить за ним — жуткая пасть распахнулась прямо перед ней и Дженни ничего не оставалось, как отпрянуть в угол по другую сторону идола, вжимаясь в холодный мокрый камень. Голова чудовища покачалась и исчезла, но Дженни видела ее тень на завесе водопада.

— Недри! — крикнула девушка, — ты жив?

Вместо ответа сквозь завесу с рычанием просунулись гигантские челюсти, между которыми, подергиваясь, показывался толстый язык. Дженни забила в небольшую нишу между стеной и огромным идолом. Отойти было некуда и челюсти ящера щелкали всего в паре футов от девушки. Но и монстр не мог просунуть морду дальше, он лишь грозно ревел, обдавая Дженни брызгами пенистой слюны. Из разверстой пасти несло нестерпимым смрадом тухлого мяса.

— Пошел вон, урод! — в отчаянии выкрикнула Дженни.

Челюсти раздвинулись и показался змееподобный толстый язык. Он был иссиня-черный и слегка раздваивался на конце, длиной не меньше трех футов, так что ящер без труда доставал им до стены. Язык с легким шорохом ощупывал пещеру, влажно шлепая по всем неровностям камня, словно пробуя его на вкус. Мышцы, изгибавшие язык, сокращались, и он был похож на слоновий хобот. Язык исследовал всю пещеру, пока не коснулся ноги девушки. Тут же он свернулся кольцом и, словно змея, стал ползти вверх, пытаясь обвить ногу и подтянуть ее к разинутой пасти.

— Черта с два! — прошипела Дженни, еще сильнее вжимаясь в камень. Внезапно ее спина ощутила пустоту — оказывается между стеной и спиной идола имелась небольшая ниша, не замеченная ею раньше. Дженни забила туда, но и длинный язык просунулся за ней, шлепая по стенам и пытаясь обвить тело девушки. Та же, упершись ногами и руками в стенки, засела там плотно, словно моллюск в раковине. Влажный змеевидный отросток, не в силах достать ее, вновь и вновь, соскальзывал с тела. Один раз он скользнул между ног Дженни и та машинально стиснула бедра, пытаясь не пропустить скользкую извивающуюся плоть. Давление не понравилось ящеру с недовольным рычанием выдернувшим язык. Но само это движение, упруго проволочившееся у нее между ног, пробудило в Дженни чувства, казалось бы, неуместные в этом кошмаре. Однако сама ненормальность происходящего неожиданно распалила Дженни. Очередная близость смерти пробудила свойственный ей кураж и страсть к экспериментам. Если ей суждено помереть здесь — так можно хотя бы повеселится напоследок.

— Значит, любишь, когда язычком, — сквозь зубы процедила она, одной рукой расстегивая штаны, — ну, давай тварь, сунься еще раз.

Штаны упали на пол и Дженни спешно заняла прежнюю позицию, упершись руками и ногами в камень. В следующий миг, извивающийся язык вновь вполз в пещеру и Дженни, слегка выставив вперед обнаженную промежность, почувствовала как касается ее скользкая упругая плоть. Она несколько раз качнулась бедрами, протираясь влагалищем по иссиня-черному языку, зажимая его между ног.

— Ну же, работай гадина, — прошипела она, — работай языком!

Снова и снова ящер пытался вытянуть Дженни из ее укрытия, но поскольку та надежно закрепилась, то язык тираннозавра лишь протирался по ее влагалищу. Дженни, у которой похоть окончательно оттеснила страх смерти, издавала громкие стоны, делая бедрами встречные движения. Волны невероятного, противоестественного возбуждения прокатывались по ее телу, корчившемуся в сладостных конвульсиях, пока терпкая женская влага стекала на язык чудовища. Девушка уже не боялась смерти и боли, не думала о том, что с ней будет — единственное, что владело сейчас Дженни, так это сожаление, что никто так не узнает, как ей отлизывал тираннозавр. Даже Недри...

— Эй, Недри, — крикнула она, — и ты еще надеялся меня трахнуть жирный говнюк? Видел бы ты, кто сейчас делает мне куни.

Ответа не последовало, но чудовище на миг прервалось, чтобы издать очередной рык — Эй, ты куда! прикрикнула Дженни, — сначала закончи, что начал!

Возникшие перед ней жуткие челюсти щелкнули, обжигая горячим дыханием ее живот. Но Дженни уже было наплевать: выпятив лобок, она подставила его под вновь высунувшийся язык, захватывая его в плен конвульсивно сжатых бедер.

— Охxxx, даaaa, не останавливайся, — простонала Дженни, — признайся, мой мальчик, тебе ведь тоже нравится? Сделай это! Вот так! Даааа!!!

Ящера, словно испугавшись этого крика, попытался выдернуть язык, извивавшийся, словно раненный слизняк. Дженни, не желая выпускать его из плена, что есть силы, стиснула бедра, вопя как безумная и содрогаясь от небывалого доселе оргазма.

— Суууууукааааа!!! Даааааааааа!!! Ещеееоооо!!!! Дааааааааайй!!!!

Она выгнулась дугой, разжимая ноги и тут ее мочевой пузырь, ослабленный одновременно страхом и возбуждением, все-таки не выдержал. Горячая струя хлынула на язык монстра, брызжа меж острых зубов, пока рекс с неожиданным усердием, принялся лакать золотистый поток, мощно проходясь языком по женской вульве. Извиваясь в сладостных судорогах, Дженни бессильно сползла по стене, оказавшись прямо перед хищной пастью, уже не думая, что проживает последние секунды своей жизни. И в этот момент истощенный рев буквально расплющил ее об камень. Огромные челюсти щелкнули, прокусывая язык, черная кровь залила Дженни с ног до головы, когда голова монстра резко дернулась, стремительно отползая от Дженни. Вновь еще более страшный рык сотряс стены пещеры и голова тираннозавра исчезла за завесой воды. Снаружи послышался грохот падающих камней, громкий плеск — словно разбушевавшиеся волны бились о камень, — и новый рев, в котором теперь явно слышалась боль и страх. Дженни, быстро напялив штаны, подбежала к краю пещеры и выглянула наружу.

Ее глазам предстало ужасающее зрелище: тираннозавр, отчаянно размахивая передними лапами и щелкая огромной пастью, пытался выбраться из озера, куда его тащила исполинская тварь, похожая на помесь кита и крокодила. Огромные зубы вонзились в ногу рекса, пока водяное чудовище, пятилось задом, пытаясь уйти на глубину. Взметнулся огромный хвост, подняв тучу брызг — Дженни едва успела отскочить от ударившей о скалу волны. Когда же она вновь высунулась, с оглушенным хвостом тираннозавром все было кончено. Лишь на мгновение он появился на поверхности, завывая в последней агонии. Его ребра хрустели, из пасти фонтаном била кровь. В следующий миг он исчез в крутящейся алой воде. Из озера ударил гигантский столб воды и на поверхность выскочил шестидесятифутовый мозазавр с зажатым в пасти тираннозавром. Невероятное мускулистое тело извивалось, стараясь удержаться над водой. С невероятным усилием левиафан древних морей, затряс головой, во все стороны брызгая пеной и струями крови. Когда исполинский мозазавр вместе с изувеченной жертвой рухнул обратно в озеро, кровавая волна ударила о скалы, почти достав до пещеры. Когда Дженни вновь решила выглянуть наружу, оба ящера уже исчезли в глубине озера.

— С ума сойти, — сказала Дженни, глядя на расплывавшиеся кровавые круги, — надеюсь, ты хотя бы кончил напоследок. У меня вот получилось. Недри ты это видел? Недри!

Никто ей не ответил. Вернувшись в пещеру, Дженни наскоро обыскала ее, но ее спутника нигде не было. Дженни ломала голову над его исчезновением, когда вдруг услышала странно знакомые звуки доносящиеся с вершины горы.

— Можете расслабиться, Деннис, — терпеливо произнес Шарьер, — вы среди друзей.

Съёжившийся на полу толстый программист затравленно посмотрел на доктора, сидевшего на стуле, неторопливо прихлебывая из кружки какое-то вонючее пойло. Недри случайно встретился с ним взглядом и невольно отвернулся — глаза доктора, некогда черные, поменяли свой цвет, став желтыми с вертикальными зрачками. Недри посмотрел на Малькольма — тот, все еще со связанными руками, сидел на кушетке.

— Соглашайтесь, мистер Недри, — угрюмо сказал Ян, — поверьте, здесь никто не шутит.

Это Деннис понял и сам — достаточно было одного взгляда на двух образин, стоявших по бокам от Малькольма. Один держал в руках кружку с ароматным дымящимся кофе, то и дело, поднося ее к губам Малькольма, что, морщась, прихлебывал обжигающий напиток. Второй держал плитку шоколада, наполовину очищенную от обертки. Время от времени он подносил ее ко рту пленника, чтобы он откусывал по кусочку. Недри уже понял, что подобные твари и доставили его сюда — несмотря на то, что самих похитителей он так и не увидел. Когда дрожавший от ужаса Недри, спасаясь от тираннозавра, забился под огромного идола, камень под ним внезапно отъехал в сторону и Недри рухнул в какой-то провал. Каменная плита сразу же задвинулась и Деннис погрузился во мрак, сразу оживший множеством желтых глаз, вцепившийся в него когтистыми лапами, ударивший в ноздри мерзким мускусным смрадом. Денниса скрутили так быстро, что он и не пытался сопротивляться. Его потащили по дурно пахнущим, тесным коридорам, обдирая Недри кожу об острые выступы. В какой-то миг, от страха и одуряющей вони, Деннис потерял сознание — и очнулся только в камерке, где к своему удивлению увидел Малькольма и Шарьера. Последнего впрочем, узнать было мудрено — даже за то время, что Малькольм пребывал в этой норе, Шарьер все время неуловимо менялся. Даже на миг отвернувшись, с каждым новым взглядом на Шарьера математик отмечал в нем пугающие изменения. Кожа его все меньше напоминала человеческую, покрываясь чем-то вроде чешуи, ладони стали плоскими, очень широкими и завершались огромными когтями. Менялись и очертания фигуры под халатом — ранее свободного, а сейчас только что не рвущегося, на уродливом теле. С лицом же француза происходили столь жуткие метаморфозы, что Малькольм с трудом сдерживал отвращение смотря на него. Речь доктора, впрочем, оставалась вполне связной, хотя в ней все сильнее слышались шипение. Впрочем, это никак не повлияло на словоохотливость доктора.

— Наверное, вам тоже охота поесть по-человечески, — сказал Шарьер, обращаясь к Недри, — кофе, шоколад, а может и что-то более существенное. Здесь у нас богатые запасы и я с удовольствием поделюсь с вами... как только вы сделаете, что я прошу.

— Что... что вам от меня нужно? — дрогнувшим голосом произнес Недри. Вместо ответа Шарьер положил перед ним листки с уравнением Малькольма.

— Вот это нужно ввести в программу, — пояснил Шарьер, — не особо понимаю, как это сделать, но ведь вы профессионал, мистер Недри, вы сможете.

Недри наморщив лоб, посмотрел на листки, потом перевел взгляд на доктора.

— Я не уверен, что я...

— Чтобы вам лучше думалось, — перебил его Шарьер, — я покажу, что у меня тут есть

не только пряники, но и кнуты. С местными аборигенами, я так понимаю, вы уже знакомы, также как и с моими вранорапторами? Но у меня есть и иные союзники.

С губ его сорвался шипящий звук и стоявшие возле Малькольма «аборигены» беспокойно задергались, услышав раздавшееся в ответ шипение. В дальнем углу, где зиял вход в пещеры, что-то зашевелилось и Недри с Малькольмом увидели, как в комнату неторопливо вползает огромная змея с сине-серой чешуей. Недвижные глаза равнодушно смотрели на двух людей, раздвоенный язык щупал воздух перед треугольной головой.

— Садитесь, мистер Недри, — Шарьер встал со стула, — не хочу, чтобы вам что-то мешало. Искренне надеюсь, что дал вам должную мотивацию

Опасливо косясь на огромного змея, свившегося посреди комнаты, Недри сел за стол и включил компьютер. Засветился экран, негромко загудел процессор, когда на мониторе стали, один за другим появляться колонки цифр и букв. В следующий миг Шарьер щелкнул выключателем и все вокруг, кроме компьютера, погрузилось во мрак.

— Не стоит перегружать генератор, — усмехнулся Шарьер, непринужденно усаживаясь меж змеиных колец, — потребуется много энергии. И так все прекрасно видно.

— Как скажете, — пожал плечами Малькольм, — кстати, что это за тварь?

— Палеофис колоссус, — пояснил Шарьер, — доисторическая морская змея. Известна лишь по нескольким находкам позвонков, но нам с Ву этого хватило, чтобы вернуть ее к жизни. Конечно, пришлось использовать генный материал иных змей — морских, прежде всего, хотя эта рептилия им и не родня — палеофисы ближе к удавам. Кортни настоял, чтобы и эту змейку поместили под замок, в отдельном бассейне под горой, — но теперь нет никаких препятствий, чтобы вернуть ей свободу. Когда все закончится, палеофиса перевезут на Гаити, чтобы поклонники Дамбаллы обрели живого бога.

— Гаити? — недоуменно спросил Малькольм, — причем тут оно?

— Меня попросила дочка, — Шарьер вновь улыбнулся, оскалив острые зубы, — может, сейчас моя внешность вас и шокирует, но и мне не чуждо ничто человеческое. С Гаити меня связывает слишком многое....первый раз я побывал там в 1699, вскоре после присоединения колонии к Франции.

— Когда?! — не веря своим ушам, спросил Малькольм. Даже Недри на миг прервался удивленно уставившись на француза.

— Не отвлекайтесь, мистер Недри, — прикрикнул на него Шарьер, — доктор Малькольм, вы меня удручаете. Неужели, после всего, что вы видели здесь, вам хоть что-то кажется удивительным или невозможным? Я очень давно провожу свои исследования — и, без ложной скромности, скажу, что добился немалых результатов.

— И что же это за исследования? — спросил Малькольм.

— О, они проходят на стыке множества наук — сказал Шарьер, — герпетология, палеонтология, хирургия, этнография, религиоведение ...видите, как много дисциплин, а ведь я назвал не все. В своих изысканиях мне пришлось глубоко погрузиться в культ вуду — Мария, кстати, стала мамбо именно с моей протекции. Изучал я и египетскую мифологию и ряд иных традиций. Каждая из них, в своих тайных ответвлениях, соприкасается с культом Великих Древних — Ктулху, Йог-Сотота, Шуб-Ниггурат, Ньярлатхотепа. Другие грани этой традиции, открыл Джиллмен. Тот самый Хаос, который вы так блестяще использовали в своих изысканиях, культисты Древних именуют Азатотом, почитая его олицетворением тех грандиозных сил, что заключают в себе все грани мироздания и даже сверх его. Вы попрекали меня тем, что мы чего-то не рассчитали, но ведь мы и не ждем, что Хаос будет

следовать какому-либо плану. Если безумный бог, что бурлит и клокочет в центре вселенной, все поставит с ног на голову, мы подстроимся к этим изменениям и все равно добьемся желаемого.

— И чего же вы желаете? — спросил Малькольм. Шарьер холодно улыбнулся.

— Скоро узнаете.

— Все! — вдруг воскликнул Недри, разворачиваясь вместе со стулом — в азарте работы он даже забыл о своем страхе перед здешними страшилищами. В тот же миг экран компьютера вдруг осветился странным фиолетовым свечением, залившим всю пещеру.

— Очень хорошо, Деннис, — прошипел Шарьер и подал знак двум уродцами. Те тут же вцепились в волосы Малькольма, грубо задирая его голову.

— Что? — Малькольм дернулся, пытаясь вырваться, — что за дурацкие шутки, Шарьер?

— Поверьте, я делаю это с сожалением, — сказал Шарьер, поднимаясь со своего живого трона, — вы великий ученый, доктор Малькольм, будет жаль вас потерять. Однако если я не сделаю того, что должно, все это потеряет всякий смысл. Можете утешиться тем, что послужите поистине великому делу. Я, Шуб-Ниггурат!

В его руке блеснула сталь и доктор одним ударом перерезал горло Малькольму. Хлынула кровь и Шарьер, набрав целую пригоршню, брызнул в сторону светящегося компьютера. Алые капли будто растворились в фиолетовой глубине.

— Отойди, — бросил Шарьер Недри и тот испуганно шарахнулся в угол, ошеломленно наблюдая за странными метаморфозами экрана. На нем вдруг проступила некая геометрическая фигура — и тут же экран словно расширился, став похожим на открытую дверь. Геометрический узор исчез и на смену ему в фиолетовом портале возникла некая фигура. Настороженно озираясь, она шагнула вперед — и огромная змея поспешно убралась в сторону, уступая место нежданному гостю. В тот же миг фиолетовое свечение исчезло, но экран, вновь съезжившись до обычных размеров, продолжал мерцать, освещая и комнату и причудливое существо. Оно стояло на задних ногах, как человек и ростом было почти с человека, но на этом сходство исчерпывалось. Недри изумленно рассматривал серо-зеленую чешую, покрывавшую поджарое тело; небольшой хвост; высокий гребень на голове. В когтистой лапе существо держало нечто похожее на увесистую трость, но, приглядевшись внимательнее, ошарашенный Недри увидел на утолщенном конце что-то вроде маленьких глаз и небольшого рта. Через плечо твари свисала сумка из выделанной кожи, в которой что-то шевелилось.

Холодные зеленые глаза, в которых угадывался явный разум, уставились на Денниса и тот невольно задрожал от мелькнувшей в них ненависти. Однако Шарьер шагнул вперед, его пальцы задвигались в некоем языке жестов. С губ его сорвались шипящие звуки и тварь, склонив голову, внимательно слушала его. Потом ее рот приоткрылся и из него послышались звуки такой же речи. Этот диалог продолжался несколько минут, после чего Шарьер обернулся к Недри.

— Не удивляйся, Деннис, — сказал он, — наша гостья из мира, где эволюция пошла по... несколько иному пути, нежели у нас. Там, к сожалению, не оценили ее таланты по достоинству, но здесь эйстаа Вейнте найдет достойный прием. Чтобы доказать наши добрые намерения, я организую для нее небольшое развлечение — с твоим участием.

Он повернулся к явившейся из фиолетового света твари и произнес несколько слов на ее языке. Вейнте оскалила пасть, полную острых зубов, что, видимо, означало улыбку и шагнула вперед, доставая что-то из сумки. Недри испуганно шарахнулся, увидев в когтистой

лапе слабо извивающуюся тварь, напоминавшую помесь каракатицы и огромного слизня, с выпуклыми глазами на тонких стебельках.

— Не бойся, милая, я тебя не обижу.

Элли невольно дернулась, когда Мария, нависла над ней, с презрительной улыбкой на полных губах. Сейчас белая девушка лежала на веранде перед прудом, совершенно голая. Ее руки и ноги удерживали двое чернокожих террористов, в то время как мулатка, похотливо оглаживая девичье тело, шептала ей на ухо всякую похабщину. Смуглые пальцы проникли Элли между ног, умело массируя нежные губки. Девушка почувствовала, как тело предает ее — меж бедер у нее увлажнилось, изо рта вырвался томный стон и Мария, воспользовавшись моментом, умело запихнула ей в рот что-то ужасно горькое и острое. Элли хотела выплюнуть это, но Мария, зажав ей нос и слегка стукнув по горлу, заставила проглотить эту гадость. В следующий миг глаза Элли остекленели и она бессильно распласталась на веранде, потеряв сознание.

— Можете отпускать, — бросила Мария, — забирай ее, Джонни. Она очнется уже на Горе Черепа, но и тогда не будет сопротивляться — из-за «орешка Самеди», все мысли ее окажутся лишь об одном. Ну, а дальше — ты и сам знаешь, что делать ...

— Знаю, — проворчал Джонни, — моя мать тоже была колдуньей.

Он наклонился, забрасывая на плечо обнаженную Элли и зашагал по тропинке, ведущей в гору. Мария повернулась к его подручным.

— Теперь тащите мальчика, — приказала она.

Вскоре уже Тим, — голый и связанный, — лежал на крыше бунгало. Рядом с ним восседала Мария, держа на коленях обтянутый кожей барабан. Гаитянка выбивала монотонную дробь, что-то напевая себе под нос. Тим переводил испуганный взгляд с мулатки на пруд, в котором вдруг взволновалась вода, будто в ней двигалось чье-то огромное тело. От парня не укрылось и то, что пять оставшихся террористов, — Генрих и тангоракцы, — куда-то исчезли, хотя и точно не поднялись на гору со своим главарем. Скорей всего, Мария предупредила боевиков, чтобы они держались подальше от того, кто таится в пруду.

С балкона одного из гостиничных корпусов за всем происходящим наблюдали Шон и Лекси. Охотник, нашедший в одном из служебных помещений большой бинокль, теперь внимательно оценивал диспозицию.

— Ну, что там? — взволнованно говорила ему под руку Лекси, — видишь Тима?

Шон сунул ей бинокль и выпрямился, до хруста потянувшись в суставах.

— Твой брат на крыше, — сказал он, — а рядом с ним служанка твоего деда — очень похоже на то, что она заодно с террористами.

— Вот сука! — выругалась Лекси, — и чего ей не хватало?!

— В Африке такое случается, — пожал плечами Шон, — я помню случаи, когда излишнее доверие к черным слугам работникам кончалось для белых фермеров... печально. Так, остальные террористы засели вооон в том корпусе.

Лекси перевела бинокль в указанном направлении и увидела на ступенях корпуса трех боевиков, хлеставших ром, взятый, надо полагать, из гостиничного бара.

— Нужно спасти Тима, — зашептала она, — идем сейчас же.

— Я понимаю тебя, девочка, — серьезно сказал Шон, — но меня беспокоит то, что тут только трое — а ведь раньше мы видели четверых черномазых. И одного белого — ума не

приложу, куда он делся? Что, если мы нарвемся на кого-то из них, пока будем идти к бунгалу.

— И что теперь? — возмущенно воскликнула Лекси, — будем сидеть на месте? Пока мы тут болтаем, эта сучка может сделать с моим братом...я даже не хочу думать, что.

— Если нам пальнут в спину, пока мы будем спасать Тима, то ему точно никто не поможет, — покачал головой Шон, — действовать будем так.

Мамбо продолжала молотить в барабан, распевая свою молитву-заклинание. Время от времени она прерывалась, чтобы похотливо погладить обнаженного подростка и тот, стыдливо корчась под этими ласками, не мог не признать, что ему приятны эти прикосновения. Белые зубы блеснули в довольной улыбке, когда мулатка заметила, как пробуждается под ее бесстыдными ласками молодая плоть.

— Тебе нравится это, Тимми? — мурлыкнула она, — ах ты негодник! Я помню, как ты смотрел на меня там, у бассейна, когда старый развратник, заставлял меня выходить в бикини, разнося вам напитки. Ты пялился даже на свою сестру, мелкий пакостник!

Тими невольно вскрикнул, когда женские пальцы легонько стиснули его яички, его тело дернулось и он со стыдом понял, что окончательно опозорился. Мария, гортанно расхохотавшись, отстранилась от парня, со вкусом облизывая пальцы.

— Скоро ты встретишь еще одну женщину, — сказала она, — на острове много самок. Знаешь, в старые времена, многие великие вожди вели свой род крокодилов. Своим прародителям они приносили в жертву девушку, непорочную девственницу. Ее одевали, украшали цветами, как невесту, и сажали на священный камень у реки. Когда крокодил утаскивал ее, считалось, что она стала его женой. Но у нас тут одни самки — а это значит, что им нужна не невеста, а жених. Я сама обвенчаю тебя с твоей невестой, свершив ритуал, что укрепит мою власть над Воскрешенными.

До Тима еще не дошел смысл ее слов, когда мамбо вдруг встала, вскинув руки. С ее губ сорвался странный звук, неожиданно громкий для молодой женщины — утробный устрашающий рев. Такой же рев раздался в ответ и из взволновавшейся воды взметнулась исполинское чудовище, разом занявшее собой весь пруд. Гребнистый хвост пенил воду, щелкала клыками огромная пасть и голодным блеском горели глаза исполинского крокодила — тридцатифутовая самка пурусавра, готовилась принять жениха, обреченного, заодно, стать и праздничным блюдом на их свадебном пиру.

Шон Кортни крался по узкой тропке меж усыпанных белыми цветами декоративных акаций. Путь оказался не особо удобным, — острые колючки то и дело впивались в его кожу, зато террористы, явно избегавшие колючих зарослей, вряд ли станут ждать нападения отсюда. Добравшись до корпуса, Шон оказался под небольшим балконом. Подпрыгнув, он ухватился за перила и, подтянувшись на руках, оказался в гостинице. Осторожно отомкнув дверь, Шон вышел из номера, настороженно озираясь по сторонам.

Шум спускаемой воды помог ему найти упущенного из виду террориста — ворвавшись в туалет, Шон увидел, как тот сидит на унитазах, ошарашено глядя на белого охотника. Нехарактерная для его собратьев любовь к гигиене стоила боевику жизни: метнув нож, Кортни по рукоятку вогнал его в лоб каффира. Забрав приставленный к стене автомат, Шон метнулся к выходу. Пьяные боевики не успели ничего сделать, когда Шон разрядил в них автомат. Быстро собрав оружие террористов, Шон припустил через японский сад в сторону пруда, откуда уже слышался хорошо знакомый ему рев. Единственная мысль не давала ему покоя — где, черт бы его побрал, белый террорист?

Исполинский крокодил молотил хвостом, выплескивая на берег целые волны, щелкал зубастой пастью, стараясь дотянуться до замершего от ужаса Тима. Над ним, вскинув руки, стояла довольно улыбавшаяся Мария.

— Вот и все Тимми, — сказала она, — ты последний из тех, кто остался на этом острове от крови Джона Хэммонда. Твоя смерть окончательно уничтожит все притязания вашей семьи на Тангорак. Твоего деда уже сожрали его же творения, также, как я думаю, и твою шлюху-сестренку — а жаль, из нее могла бы получиться жертва не хуже...

— Так за чем же дело стало? — вдруг послышался позади нее презрительный голос, — вот она я! Приди и возьми, черномазая шлюха!

Мария резко обернулась — на крышу уже взбиралась Лекси, с ненавистью смотря на гаитянку. Та выхватила нож, но Лекси оказалась быстрее — метнувшись с быстротой молнии, она опрокинула мулатку на крышу. Не удержавшись, обе покатались по скату, лишь в последний миг, задержавшись на краю. Под ними пенил воду и щелкал исполинскими челюстями крокодил, пытаясь достать до дерущихся женщин. Лекси, как более сильная и ловкая, оказалась сверху, но Мария отчаянно сопротивлялась, пуская в ход ногти и зубы. Лекси, не обращая внимания на кровоточащие царапины, стиснула руками горло колдуньи. Та отчаянно забилась, когда Лекси, подогреваемая ненавистью к предательнице и страхом за брата, вложила все силы в один могучий рывок. Послышался сухой треск и тело Марии бессильно обмякло, когда Лекси свернула ей шею. Встав на ноги, девушка презрительным пинком спихнула труп с крыши. Долететь до пруда мертвая колдунья не успела — щелкнули огромные челюсти, разжевывая и проглатывая неожиданное угощение. После этого, пурусзавр, которого уже ничто не удерживало в тесном водоеме, выполз из него и, с шумом раздвигая кусты и деревья, исчез в зарослях.

— С вами все в порядке? — выбежавший Шон увидел лишь хвост огромного крокодила, исчезающий в зарослях.

— В полном! — крикнула Лекси. Усевшись рядом с братом, она уже развязывала путы восхищенно смотревшего на нее Тима.

— Сестренка, ты настоящий тигр! — выдохнул он.

— Помни об этом, — Лекси взерошила его волосы, — кто тебя обидит, дня не проживет.

— Где белый террорист? — спросил Шон, когда брат с сестрой спустились с крыши, — Тим, ты его видел. Кто это вообще?

— Я слышал как тот, что был у них за главного, называл его Генрихом, — сказал Тим, — он и говорил с каким-то акцентом, может и немецким.

— Так и где же он? — нетерпеливо спросил Шон.

— Не знаю, — пожал плечами Тим, — но они говорили, что у них где-то есть катер.

Над этой информацией Шон размышлял недолго.

— Держи, — Шон сунул Лекси штурмовую винтовку, взятую у мертвых террористов, — умеешь с этим обращаться?

— Разберусь, — кивнула девушка, — меня учили стрелять.

— Тогда вперед, — сказал Шон, — за нашим единственным шансом выбраться отсюда.

С Генриха Куртамайера было достаточно: всех этих динозавров, безумных обрядов, странных амбиций Джонни Конго, подогреваемых, неизвестно откуда взявшейся колдуньей. Если Джонни охота и дальше оставаться на этом чертовом острове — его дело. Немец больше не собирался во всем этом участвовать.

Генрих бежал мимо гостиничных корпусов, теннисных кортов и бассейнов. Преодолев очередную пальмовую аллею, он оказался на берегу моря, где с радостным волнением увидел большую пристань, рядом с которой стоял катер. Вбежав на борт, Генриху кинулся в рубку, торопясь завести мотор и убраться отсюда. Он уже стоял в дверях, когда позади него вдруг послышался громкий плеск и его тело словно сжали мощные тиски, пронзившие его жуткой болью. В следующий миг террорист взлетел на воздух. Он еще пытался отбиваться, стреляя во все стороны из автомата и громко зовя на помощь. Лишь когда холодная вода сомкнулась над ним, а в ноги вцепились еще одни зубастые челюсти, Генрих окончательно понял, что это конец.

Выбежавшие на пляж Шон, Лекси и Тим увидели удалявшихся в море стиксозавров, вырывавших из пасти друг у друга окровавленные лохмотья.

— Никому бы не пожелал такой смерти, — передернулся Шон, — но уж лучше он, чем мы. Ну, что ребятки, на борт.

— А что с Элли? — вдруг вспомнил Тим, — может, она еще жива? Джонни Конго унес ее на Гору Черепа.

Шон медленно перевел взгляд на высившуюся над ними исполинскую вершину, потом перевел взгляд на Лекси. Та решительно кивнула.

— Найдите себе безопасное место, — сказал охотник, — и лучше не подходите пока к морю. Я вернусь так быстро, как только смогу.

Окруженный туманными испарениями, Джонни Конго стоял на краю Правой Глазнице, мерно ударяя в барабан обтянутый человеческой кожей и распевая гортанные песнопения. Словно в такт им слышалось журчание невидимых глазу горячих источников, наполнявших воздух клубами сернистого пара. Саму же Глазницу разделял надвое обычный поток, вытекавший из большой трещины в скале и ниспадавший в озеро шумным водопадом

В отличие от левой пещеры, относительно пригодной для хозяйственного обустройства, эта часть горы не привлекла внимания ни создателей парка, ни их предшественников из плантаторов — предков Пенворда. Но в более ранние времена это место все же посещалось людьми — о чем свидетельствовал стоявший посреди потока, большой камень с плоской вершиной. На первый взгляд он выглядел обычной скалой, но внимательный взгляд мог различить полустертые изображения диковинных существ и странных иероглифов. Джонни Конго давно знал об этом месте — поэтому, пробравшись тесными пещерами, именно здесь он готовился осуществить свою инициацию.

Он видел, как мозозавр утащил под воду Ти-рекса и понял, что это тот знак, о котором говорила гаитянская жрица. Сейчас Джонни, стоя почти по пояс в бурлящей воде, ждал, когда чудовище поднимется вновь, чтобы принять подношение от короля Тангороака. Жертва уже готова — на камне извивалась, не находя себе места от похоти, обнаженная Элли Сэттлер. Пальцы ее ласкали набухшие соски, с искусанных в кровь губ срывались томные стоны. Джонни Конго мог быть доволен — зелье вуду, освященное именем лоя похоти и смерти, превратило девушку в подобие зомби одержимого одним первобытным желанием. Усмирить его можно очень просто, но Конго не собирался давать Элли облегчение, с садистским удовольствием разогревая ее сладострастие. Ритуал требовал обнажения обоих участников и поэтому Джонни стоял совершенно голый, — черный и волосатый, подобно кому-то из демонических богов Тангороака. Время от времени он касался восставшим членом женского лона, протираясь налитой кровью головкой меж сочившихся влагой половых губ. Элли, жалко всхлипывая, тянула руки к Джонни, но тот, поддразнив ее, неизменно отстранялся, наслаждаясь мучениями девушки. Именно такой, изнемогающей от похоти, белая шлюха отправится в пасть мозозавра, как дар короля Тангороака сильнейшему из здешних чудовищ, как символ нерушимого союза между двумя владыками острова. Конечно, трудно сдержаться, чтобы не овладеть этим покорно распластным белым телом, но ради королевской власти стоит и потерпеть. А свою похоть он утолит позже — с Марией, а может и с Генрихом — что поделать, если иной белой плоти тут пока нет. Немец, конечно, будет против, но кого это волнует — с Горы Черепа Джонни сойдет уже не полевым командиром, какими кишит вся Африка, а подлинным королем Тангороака. Кто такой Генрих Куртмайер, чтобы противиться желаниям монарха? По большому счету, немец Джонни уже и не нужен — скоро у него будет много новых подданных. После сегодняшнего действия Джонни Конго обратится к своим братьям, изнывающим на чужбине и все изгнанники, рассеянные от Сейшел до Центральной Африки, потянутся сюда, дабы обрести давно потерянную родину под державной дланью короля Тангороака.

От кровавых мечтаний его отвлекло сильное волнение на озерной глади. Из воды вдруг поднялась исполинская голова мозозавра, уставившего на Джонни холодными змеиными глазами. Джонни удовлетворенно хмыкнув, отложил свой там-там и уже

наклонился, чтобы подхватить на руки Элли, но тут вдруг замер, услышав позади шум осыпающихся камней и негромкие шаги. Джонни резко обернулся — из клубящегося пара к нему выходила Дженни Стемпер. В зеленых глазах девушки читалась лютая ненависть к террористу.

— Ты! — Джонни невольно сотворил знак, изгоняющий злых духов, — уйди, морго!!! Возвращайся обратно в море!

— И не надейся, Джонни-бой, — Дженни стоило особых усилий говорить спокойно, сдерживая рвущуюся наружу злую радость, — я пришла за тобой!

Джонни, уже понявший, что это не призрак, явившийся по его душу, мысленно выругал себя за беспечность — одежду и оружие он бросил на камни, будучи уверенным, что здесь ему ничего не угрожает. Сейчас все это лежало примерно на равном расстоянии, между ним и Дженни. Если бы ему удалось чем-то отвлечь ее, всего на миг.

— Я понимаю, ты хочешь мести, — сказал боевик, — но разве я один виновен в гибели твоей семьи? Нас было много в отряде и не только моя рука нанесла смертельный удар.

— Это не имеет значения, — выплюнула Дженни, — ты последний. Я была слишком мала, чтобы призвать к ответу остальных, но с тобой я посчитаюсь сразу за всех.

Забытая всеми Элли издала громкий всхлип, изогнувшись всем телом. Дженни невольно покосилась в ее сторону и тут же Джонни метнулся вперед — даже не к оружию, к самой девушке. Взметнулся огромный кулак — не убить, но оглушить, а потом, как следует позабавиться с этой сучкой. Он заставит ее пожалеть, что она не умерла вместе со своим чертовым семейством.

Механический визг взрезал воздух и Джонни отпрянул с криком боли, не верящими глазами глядя на валявшуюся на камне собственную кисть. Он посмотрел на Дженни, что держала бензопилу, которую, благодаря пару, она сумела спрятать за спиной. Ее губы подрагивали в садистской улыбке, ноздри возбужденно раздувались, почуяв запах крови. Медленно, словно растягивая удовольствие, Дженни начала подходить к Джонни, что тщетно пытался остановить кровь, хлещущую из обрубка руки. И вдруг он замер, расширенными глазами смотря на что-то позади девушки. Та брезгливо поморщилась, что ее собираются поймать на столь примитивную уловку, — но тут позади нее раздалось громкое шипение, на миг перекрывшее даже шум бензопилы. Дженни резко обернулась, подняв визжавшую пилу навстречу новому врагу.

Из клубов пара, один за другим, выныривали велоцирапторы. Сине-зеленые перья угрожающе топорщились на загривке, змеиные глаза неотрывно смотрели на Джонни.

— А ну пошли вон! — крикнула девушка, поднимая пилу и вставая между динозаврами и покалеченным боевиком, — этот ублюдок мой!

Ящеры как по команде повернулись к ней. Всего миг они рассматривали девушку, после чего, самый большой раптор, издал новое шипение, в котором Дженни, к своему удивлению, уловила явно просящие нотки.

— У вас с ним свои счеты? — догадалась Дженни, глянув на Джонни. Тот мелкими шажками отступал к краю «глазницы». Дженни перевела взгляд на рапторов и новая злорадная улыбка искривила ее губы.

— А это может быть весело, — сказала она, отступая в сторону, — ладно, ребята, он ваш.

Джонни шарахнулся к краю пропасти, но ящеры оказались быстрее. Сразу несколько рапторов прыгнуло, пролетев над головой Дженни, сбивая с ног террориста. Он рухнул на

спину и в тот же миг трехпалая лапа придавила его к земле. Джонни ужасно закричал, когда острый коготь вонзился ему в живот, распарывая кожу и мышцы. Зубастая пасть вцепилась в оставшееся целым запястьем, разом перекусывая его. Одновременно другая тварь вцепилась в ногу террориста, медленно, словно растягивая удовольствие, разгрызая коленную чашечку.

— Постарайтесь не делать этого слишком быстро, — бросила Дженни, отходя в сторону. Взгляд ее упал на алтарь — на нем все еще корчилась в сладострастных судорогах голая девушка. Дженни не знала Элли, но она сразу поняла, что в этой похоти что-то неестественное — пленница Джонни, словно не замечала всего, что происходит вокруг, не понимала, что она теперь свободна. Ее руки лихорадочно шарили по телу, не находя места от переизбытка страсти, а сквозь искаженное желанием лицо проглядывала такая боль и мука, что даже Дженни стало не по себе. Повинуясь внезапному наитию, она отложила пилу и, преодолевая бурное течение, подошла к алтарю. Наклонившись, Дженни осторожно развела девичьи ноги, касаясь губами внутренней стороны бедра. Тут же в ее волосы вонзились конвульсивно сжавшиеся пальцы. С губ Элли вырвался такой вздох облегчения, что Дженни, уже не колеблясь, подалась вперед, губами и языком впиваясь в трепещущую влажную плоть. Новый протяжный стон сорвался с губ Элли, ее тело выгнулось дугой, ноги конвульсивно стиснули голову Дженни и та почувствовала на языке пряную женскую влагу. В следующий миг Элли обмякло, она бессильно распласталась на камне и Дженни, высвободившая голову из разжавшихся ног, увидела, что девушка мирно спит со счастливой улыбкой на губах.

— Отдыхай подруга, — усмехнулась Дженни, усаживаясь на камень, поставив рядом выключенную пилу. Отсюда она могла в полной мере насладиться муками Джонни — ящеры ее не подвели, выказав изрядную сноровку в том, как причинить кому-то побольше боли, не убивая совсем. Изуродованный кусок мяса, с бесформенными обрубками вместо конечностей, лишенный носа, ушей и гениталий, все еще шевелился на камнях, пока ящеры откусывали от него один кусок за другим. Лишь когда ящеры, просовывая морды в дыру на животе Джонни, принялись вырывать и пожирать его внутренности, не состоявшийся король Тангорака, наконец, затих.

Неожиданно рапторы, как по команде, повернули к Дженни окровавленные морды. Та замерла, внезапно поняв, что осталась одна со все еще лежавшей без сознания Элли, против не менее десятка хищных динозавров. Она приподняла бензопилу, готовясь к бою, хотя и понимала, что против этих тварей, более крупных и многочисленных, чем пернатые ящеры, с которыми она билась в гараже, ей не выстоять. Однако динозавры вели себя странно — выстраиваясь по обоим берегам потока, они не торопились нападать, неуверенно переминаясь с ноги на ногу.

— Ну, что встали? — сказала Дженни, — чего нужно?

От рапторов отделился один — чуть больше других, с ярко-зеленым хохолком на макушке. Сделав несколько осторожных шагов, тварь внезапно рухнула перед Дженни, почти полностью погрузившись в поток. Ошарашенная девушка смотрела, как динозавр, издавая курлыкающие звуки, выгибает шею, прикрыв глаза. Дженни нерешительно протянула руку, погладив сине-зеленые перья, и тварь закурлыкала еще сильнее, чуть ли не лапаясь к девушке. Тут же и остальные динозавры упали по обоим берегам потока, замерев в позе в которой легко угадывалась демонстрация подчинения.

— Вот, значит, как, — Дженни обвела взглядом рапторов, потом выйдя на берег, подошла к брошенному Конго вороху одежды. Сноровисто оделась, перекинула через плечо трофейный автомат и повернулась к ящерам.

— А ну, хватит валяться! — крикнула она, — вы динозавры или сраные курицы?! За мной!

С этими словами она повернулась спиной к динозаврам, вступая под своды, исходящей парами пещеры. Вслед за ней трусили веилоцирапторы, наконец-то нашедшие, новую альфа-самку для своей стаи.

— Элли! Элли очнитесь? С вами все в порядке.

Элли открыла глаза и увидела перед собой встревоженное лицо Шона Кортни.

— С вами все в порядке? — повторил он, — что здесь произошло?

— Да, — рассеяно сказала Элли, — со мной все нормально.

На ее губах заиграла мечтательная улыбка.

— Мне снился приятный, очень приятный сон, — словно спохватившись, она недоуменно огляделась, — а где...где я? Где этот...ужасный человек?

Ее глаза остановились на странном предмете, лежащем у края «глазницы».

— Не смотрите туда, — Шон чуть ли не силой заставил ее отвернуться от того, что осталось от Джонни Конго, — он больше не причинит вам вреда. Вот оденьте.

Он набросил на плечи девушки рубашку и помог ей подняться.

— Давайте уходить отсюда, — сказал он, — внизу ждут Лекси и Тим. И у нас есть катер, который поможет нам выбраться с этого проклятого острова.

Придерживая девушку за плечи, Шон двинулся к пещерам. Спустя мгновение «глазница» опустела — если не считать летающих ящеров, что с громкими криками слетались на окровавленные останки «Короля Конго».

— Конечно, не все получилось, как я хотел, но так даже лучше.

Даррен Пенворд сидел в своем кабинете, оборудованном в одной из старинных башен Пенворд-Холла. За стенами замка была глубокая ночь, да и в самой башне царил мрак, лишь отчасти развеиваемый мерцанием компьютера на столе. Сам лорд Пенворд с интересом вглядывался в лица собеседников, с той стороны экрана. Впрочем, «лицами» их можно было именовать разве что с иронией — жутковатые личины, покрытые чешуей и скалящиеся острыми клыками, надолго бы лишили душевного спокойствия человека с менее крепкими нервами, чем у Пенворда. У Шарьера еще угадывались знакомые черты, что, впрочем, делало его внешность еще более уродливой. Его же спутница и вовсе была лишена всего человеческого — что странным образом делало ее менее отталкивающей. Под определенным углом она даже могла показаться симпатичной — как могут казаться милыми изящные ящерики, снующие в траве.

— Так или иначе, Хэммонд мертв, а значит наш договор утратил силу, — продолжал Даррен, — я оповещу своих юристов, чтобы они занялись этим вопросом. Думаю, в скором времени Тангорак вернется семье Пенвордов.

— Вряд ли вашим юристам стоит появляться на острове, — голос Шарьера сейчас напоминал приглушенный рык аллигатора, — сейчас не лучшее место для посторонних.

— Само собой, — кивнул Пенворд, — есть немало возможностей сделать это на расстоянии. Что же до самого острова — я уже связался со своими друзьями в правительстве Австралии и в скором времени несколько кораблей выйдет к Тангораку.

— Блокада? — спросил Шарьер.

— Она самая, — кивнул Пенворд, — думаю, десяти миль хватит. Заодно проследят, чтобы туда не сунулись индусы или индонезийцы. На берег, конечно, морякам высаживаться не разрешат, под предлогом заражения или чего-то в этом роде. Внутри карантинной зоны распоряжаетесь вы — до тех пор, пока я не решу все вопросы и не приеду самолично.

— Как скажете, мистер Пенворд, — кивнул Шарьер. Сидевшая рядом разумная рептилия также издала шипящий звук, тоже, надо полагать, означавший согласие.

— Особенно мне охота встретиться с Вейнте, — Пенворд перевел взгляд на нее, — пусть мы и из разных миров, но особы, облеченные властью, всегда найдут общий язык. Это особенно нужно сейчас, когда у нас впереди столько великих дел.

Шарьер повернулся к Вейнте, издав несколько шипящих слов. Та ответила тем же шипением, двигая когтистыми пальцами в причудливом языке жестов.

— Эйстаа говорит, что тоже жаждет встречи с вами, — перевел Шарьер.

— Надеюсь уже скоро, — усмехнулся Пенворд, — ладно, конец связи.

Он выключил компьютер, и, выждав пока глаза привыкнут к воцарившемуся вокруг него мраку, спустился в холл. Налив виски, Пенворд уселся перед камином, обдумывая, что делать дальше. На душе его было спокойно — конечно, многое пошло не по плану, но ничего непоправимого не случилось, а кое в чем даже обернулось к лучшему. Главное, что сам проект удался — особи оказались вполне жизнеспособными, показав себя на воле именно так, как ему бы и хотелось видеть динозавров в столкновении с человеком. Все это будет востребовано, когда все, что случилось на острове повторится в большем масштабе... намного большем.

Пенворд не был пустым мечтателем, оторванным от действительности — он прекрасно отдавал отчет, сколь невероятно сложную цель он поставил перед собой. И, тем не менее, он считал эту цель вполне достижимой. А цель того стоила — Пенворд на миг закрыл глаза, видя перед собой прекрасный новый мир. Мир, очищенный от убивающей его промышленности, в котором омерзительные многолюдные города поглотят густые леса и топкие болота, а сам человек будет низвергнут с трона Царя Природы. Чудовищные твари будут шествовать по Земле, как встарь, а жалкие остатки человечества будут жаться к высоким замкам вроде этого — поместьям обновленной элиты, подлинных аристократов тела и духа, что станут богами нового мира. И первым среди божественных владык станет Даррен Пенворд.

Именно ради достижения этой цели Шарьер и вырвал в помощницы эту самую Вейнте, ради чего пришлось совместить новейшие технологии с секретами доисторической черной магии. Впрочем, и сам Парк создавался так же — достижение современной генетиков совмещались с тайнами, почерпнутыми Шарьером в проклятых книгах, хранивших секреты сгинувшего еще в доисторические времена города Ксухотля. Его колдуны с помощью черной магии воскрешали огромных ящеров, облакая окаменевшие кости плотью, чтобы чудовища снова пошли по земле, как во времена, когда мир был молод. Вейнте поможет вернуть эти времена — Пенворд был зачарован рассказами о ее мире, с его совершенно невероятными успехами в работе с живой материей. Ихтиозавры вместо подводных лодок, живые ружья, фотокамеры, плащи — все это и многое другое, совмещенное со здешними наработками, поможет им построить подобный мир здесь — управляемый владыками, что, с помощью наработок самого Шарьера, смогут жить и править даже не десятилетиями, но веками!

От глобальных планов мысли Пенворда перешли к более частному. Эта Вейнте... безусловно ее мир знал иерархию, пусть и основанную на иных принципах, нежели те, что грезились Пенворду. Но кое-что можно и позаимствовать — и, возможно, сближение обоих миров начнется еще быстрее...на примере отдельных частных случаев. Пенворд уже знал о смерти Сары и не сомневался в гибели Дженни — обе женщины, разделяя его пристрастия, доставили лорду немало приятных минут и он искренне сожалел об их смерти. Однако жизнь продолжается — и почему бы ему не испробовать нечто совершенно новое, восхитительно дерзкое и волнующе извращенное? Не прочувствовать на себе на что способны когтистые лапы разумной рептилии?

Прихлебывая виски, Пенворд сидел у костра, погруженный в приятные и величественные видения светлого будущего.

— Почему ты не остановился? — спросила Лекси у Шона, когда тот, завидев шедший параллельным курсом военный корабль, прибавил скорость, разворачивая катер к северу.

— Не хочу тратить время на разговоры, — пояснил Шон, усаживаясь в капитанском кресле и рассматривая простилавшуюся перед ними морскую гладь, — военным вечно что-нибудь надо. Тебе как, сильно охота рассказывать то, что происходило на острове?

— Даже не знаю, — пожал плечами Лекси, — если это действительно нужно...

— Мне не нужно, — отрезал Кортни, — начнутся расспросы: как у нас оказался этот катер, где его прежние владельцы, какое мы сами имеем отношение к тому, что произошло в Парке? Глазом не успеем моргнуть, как сами окажемся во всем виноваты — как единственные выжившие. Тем более, что я все-таки приложил руку к созданию Парка и мне будут задавать самые неприятные вопросы.

— Ладно, убедил, — кивнула Лекси, — ну и что дальше? Куда теперь?

Шон усмехнулся и привлек к себе девушку, усаживая ее на колени.

— Если продолжим двигаться тем же курсом, — сказал он, — к вечеру окажемся на Мальдивах. Там у меня есть знакомцы, которым можно будет без лишнего шума спихнуть этот катер. Полученных денег хватит, не только чтобы убраться куда подальше, но отдохнуть пару-тройку дней на лучшем из тамошних курортов.

— Звучит заманчиво, — рассмеялась Лекси, отвечая на поцелуй Шона, — думаю, мне нужно привести себя в порядок, раз уж мы едем на курорт. Кажется, я видела тут душ.

— Иди, — усмехнулся Шон, отпуская ее с колен и увесистым шлепком по задку выпроваживая девушку. Рассмеявшись, Лекси выскользнула из рубки, куда тут же зашел Тим.

— Можно я тут посижу, — спросил он, смущенно глядя на Шона, — я еще никогда не был на таком корабле.

— Конечно, боец, — кивнул Кортни, — могу даже дать порулить.

Каюту, что некогда занимала Сара Хардинг, сейчас делили на двоих Лекси и Элли. Молодая ученая, спасенная с Горы Черепа, вела себя странно: Лекси даже казалось, что Элли немного чокнулась от всех переживаний. Вот и сейчас она лежала на кушетке, глядя в потолок и задумчиво улыбаясь каким-то своим мыслям.

— Ты бы поела? — сказала Лекси, с беспокойством смотря на соседку, — здешние консервы, конечно, та еще дрянь, но хоть что-то...

— Пока мне не хочется, — Элли посмотрела на Лекси и безмятежно улыбнулась, — спасибо.

— Как хочешь, — Лекси пожала плечами и зашла в душевую. Элли продолжала смотреть в потолок, мучительно пытаясь вспомнить то, что произошло с ней там, на горе. Что-то изменилось в ней после этого странного сна — что-то, что Элли до сих пор не могла толком объяснить себе. Она чувствовала лишь то, что это связано со смутным ощущением чего-то очень приятного, чего она никак не могла вспомнить.

Из душевой послышался шум льющейся воды, потом голос Лекси, негромко напевающей что-то. И тут Элли поняла.

Лекси намыливалась под душем, мурлыча под нос популярный мотивчик, когда позади нее хлопнула дверь и женские руки осторожно обняли талию девушки.

— Хочешь, спинку разотру? — шепнула ей на ухо Элли.

Выключив компьютер, Шарьер повернулся к Вейнте, с интересом наблюдая за ее реакцией. Разумная рептилия, конечно, старалась не подавать виду, насколько ей все здесь непривычно, но сохранять спокойствие получалось не всегда. Порождение принципиально иной цивилизации, не знающей даже огня, явно сбивало с толку обилие техники, загромождавшей пещеру. Но надо отдать Вейнте должное — она быстро училась. Тем более, что практическое применение окружавших ее устройств было весьма схоже с теми созданиями, что выполняли схожую функцию в ее мире.

Мире, который они собирались возродить на Земле.

— Я отлучусь на некоторое время, — объяснил жестами Шарьер, — помнишь, я рассказывал?

— Я помню, — ответила Вейнте, — я подожду.

Шарьер скинул остатки халата, обнажив покрытое ороговевшей кожей тело, даже сейчас претерпевающее некие мутации. Он прошел к небольшой двери, за которой находился потаенный инкубатор, о котором не знал даже доктор Ву. Здесь, под светом инфракрасных ламп, ожидали своего часа зародыши самых свирепых хищников, когда-либо

живших в мезозойскую эру — тираннозавров, спинозавров, кархародонтозавров, мозазавров и многих других. Но тут же вызревали эмбрионы и еще более страшных существ — невероятных гибридов, превосходящих всякое воображение. Именно над ними Шарьер собирался работать вместе с Вейнте, готовя к появлению на свет чудовищ, подобных которым еще не рожала Земля.

Но это все будет потом — сейчас же перед Шарьером стояли задачи более личного характера. За инкубатором открывался выход на берег подземной реки, ниже по течению которой находилась потаенная нора, где доктор собирался погрузиться в собственный инкубационный период. Метод, которым Шарьер достигал своего невообразимого долголетия, предполагал, среди прочего, период полубессознательного оцепенения, проводимого в сыром темном месте. В ходе этого анабиоза шло полное обновление организма, с обретением им новых физиологических характеристик. Шарьер уже неоднократно совершал над собой соответствующую операцию, с сопутствовавшими ей колдовскими обрядами, чтобы возродиться на качественно ином уровне.

На миг он поморщился, вспомнив о дочери. Не то, чтобы он сильно жалел о Марии — за свою неестественно долгую жизнь Шарьер оставил многочисленное потомство, весьма распространившееся по планете. Однако на мулатку, также как и взятых ею на поруки террористов у него имелись свои планы — королевство Джонни Конго планировалось сделать своего рода черновиком, грубым предварительным наброском того общества, которое они собирались строить вместе с Пенвордом. Когда он проснется, придется начинать все заново — впрочем, это уже задачи Пенворда.

С этими мыслями Шарьер вышел на берег подземной реки и, вступив в воду, бесшумно заскользил вниз по течению.

Вейнте осталась одна — несмотря на то, что Шарьер переподчинил ей подземных аборигенов, сейчас они скитались где-то по пещерам, так же как и огромный змей. Так что никто не мешал разумной рептилии думать о том, как долго они с Шарьером будут нужны друг другу. Жизнь здесь, среди бесчисленных устузоу, казалась ей пыткой и все же это лучше, чем то, что ожидало ее дома. К тому же этот странный способ превращения устузоу, — нет, конечно же, не в иилан, но во что-то отдаленно схожее, — стоит задержаться хотя бы ради того, чтобы разузнать о нем побольше. Но это получится лишь когда проснется Шарьер — как поняла Вейнте на очередную трансформацию уйдет несколько дней, в которые ей нужно чем-то себя занять. К счастью, — она плотоядно осклабилась, — Шарьер оставил ей забавную игрушку.

Вейнте посмотрела в угол, где сидел Деннис Недри, стянутый живыми путами, напоминавшими свившуюся восьмеркой змею, ухватившую себя за хвост. Одно из колец «восьмерки» стягивало шею Недри, второе охватывала росший прямо из пола огромный сталагмит. При малейшей попытке Недри освободиться чешуйчатые кольца оживали, сдавливая горло несчастному толстяку. Другая тварь, принесенная Вейнте из своего мира — унукатх, головоногий слизень, — тоже неплохо поработал, полностью очистив жирного устузоу от всех волос на теле. Голый и совершенно лысый, программист со страхом смотрел на подхихившую к нему Вейнте.

«Совсем как наши самцы, — думала она, с презрением рассматривая трусливого устузоу, — такой же толстый и неуклюжий. Мясо для высших».

К сожалению, Шарьер еще видел какой-то прок от этого создания, поэтому Вейнте не могла полакомиться его мясом. Однако союзник не запрещал ей пользоваться Недри иным

способом. Нужным, если уж на то пошло, ей сейчас не меньше, чем еда.

Разумная рептилия кровожадно оскалилась, еще больше пугая трясущегося от ужаса Недри. Подойдя к нему, она опустила лапу, заставив программиста съежиться от холодного прикосновения когтистых пальцев.

— Ты похож на наших самцов, — недобро рассмеялась Вейнте. — У тебя один, а не два, как у них, но реагируешь ты, как и положено.

Устузоу что-то залепетал, явно возражая, однако рептилия не обращала внимания на этот писк. Сексуально-агрессивная, как и все самки иилане, Вейнте одним толчком опрокинула Денниса на спину и уселась сверху, свирепо лишая девственности толстого задрота. Недри как мог, старался угодить Вейнте, уверенный, что будет жить лишь пока сможет доставлять удовольствие ненасытной твари.

Огонь вспыхнул, жадно пожирая сухие ветки и высохшую траву. Велоцираптор, с любопытством наблюдавший за действиями Дженни, испуганно фыркнул и отскочил.

— Никогда не видел костра? — рассмеялась девушка, — ничего, привыкай. Я не могу есть мясо, так как вы.

Она кивнула в сторону туши молодого игуанодона, валявшегося на поляне. Ее стая, только что загнавшая ящера, сейчас, рыча и огрызаясь, пожирала свою кровавую пищу. Дженни же, выбрав подходящий кусок, поджаривала его на костре. Мясо травоядного динозавра оказалось вполне съедобным — что-то среднее между крокодилем и курицей.

Девушка носила камуфляжные штаны, куртку и армейские ботинки на высокой шнуровке. Всем этим она обзавелась, как следует пошарив в корпусах где жила охрана. Там же она раздобыла несколько коробков спичек и пару зажигалок, бинокль, большой охотничий нож, армейскую винтовку и много иных полезных вещей.

С вершины Горы-Черепя Дженни видела, как отчаливал катер, но внутри нее не шелохнулось и тени сожаления, что она не уплыла с ним. Ее месть свершилась и теперь она, чувствуя странную опустошенность, не желала возвращаться в большой мир людей. Когда-нибудь, возможно, она передумает, но сейчас ей неплохо и здесь. Бегать, охотиться, убивать вместе со стаей, насыщаясь плотью свежепойманного зверя — эти бесхитростные радости жизни неожиданно пришли ей по душе. Пусть идет к черту Пенворд со своими интригами, а вместе с ним Лондон, в котором она так и не стала своей, и весь остальной мир, в котором ей также нет места. Дженни нашла себя в новом мире, как некоронованная владычица жестокого и потрясающего Парка Динозавров.

Из глубины леса вдруг раздался громкий рев и деревья зашатались, обозначая путь идущего к поляне чудовища. Велоцирапторы, оторвавшись от еды, тревожно вскинули головы, оскалив зубастые пасти и вздыбливая перья. Дженни рассмеявшись, отложила недоеденный кусок мяса и, передернув затвор винтовки, вскочила на ствол поваленного дерева. Звериный рык раздался вновь и Дженни, не в силах сдержать эмоций, издала воинственный клич, на который все рапторы откликнулись громким шипением. Хищная стая обступила своего вожака, готовая к очередной жестокой схватке.